

ВОКРУГ СВЕТА

1 1980
ЯНВАРЬ

ВОКРУГ СВЕТА

№ 1 ЯНВАРЬ 1980

НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ЦК ВЛКСМ

ПУТЕШЕСТВИЙ, ПРИКЛЮЧЕНИЙ И ФАНТАСТИКИ

Журнал основан в 1861 году

Л. ЧЕШКОВА — Поезд шел в белую ночь	2-я стр. обл.
ВАЛЕРИАН СКВОРЦОВ — Вечера на канале Донг Ба	6
НАДИР САФИЕВ — Ни одной пропавшей улицы	10
ИГОРЬ ЗОТИКОВ — Счастливые сезоны на леднике Росса	14
ПЕТЕР ВАЙДА — «Подлежит устранению...»	20
А. СУХАНОВ — «Синяя птица» живет за облаками	23
В. ЛЯХОВЧУК — Портеньо Буэнос-Айреса	27
Спираль восхождения	32
ГЕННАДИЙ СОКОЛОВ — Страна трех городов	35
ЮРИЙ СЕНКЕВИЧ — «Славск» приходит на помощь	38
В. КОНСТАНТИНОВ — Красное солнце на черном поле	44
Л. МАРТЫНОВ — Небольшая война без томагавков	46
ВЛАДИМИР РЫБИН — Открой глаза, малыш!	49
В. СУПРУНЕНКО — Меч в тайнике	53
Р. Е. РОУДС — Сходство гор	54
НИКОЛАЙ ЯНЬКОВ — Полюс долголетия	56
С. БАРСОВ — «Черепашья серенада»	60
Пестрый мир	62
«Вокруг света» 50 лет назад	63
ЗВИГНЕВ ДВОРАК, РОМАН ДАНАК — Станный падающий камень	64
Л. ЖУРОВА — Чемпион на час	64

На первой странице обложки: СОВЕТСКИЙ СОЮЗ. Таллин. Город олимпийской регаты готовится к встрече гостей. О реставрации средневекового центра Таллина рассказывает очерк нашего корреспондента «Ни одной пропавшей улицы». Фото А. Маслова

Главный редактор А. В. НИКОНОВ

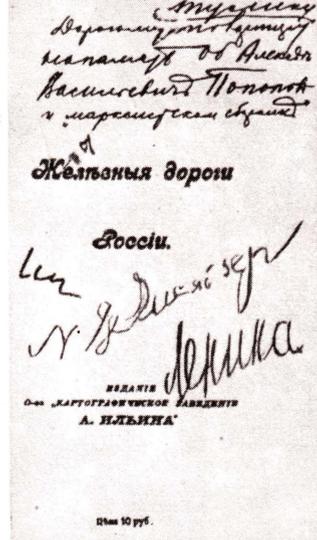
Члены редакционной коллегии:

В. И. АККУРАТОВ, А. В. ГУСЕВ, Р. Ф. ИТС, М. М. КОНДРАТЬЕВА, В. Л. КУДРЯВЦЕВ, В. А. ЛЕБЕДЕВ (заместитель главного редактора), Г. В. МАКСИМОВИЧ (ответственный секретарь), Ю. А. СЕНКЕВИЧ, О. И. СОКОЛОВ, Е. В. ХРУНОВ, Л. А. ЧЕШКОВА, В. М. ЧИЧКОВ, Г. И. ЯНАЕВ

Оформление А. Гусева и Т. Гороховской

Рукописи не возвращаются Технический редактор А. Бугрова

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Откроем очередную карту атласа «Железные дороги России», которым постоянно в своей работе пользовался Владимир Ильич Ленин¹. Карта XIV, Урал. На ней рукою В. И. Ленина обведены кружками железнодорожные узлы — Екатеринбург (ныне Свердловск), Кузино; едва заметным кружком помечена маленькая станция Луньевка, что лежит на север от Перми, недалеко от Соликамска.

Жаркие события происходили здесь летом 1919 года. Двигались по пыльному сибирскому тракту пехота, артиллерия, обозы — то Железная дивизия под командованием бесстрашного Азина подступала к Екатеринбургу. Вдоль железнодорожной линии от Лысьвенского завода до станции Кузино шла по пятам колчаковцев 21-я дивизия, чтобы, взяв Кузино, соединиться с Железной дивизией и предпринять последний бросок на Екатеринбург, оплот колчаковцев...

И на Западном Урале, в Верхнекамье, в районе станций Губаха и Луньевка, Кизеловского и Александровского заводов, шли жестокие бои. В Луньевке белогвардейцы взорвали мост через Косьву, и, уже после освобождения станции, несколько сот добровольцев с уральских шахт восстанавливали его.

Рабочие говорили: «По этому мосту от нас пойдет кизеловский уголь, который так ждет республика. По тому же мосту, ибо другой дороги нет, придет долгожданная, выстрадавшая нами новая жизнь...»

В. И. Ленин после заключения в марте 1918 года Брестского мира с особым вниманием следил за развитием промышленности на Урале. «Его очень беспокоила сосредоточенность нашей промышленности около Петрограда и на Юге — в Юзовке, а также топлива — в Баку и Донском крае, — вспоминал В. Д. Бонч-Бруевич. — Мы не долж-

¹ См.: «Вокруг света» № 10 за 1979 год.

ны зависеть от округов, находящихся под обстрелом или под непосредственной военной опасностью. Нам необходимо, развивая эти округа, все-таки уходить в глубь страны. Нашей мощной промышленной базой должен быть Урал».

Мысль В. И. Ленина о промышленном развитии Урала получила свое осуществление в годы предвоенных пятилеток, в годы военные и послевоенные. Претворяется она в жизнь и ныне.

Мы совершим путешествие в места, близкие к станции Луньевка, — в сегодняшнее Верхнекамье.

Л. ЧЕШКОВА, наш спец. корр.

Фото В. БРАНДМАНА

Поезд шел в белую ночь,

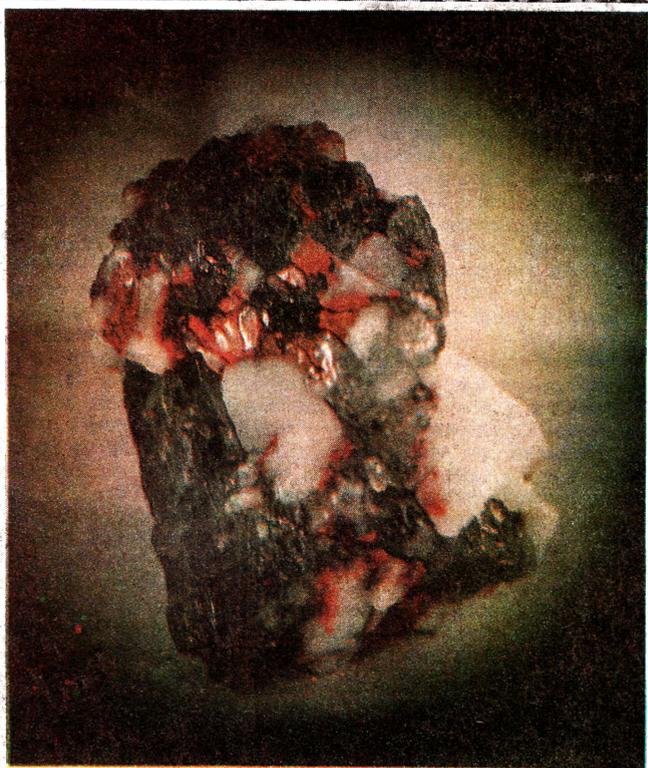
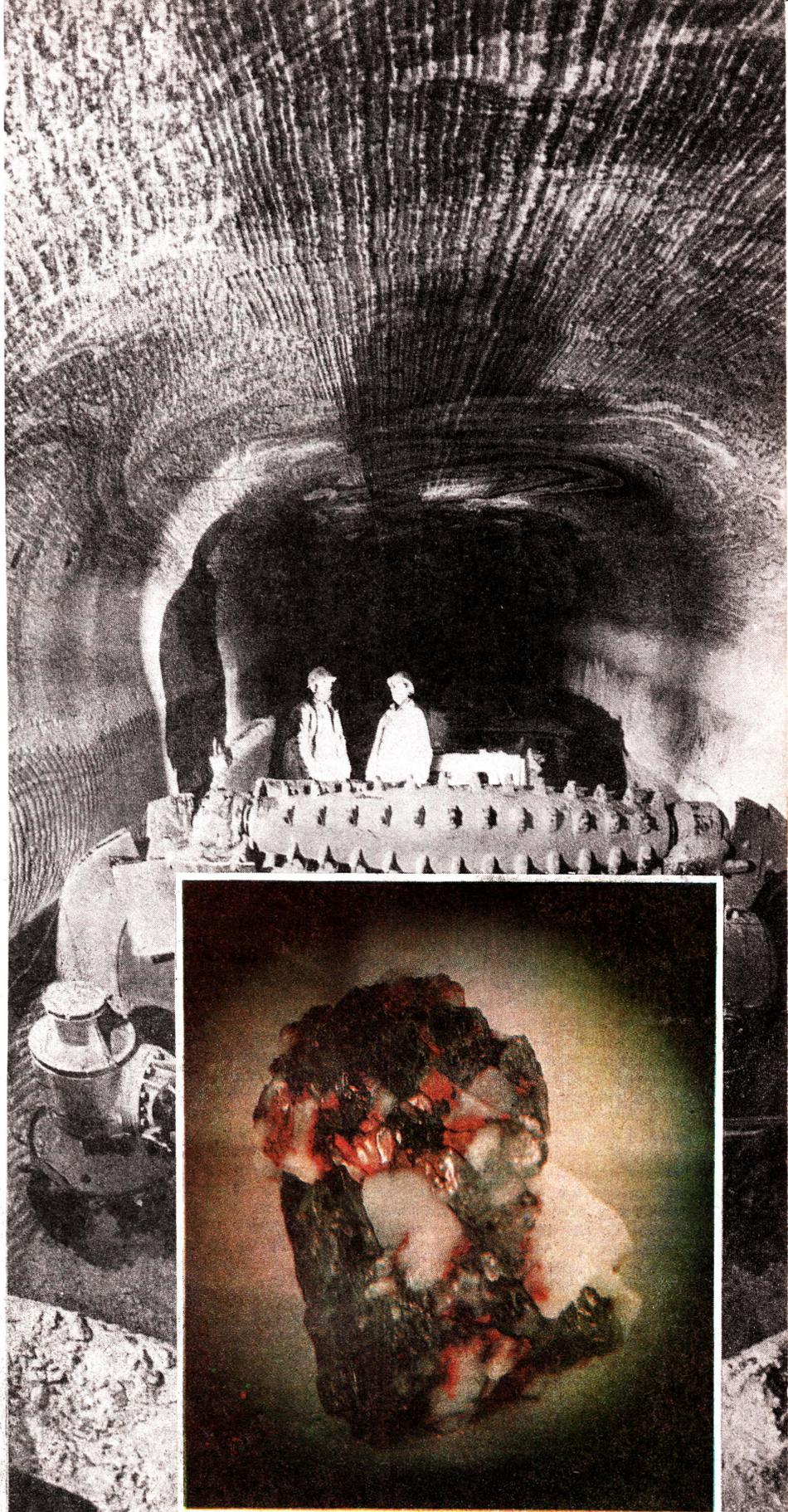
шел от Перми на север. Светлые блики на темной бегущей воде, черные пики елей, и в бледном небе — луна, полная, без света. Плыли, белея, стволы берез, и крутые пригорки, и высокие травы над сонными озерцами...

Мы приближались к Березникам.

Город выходил к Каме частоколом заводских труб, а за рекой лежало Усолье, темнел силуэт собора, синели леса. Еще не так давно они росли и здесь, на плоском левом берегу, где раскинулись Березники. Город родился полвека назад и своим появлением был обязан геологам.

В первый же день приезда в Березники в кабинете главного геолога объединения Уралкалий я увидела карту рудников. Подземные выработки тянулись на десятки километров: здесь были длинные проспекты и короткие переулки, большие и малые кварталы, тупики и площади, от которых во все стороны разбегались улицы. И над этим подземным городом, на поверхности, стоял другой город; они были связаны между собой настолько сильно, что, перестань существовать один, заглох бы и второй...

Зеленые магистрали Березников,

прямые, как мосты, застроенные трех-четырех-пятиэтажными домами, носят названия, напоминающие о недавней истории города, — Пятилетки, Свободы, Химиков; среди них не кажется неожиданностью и улица Преображенского. Вспоминаю фотографию, виденную в музее: интеллигентное лицо, седая борода, умный взгляд за старомодными круглыми очками в металлической оправе. Под портретом слова: «П. И. Преображенский, геолог, чье имя навсегда связано с открытием Верхнекамского месторождения калийных и магниевых солей».

В разговоре с главным геологом Уралкалия Борисом Михайловичем Голубевым я не могла не спросить о Преображенском, хотя понимала, что главный геолог слишком молод, чтобы помнить его. Голубев показал работу своего учителя и друга, известного исследователя Андрея Алексеевича Иванова, изданную недавно Академией наук СССР. На брошюре надпись: «В Березниковский краеведческий музей от автора». С интересом читаю этот краткий очерк о жизни и работе Павла Ивановича Преображенского, которого автор хорошо знал, и постепенно передо мной вырисовывается фигура большого ученого, неутомимого путешественника, прошедшего с маршрутными исследованиями и геологическими съемками обширные области Казахстана, Ленского бассейна, Забайкалья, Прибайкалья и Восточного Саяна. В 20-х годах, когда Преображенскому было уже под пятьдесят, его приковало к себе Западное Приуралье.

В 1924 году по поручению Уральского отделения Геологического комитета Преображенский работал с архивами уральских солевых заводов. (Как известно, Прикамье издавна славилось как центр солеварения. Отсюда и местные названия: Соликамск, его именовали в прошлом Соль Камская; Усолье, Сысолка и т. п. Соль-пермянка уходила обозами и баржами во многие города России.) Тогда-то ученый и столкнулся с проблемой освоения соляных богатств страны и поисков ценного минерального сырья — калийных солей.

Но как проводить разведочные работы, где взять буровой станок и оборудование к нему? Преображенскому и другим геологам пришлось затратить немало сил, чтобы вывезти буровой станок «Деви-Каликс»... из Сибири, с Центрального золотого прииска, вывезти по последнему санному пути, через тайгу, к железной дороге. Из Ленинграда доставили локомобиль, из Пятигорска буровое оборудование. Железнодороги до Соликамска тогда не было, и все грузы везли на лошадах по старинному Чердынскому тракту, а летом — по Каме...

Наконец на берегу реки Усолки начато было бурение первой скважины, и через несколько месяцев на глубине чуть более девяноста метров она во-

шла в толщу калийных солей. Преображенский писал: «Начальной датой возникновения советской калийной промышленности следует считать 5 октября 1925 года, день, когда из скважины № 1, около Соликамска, были извлечены первые 60 сантиметров колонки, состоящей из сильвинита».

В конце 1925 года Высший Совет Народного Хозяйства отпустил на разведку месторождения сумму, неизмеримо большую, чем прежде. Однако Преображенскому пришлось еще «повоевать» с немецкими специалистами (Германия до первой мировой войны была фактически монопольным поставщиком калийных солей на мировом рынке), которые не хотели признавать, что найденное месторождение простирается на многие километры.

В давней повести Константина Паустовского «Великан на Каме» есть короткая история о том, «как Преображенскому надоело открывать здешние богатства». Рассказывает ее хмик, случайный попутчик писателя, в вагоне поезда:

«— Вы спрашиваете, как могло Преображенскому надоесть это дело? Очень просто. Надо было выяснить площадь залегания калия. Преображенский пошел к югу, начал закладывать скважины через каждые 5 километров — пласт становился чем дальше, тем толще. Тогда Преображенский решил рыть скважины через 10 километров — все то же! А время, и немалое время, идет. Преображенский делает скачок в 25 километров до Березников — пласт еще богаче.

— Как вы думаете, — хмик засмеялся, — есть от чего прийти в отчаяние? Преображенскому надоело рыть землю каждые 25 километров. Он рванул на 50 километров к югу, к Чусовским Городкам... и насочил на знаменитую уральскую нефть».

В 1927 году под Соликамском были заложены первые шахты первого калийного рудника. Сохранилась фотография торжественного дня: толпа людей в ватниках, платках; белый снег, черные сторожевые ели и транспаранты, флаги, лозунги. Пожелтевший фотодокумент передает ощущение значительности события и одновременно бедности того времени.

Сегодня в Соликамске и Березниках — пять рудников, пять огромных комбинатов по добыче и переработке калийных солей. И строятся еще два. Половина минеральных удобрений, идущих с берегов Камы в сельское хозяйство, поступает на один из самых горячих участков сельскохозяйственного фронта — в Нечерноземье. Березники называют ныне столицей «республики химии».

Но судьба открытия геолога Преображенского не завершена. Один только факт: Верхнекамское месторождение калийных солей — второе в мире после Саскачеванского в Канаде — полностью еще не разведано! Обере-

гая уникальное месторождение, сохраняя его для разработки, Березники приостановили свой рост на левом берегу и скоро перекинутся на правый, где дремлет сейчас сонное Усолье.

После всего, что я узнала, конечно же, хотелось спуститься в штореки. Как-то на одном из рудников разговорились с молодой девушкой Леной Новиковой, геологом. Она сказала, что каждый день спускается в шахту, чтобы отобрать пробы для лаборатории, уходит за пробами и сейчас и охотно возьмет меня с собой.

— Пошли. — Лена надвинула поглубже каску на русые короткие волосы. Серая куртка и брюки ничуть не изменили ее облика, напротив, работая экипировка подчеркивала обаяние девушки.

В ламповой нам выдали фонари и самоспасатели, записали их номера и номер «нашего» шторека. Как-никак мы уходили под землю, на глубину 250 метров.

— При пожаре на полчаса хватит. — Лена помогла пристегнуть мне к поясу красную корбочку самоспасателя. — Только не забудьте, как он открывается...

Клеть медленно падает в шахту. Тоненькие лучики света от фонарей на касках горняков скользят по черным стенам колодца. Белеют шерстяные подшлемники на головах женщин. Слышен тихий разговор:

— Ну как там, на реке?

— Белая ночь на реке...

Стоп. Приземлились. По наклонной деревянной лестнице спускаемся в более глубокий горизонт. Выходим к железнодорожным путям. Штрек освещают лампы дневного света; на голубых лавках сидят горняки, они ожидают экспресс. Этакий полустанок под землей...

Вагончик уносит нас в глубину рудника. Мелькают огоньки под темными сводами и черные ходы боковых штореков. Изредка в кармане-нише, огороженной от путей, увидишь человека, пережидającego поезд.

— Нам сходить, — говорит Лена так, будто мы едем по городу и водитель объявляет остановки. Поезд ушел — мы остались одни в лабиринте штореков, темных и освещенных. Луч фонаря скользит по стенам, то замирая на неровных зубчатых краях, то очерчивая полукруглые своды.

— Видите, здесь работали буровзрывным способом, а там, где своды, — комбайном...

Две длинные тени бегут впереди нас, ложатся, ломаясь, на стены. Но вот случайно мы разом потушили фонари, и глухая, полная, страшная темнота навалилась на нас. В эту секунду я до конца ощутила, что это значит — быть под землей...

Свет наших фонарей вспыхнул одновременно и замер на полукруглом своде. Перед нами бушевало море.

Застывшее море. Черные с белыми пенными гребнями волны, накатываясь друг на друга, исчезали в темноте. А на смену им поднимались из глубин земли волны красные, розово-белые, голубые... Луч фонаря скользил дальше, дальше, открывая картины фантастические, неповторимые, и лишь цветовая палитра была одна и та же.

Вот тогда-то и зашла речь о «красках». Лена подошла к стене и, показывая карандашом на разноцветные слои, прочтала мне настоящую лекцию о соляных месторождениях.

Я услышала про пермский период двухсотмиллионной давности; про обширное мелководное море, разливавшееся тогда в этих местах, и про сухой, жаркий климат, царивший здесь. Под давлением тектонических процессов море распалось на лагуны, вода интенсивно испарялась, и соли выпадали в осадок, накапливаясь слоями на дне моря.

— Знаете, почему так редки на земле месторождения калийных солей? — спросила Лена. — Не знаете... Нужно сочетание слишком многих благоприятных условий, ведь выпадение этих солей начинается только тогда, когда в рассоле остается от одного до четырех процентов первоначального объема воды... Но нам повезло, — пошутила она, — природа о нас позаботилась.

Лена подняла с земли камень. В свете фонаря заиграли голубые прозрачные кристаллы каменной соли; их прорезала широкая красная полоса сильвинита, молочно-белая грань была окружена розовой каймой.

— Это сильвинит. Из него и получают соли калия. Но видите, сколько надо переработать породы, — она махнула рукой на «блуждающее море», — чтобы освободить его...

Лена помолчала, а потом без всякого видимого перехода спросила:

— Вы об опытах Чудинова слышали?

Кажется, я уловила ход ее мыслей: глядя на розово-красные полосы сильвинита, Лена, видимо, хотела пояснить, чем вызвана характерная окраска минерала, но, вспомнив об опытах Чудинова, остановилась...

За несколько дней до знакомства с Новиковой я побывала в лаборатории «Лидо» на Первом Березниковском комбинате, где работает начальником группы геохимического анализа Николай Константинович Чудинов. И хотя о его исследованиях слышала раньше, знала и о фильме «Узники Пермского моря», разговор в Лаборатории исследования древних организмов заинтересовал меня. Быть может, потому, что о своих опытах рассказывал сам ученый, а может, потому, что нас окружали огромные колбы с погруженными в дистиллированную воду

оранжевыми кусочками сильвинита и на столе стояла странная металлическая установка со стеклянным куполом, которую Чудинов называл «машинной времени».

Чудинов начал свой рассказ с того момента, когда он, молодой выпускник Пермского университета, приехал работать в Березники. Ему предстояло исследовать калийные соли по многим параметрам, и привычный шлифовый метод, когда тонкие пластинки породы рассматривают под микроскопом при небольших увеличениях, помочь не мог. Тогда исследователь применил иной способ.

— Первая же проба, растворенная в дистиллированной воде, принесла неожиданное... — вздохнул ученый. — Минералы, которые дают окраску сильвиниту, не тонули, а всплывали на поверхность. Сразу встал вопрос: а правильно ли считали эти красящие примеси минералами железа? Я посмотрел странные плавающие хлопья под микроскопом и обнаружил... настоящие древние организмы. Более того. Простояв некоторое время в закрытой лаборатории, на горячих батареях, эти «хлопья» в колябах срослись и разбухли. Снова работаю с микроскопом и вижу, что древние организмы... размножились, образовали новые колонии, что выросли нити и ленты таких организмов, которые встретились в солях впервые и современной природе неизвестны. Нет, вы понимаете, что это значит? Микроорганизмы ожили через миллионы лет! В руки человека пришла информация из далеких геологических эпох...

Когда я рассказала Лене о встрече с Чудиновым, она, подумав, ответила:

— Вот сегодня мне предстоит взять пробы и доставить их в лабораторию. Химанализы покажут качество идущей руды. То же самое надо сделать завтра, послезавтра... И у Чудинова были, конечно, свои похожие заботы. Да и опыты его вызывали и вызывают много споров, несогласий, даже опровержений. А он тем не менее сам конструирует «машину времени», которая позволяет имитировать температурные и атмосферные условия доисторических эпох, исследует явления «изоляционной консервации» — так он назвал состояние изучаемых им микроорганизмов, выдвигает свою теорию происхождения нефти... Многое из этого может в последствии обернуться большой практической пользой для Верхнекамских рудников.

Исследовательскому пылу Чудинова, право, можно позавидовать, — заключила Лена, — его так легко растерять под тяжестью каждодневной работы! А ведь здесь у нас существует немало возможностей продолжить открытие, состоявшееся столько лет назад...

Сама Лена приехала сюда два года назад, окончив в Москве геологоразведочный институт. Поначалу ей, уже знакомой с экспедиционной работой в Якутии и Горной Шории, трудно было привыкнуть к постоянным спускам под землю (здесь есть штошки на глубине 600 метров) и кропотливым, утомительным наблюдениям за проходкой горных выработок, условиями залегания пород, качеством руды. Как-то раз Лену взяли в дальние штошки. Специалисты изучали гидрогеологию месторождения не только с поверхности, но, так сказать, и изнутри.

— Спустились в рудник, — рассказывала Лена, — добрались до дальних штошек, там лазили не один час, и, помню, такой долгой показалась мне обратная дорога: ведь в рюкзаках-то образцы. Но прошла усталость, и снова потянуло в дальние штошки...

Похоже, ее заинтересовала сложная гидрогеология подземного города, подкупила и важность этих исследований: ведь вода для калийных шахт — враг, они должны оставаться всегда сухими. Уже много раз геолог Новикова уходила в самостоятельные маршруты.

Мы идем с Леной по длинному штолку, и вдруг она в нерешительности останавливается: слева и справа — густая темнота боковых коридоров.

— Свернись с картой, — спокойно сказала Лена.

Она присела на корточки, разложила схему участка на коленях, осветила ее фонарем.

Я же лучшим своего фонаря обшарила своды. Оказывается, мы остановились на небольшой площадке, возле целика. Так горняки называют массив, оставленный для поддержания сводов. Кстати, целики — это тоже немалая проблема в калийных шахтах: с одной стороны, без них не обойдешься, но с другой — целики — это невыработанная порода... Волей-неволей сохраняются нетронутыми до поры до времени немалые запасы калийных солей.

Целик, выросший у нас на пути, напоминал колонну кремлевских палат: широкое основание и грани, расходящиеся растробом к потолку, мерцающие кристаллы, полукруглые своды с насечками, словно покрытые каменной резьбой... И вдруг луч фонаря высветил под потолком черный излом. А рядом головки металлических болтов. Анкерная крепь. Сразу возникло ощущение тревоги, вспомнились рассказы людей, которые по сигналу опасности приходят на помощь...

Дверь кабинета распахнулась.

— Помощник командира взвода Шишкин прибыл по вашему распоряжению.

— Садись, Володя, — сказал Виктор Николаевич.

Худенький большеглазый парнишка сел к столу Виктора Николаевича Сурсякова, командира березниковского горноспасательного отряда. Руки Володи спокойно легли на стол. Он молчал. Мне показалось, что биография Шишкина, услышанная ранее перед его приходом, никак не вяжется с застенчивым обликом Володи.

Виктор Николаевич в общем-то сказал о нем немного: родился Володя в Березниках в 54-м году, окончил Астраханскую мореходку, работал водолазом, служил на Тихоокеанском флоте. А когда вернулся, пошел работать на рудник, потом в отряд горноспасателей.

— У нас все молодые, берем только до 35 лет, да и то с условием, если проработал в шахте года два, не меньше. А Володя... так у него еще и характер подходящий. — Сурсяков выжидающе посмотрел на своего подопечного. — Володя, расскажи, что было 15 августа прошлого года...

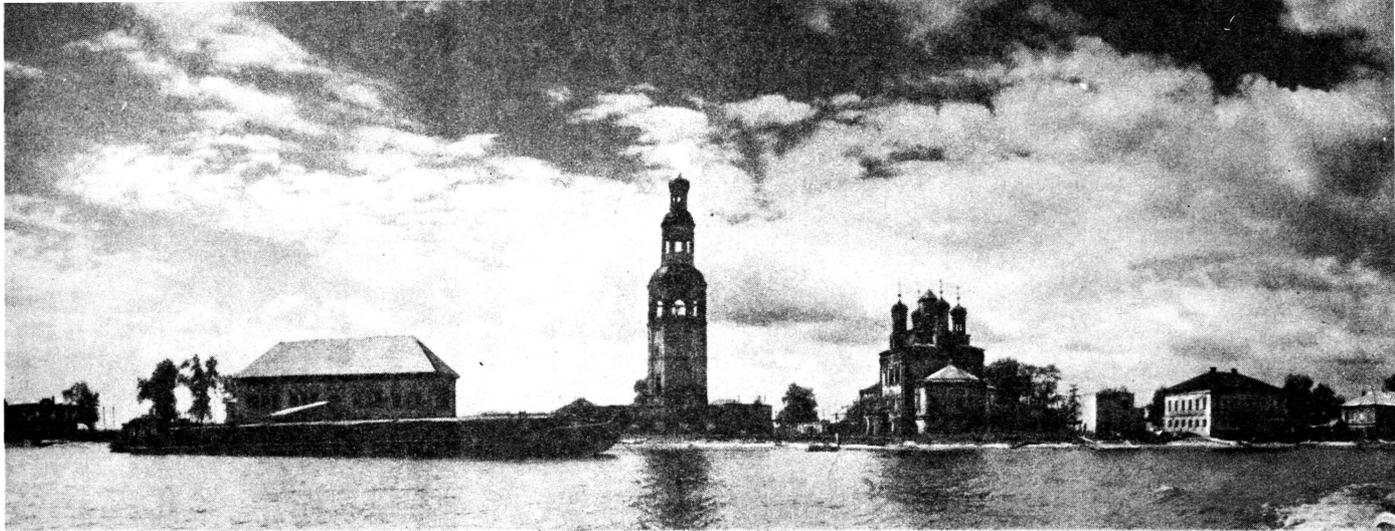
Меня удивило, что Сурсяков помнит точную дату. Виктор Николаевич улыбнулся:

— Тянется череда дней, казалось бы, спокойно, без происшествий, но раздастся дома неурочный звонок — и вздрагиваешь, не случилось ли чего? Это напряжение, ожидание ЧП в нас, горноспасателях, живет постоянно. А уж когда случается, дата в память сама собой врезается. Поверьте, знаю, что говорю — тридцать лет в горноспасательной службе. Начинал на угольных шахтах Кизела, теперь уж какой год здесь...

— Мне тоже этот день запомнился, — сказал Володя. — Он стал для меня как бы экзаменом на нашу профессию.

...Диспетчер дал сигнал о пожаре. Глубина 300 метров. Спускаемся. Внизу, у ствола шахты, видим двух оглушенных взрывом людей. Узнаем: они работали в глубине штреков, когда взрывной волной их отбросило и обожгло. Взрыв услышал электрик — звук под землей сильно бьет по перепонкам — вызвал тут же «Минку», машину, диспетчер дал сигнал нам...

На размышление не было ни секунды: сигнал и так пришел к нам с запозданием. Надо идти на разведку: установить место вспышки газа, концентрацию его, обрушения. Идем. Дым, ничего не видно. Обследовали всю панель — это определенный участок шахты. Кончился кислород. Обычно баллонов респиратора хватает на четыре часа, но при такой нагрузке — меньше, да еще часть кислорода — НЗ... Возвращаемся к стволу, дым разнесется по всей шахте... Выбрались. А под землю пошло

другое отделение. Отдохнули, отдышались — и снова в шахту. Начали работу по восстановлению вентиляции: ставили перемычки, тянули трубы, более чем 600 метров проложили, а потом уже стали обследовать электрооборудование. Пять суток двадцать четыре горноспасателя работали в штреках день и ночь. Да вы посмотрите оперативный журнал, там все зафиксировано...

Листаю журнал. Каждое действие расписано по минутам. Та же скупость в словах, даже в описании самых напряженных мгновений, — «сильная задымленность, высокая температура, вода кончилась»...

— Володя, а кем вы работали на руднике? — спросила я.

— Занимался закладкой штреков, — ответил Володя. Чувствуя, что я жду пояснений, взял карандаш, лист бумаги и быстро нарисовал схему, из которой было ясно, как соляные отвалы — те самые терриконы,

которые нельзя было не заметить на окраинах Березников и Соликамска, — снова перемещаются под землю в отработанные штреки.

— Грамотно, — похвалил Суряков. — Когда я был таким, как ты, объяснить так, пожалуй, не сумел бы. Кстати, помощник командира Шишкин, — обернулся ко мне Виктор Николаевич, — скоро защищает диплом — впервые в истории Березниковского техникума — о горноспасательных работах в калийных шахтах...

— Однажды, — вдруг неожиданно сказал Володя, — когда я уже работал в отряде, вызвали в горный цех. Помощь оказывал... отцу. Не думал, не гадал, что такое может случиться.

Наконец мы с Леной добрались до штрека, где грохотал комбайн, скрипела транспортная лента и висела пыль, словно легкий туман, подсве-

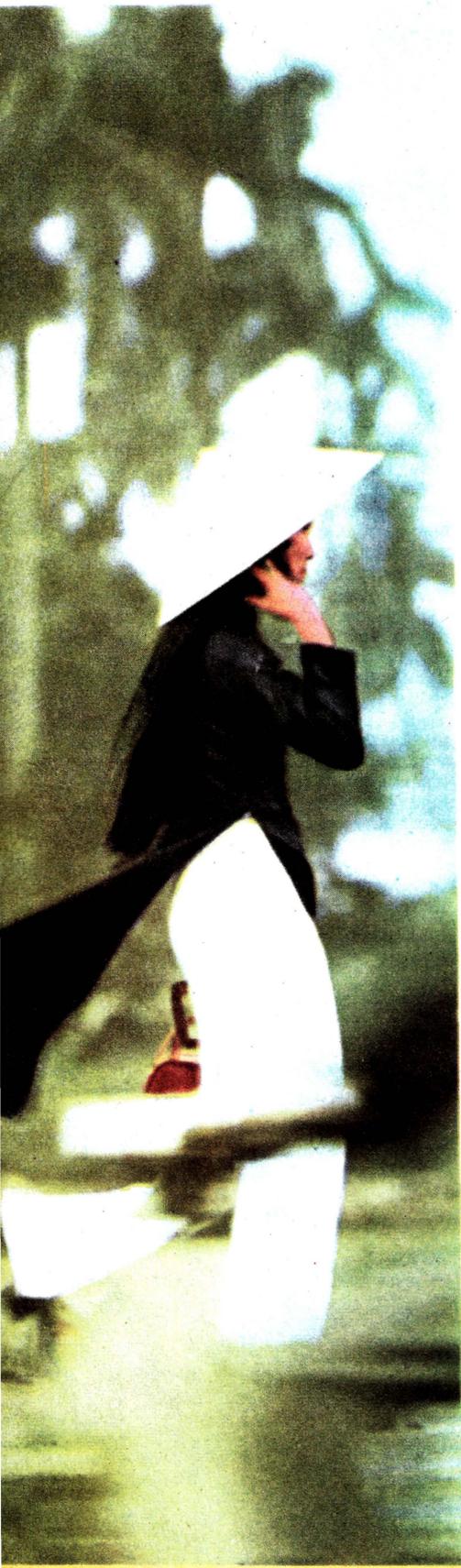
ченный электрическим светом. На проходке работали двое. Один сидел за рычагами управления комбайна — перед ним поднималась глухая темная стена; другой находился в самоходной машине, пристроившейся в хвост комбайна. Светлая широкая струя измельченной породы сыпалась в кузов...

Лена взяла пробу, и мы двинулись в обратный путь. Чем ближе к выходу, тем ошутимее движение воздуха. Когда наконец мы поднялись на поверхность, в глаза ударил свет. Яркий, белый. Город словно встречал тебя впервые.

...В Березниках уже мало кто помнит, как на месте прикамских лесов и болот, по соседству со старыми солеваями и содовым заводом, вбивали строители в топкие берега тысячи деревянных свай, как ломали черные от старости избы, прокладывали улицу за улицей. Для того чтобы спуститься под землю, надо было построить город на земле.

ВЕЧЕРА НА КАНАЛЕ ДОНГ БА

Прекрасна река Ароматная, величава цитадель с ее мачтой-иглой над главным редутом, заманчив рынок Донг Ба и небольшие лавчонки напротив, уютны и приветливы набережные, закрытые от солнца фламбуайянами и пальмами. Все три моста — Старый, Новый и «Белый тигр» — широки и просторны, словно висят бульвары, где всегда тянет прохладный ветерок. Таким предстает город Хюэ, бывшая королевская столица Вьетнама.

Достаточно прожить здесь немного, чтобы появились в городе любимые места, где можно бродить бесконечно. Мне, например, пришлось по душе аллея Джонок, или канал Донг Ба, где у берега приткнулись суденышки-дома. Начищенные полы жилых кают отблескивают под солнцем, если его луч попадает через иллюминатор. Над ними набережная, лавки, толпа, узкие трехэтажные дома с распахнутыми настежь окнами, в которых протекает на людях жизнь их обитателей.

Парень на корме с гитарой, потренировавшись для пробы, начинает выводить старинную мелодию. Глядя в сторону, на воду, на доски, соединяющие его джонку с берегом, возле которого на каменных ступенях женщины полощут белье, он заводит песню.

Мелодия снова повторяется и из общего хихиканья прачек выделяется ответный голосок. Парень аккомпанирует и ответу. Так может продолжаться бесконечно; время от времени певцы сменяются.

Поют в Хюэ повсюду. Когда я пришел на второй этаж рынка Донг Ба, где теперь работает кооператив швейников, там стоял старичок и пел старинную балладу, стараясь пересилить стрекот швейных машин. Старичка вскоре мягко выпроводили, дав ему

Во Вьетнаме все признают, что девушек изящней, чем в Хюэ, не найдешь нигде.

донг в счет расходов на культурную работу. Мне рассказали потом, что в этой балладе около трех тысяч куплетов и старичок их знает все.

Хюэ напоминает большой сад. Ранним утром глубокую тишину тревожат только птицы, далекий звон колокола бенедиктинского монастыря за восточной окраиной да глухие удары тамтама в пагоде. Нет ни одного дома, ни одного храма или старинного дворца, которые не кутались бы в зелень листьев.

Уроженцы других вьетнамских провинций не станут оспаривать, что элегантней девушек, чем в Хюэ, не найти нигде. Изящная шляпа нон, легкий халатик ао-зай и белоснежные шелковые брюки придают им особую грацию. Ао-зай обычно тоже белые. Помню, как, словно яблоневым цветом, покрылись стройными белыми фигурами девушек лестницы пагоды — башни Линь Му, аллея Джонок и набережная близ цитадели в праздник пятнадцатого дня после рождения Будды. В Хюэ этот день по традиции посвящается юным горожанкам.

При всей утонченности жизнь в бывшей столице пронизана простотой во всем, даже в еде. В ресторанчике на улице Зуй Тана можно попробовать «бань-тхой» — нежно взбитую смесь из яиц, креветок, маленьких рыбок, свинины и овощей. Или «бань-бео», которое едят утром — крошечные креветки со свежей зеленью, завернутые в тонюсенький блинчик. Небольшие пирожные — сладкие или соленые, квадратные или вытянутые вермишелью, пятиугольные, с фруктами, джемом, пастой, которые пекут в Хюэ, — известны всей стране.

Особенно же вкусен чай. Ароматизированный семенами лотоса, лепестками хризантем, жасмина или арека, чай в Хюэ кушают из чашечек-наперстков. Самые же утонченные ценители наслаждаются чаем у подножия дерева «кюинь» во время его ночного цветения, которое бывает раз в году.

Простые, сдержанные, скромные и

деликатные жители Хюэ своим характером под стать образу жизни. Мне кажется, этот образ сложился как некий протест против мертвящих условий и сложностей ритуала, царившего при дворе королей совсем рядом, за стенами цитадели, Пурпурного и Запретного городов.

ТЭТ ЗА ЗАПРЕТНЫМИ СТЕНАМИ

Мы вошли в цитадель через узкую арку, оставив за спиной главный бастион с мачтой, подошли к Нго Мон, «Южным воротам». Их центральные створки впервые распахнулись перед народом в 1945 году во время августовской революции. До этого через них мог следовать исключительно монарх. Над воротами возвышается величественный «Бельведер пяти фениксов», откуда король принимал парад. «Центральная дорога» между двух бассейнов «Великих жидкостей», заросших лотосами, выходит на двор «Великих мирян». Здесь на каменных табуретах среди огромных фарфоровых ваз млели на солнце второстепенные мандарины, дожидаясь решений по различным вопросам, которые принимались во дворце «Тхай Хоа» — «Свершенного согласия». Там, внутри огромного зала под мощным потолком, покоящимся на 80 колоннах из железного дерева, покрытых резьбой, орнаментами и сентенциями, лаком и позолотой, стоят только стол, инкрустированный перламутром, и трон на пьедестале, задвинутый вглубь. До 1945 года колонизаторы пытались продлить жизнь феодальным институтам Вьетнама. Правда, двор в Хюэ к этому времени был не более чем театром мумий, где главные роли исполняли марионетка-король и многочисленные мандарины.

Слово «мандарин» — «мантри» — пришло в европейские языки из санскрита через малайский и португальский. Означает оно «советник» или «министр». Вьетнамцы для обозначения человека, занимавшего официальную должность в монархическом аппарате, употребляют слово «куан».

Все гражданские должности в государственной администрации могли занимать только мандарины, сдавшие сложные экзамены. Характер и содержание экзаменов были проверкой на реакционность мышления.

Последней официальной церемонией, свидетелем которой стал дворец в 1945 году, было торжественное поздравление короля по случаю лунного нового года, весеннего праздника Тэт, одного из самых главных в жизни вьетнамцев. Читая описание церемонии, трудно поверить в здравый смысл людей, устраивающих целое ритуальное действо в центре страны, где только что два миллиона человек умерло голодной смертью, стояла японская оккупационная ар-

мия, а десятки тысяч рабочих, крестьян и интеллигентов готовились нанести последний, решающий удар прогнившему режиму.

Церемония проходила в точном соответствии с вековыми правилами. В зале, где выстроились по левую и

Сдержанные, скромные и деликатные жительницы Хюэ своим характером под стать образу жизни города.

правую руку от трона мандарины соответственно своим классам и рангам, под звуки оркестровых фанфар, гро-

хот гонгов и тамбуринов из Нго Мон появился король Бао Дай в желтом одеянии и головном уборе «кью-лонг» — «девять драконов». На столе его ждали два ящика с новогодними пожеланиями: один от наместников провинций, второй от мандаринов двора. Играла музыка, придворные пять раз падали ниц справа и слева от трона, главный министр становился перед королем на колени и объявлял, что церемония завершена. Вот во что был превращен при дворе Тэт — самый веселый, самый радостный праздник вьетнамцев!

ДРУГИЕ ОГНИ

Но Хюэ видел в этот праздник и другое.

— Нас было одиннадцать девушек в бригаде самообороны, — рассказывает мне Куанг Тхи Но, — и после взятия частями освобождения цитадели 31 января 1968 года мы защищали ее, пока не пришел приказ уходить...

Большие глаза, волосы распущены, как это принято у девушек из Хюэ, по плечам, синеватый ао-зай, легкие белые брюки, тонкая рука, сжимающая веер. Она улыбается, слегка жмурясь от солнечных бликов на реке. Ее трудно представить в легком мундирчике с закатанными рукавами и капральской звездочкой в красных петлицах, такой, какой я увидел ее в первый раз летом 1975 года в первые недели освобождения южных провинций. Мы познакомились в армейском клубе, располагавшемся тогда в Хюэ неподалеку от старого моста Чан Тхиен. Про войну тогда говорили мало, больше пытались заглянуть в будущее, такое необычное, мирное после трех десятилетней войны. А теперь вот вспомнили, спустя столько лет...

Девушки стойко держались в одном из самых сложных секторов боев, на передних подступах к цитадели у рынка Донг Ба. Это они пулеметным огнем и гранатами вывели из строя сто двадцать морских пехотинцев, продвигавшихся к цитадели по Ароматной на рекузировавшихся джонках, а затем семь танков, проходивших по набережной. Это они, одиннадцать девушек, не давали выпускникам Вест-Пойнта высунуть нос из отеля-люкс «Хьюнг Зианг». Командующий американскими войсками во Вьетнаме генерал Абрамс получил тогда донесение, что отель атакует «вьетконговский батальон». Из одиннадцати подруг только три дожили до победы весны 1975 года — Куанг Тхи Но, До Тхи Тань Гуэ и Го Тхи Шау. Все работают сейчас в системе народного просвещения, информации и культуры.

— Знаете, — говорила Но, — казалось, вот дождем до победы и дальше все пойдет хорошо. А оказалось, что работы даже еще больше,

просто непочатый край. Взять хотя бы эти праздники...

Да, праздники, старые добрые знакомые праздники тоже приобретают новые черты. Был обычай, например, во второй день Тэта проводить церемонию в честь духа — хранителя земли, чтобы вызвать его расположение. Но разве можно представить себе председателя кооператива во главе членов правления, окруженного принарядившимися кооператорами, возносящим жертвы предкам от имени односельчан? Праздник остался, а празднуют его теперь по новому. Устраивается соревнование на быстроту и качественную пересадку рисовой рассады во свежеспаханное весеннее поле. Или высаживают саженцы деревьев.

Иностранцу, пожалуй, невозможно, не живя в Хюэ долго, разобраться до конца в обычаях и обычновениях людей этого, непохожего на другие города. Профессор Ле Ван Хао, большой знаток родного Хюэ, говорил мне, что существует «стиль Хюэ» в образе жизни, даже в выражении своих чувств, настроений и мыслей. Здесь самих себя не любят хвалить и в то же время наговорят гостю кучу любезностей.

Вообще человека из Хюэ с глубокими семейными корнями могут назвать вам шестью разными именами. Первое имя обозначает его клан. Второе — поэтическое прозвище, напоминающее семье об особенно счастливых событиях в жизни. Третье служит приставкой, помогающей различить разные поколения одной и той же семьи. Затем идут литературный псевдоним и личное посмертное имя, вбирающее в себя оценку достоинств и недостатков.

На гробнице выгравировывали имя, которое человек шепнул перед смертью другу. Никто не знает теперь в точности, кто лежит в гробницах, рассеянных среди пологих холмов на востоке от Хюэ. Шифр имен уходит в могилу вместе с хранителями их секретов... Я помню, как бродил с букетиком неподалеку от бывшего Храма солнца среди сероватых полуразрушенных старинных оград мой переводчик, пожилой интеллигентный человек, бывший подпольщик и участник Сопrotивления, рассеянно оглядываясь вокруг. Где тут могила его отца? Он разбрosal цветы между всеми...

УЧЕНИКИ ТЮНГА

Фиолетовые сумерки длятся в Хюэ считанные минуты. И хотя с полчаса на востоке над пляжами Тхуан Ан полыхает багровый пожар заката, в городе уже темно. На обоих берегах Ароматной загораются сотни мерцающих огоньков, отблески которых дробятся по поверхности реки. Сотни джонок, лодок и сампанов бросают

обычно в эти часы якоря у островов, на мелководье, у берега, и с них доносятся запахи дыма и чуть подгоревшей рыбы. В Хюэ встают до рассвета, а потому к ночлегу готовятся около восьми вечера.

В воскресенье в один из таких вечеров за мной в гостиницу заехал учитель Ву Нгот, хрупкий человек в салатного цвета рубашке, очень смуглый, с мягкой улыбкой, будто застывшей у него на губах навсегда. Тормоз на его велосипеде, видимо, не работал, и он, цепляя подошвой сандали по гравию, подъехал ко мне со словами «Добрый вечер, готовы?».

Накручивая педали, мы продвинулись к старому мосту на левобережье и возле рынка Донг Ба свернули в переулок, где помещалась одна из самых крупных школ района Фуан. Во дворе ее толпились сотни три людей. Уже по тому, как почтительно приняли у нас велосипеды, ясно было, что учитель Ву Нгот пользуется тут большим уважением. Сразу ударили колодушкой по гонгу. Двор опустел, зажегся вдруг электрический свет в двух десятках классов. Просторные комнаты со множеством окон, между которыми гулял смягчающий жару сквознячок, были заставлены длинными столами и скамьями. На стене висел кусок зеленой клеенки, заменявший доску. Аудитория собралась самая пестрая: мальчишки всех возрастов, седые старики, матери с детьми, бывшие сайгонские солдаты в старой форме со споротыми знаками различия, сморщенные старухи с папиросами. Мы шли от дверного проема одного класса к другому, но картина повторялась без изменений.

— Может быть, вам покажется невероятным, что Хюэ, город университета, многих институтов, больших национальных культурных традиций, шел в прошлом впереди всех южно-вьетнамских городов по проценту неграмотных, — сказал Ву Нгот. — В городе у нас насчитывается одиннадцать районов. В десяти из них мы покончили с неграмотностью. Четыре тысячи сто человек из числа совершенно не умеющих ни читать, ни писать научились этому. Но еще больше двух тысяч должны учиться. К стати сказать, все неграмотные из центрального района Хюэ. Они речники, живут на воде, привязаны к рыбному ряду на Донг Ба, а также частично мелкие ремесленники или торговцы... Жизнь их в прошлом была тяжела, а будущее не обеспечено. Многие до сих пор не могут придти и сюда. Учим их на берегу. Хотите посмотреть?»

Темные улицы Хюэ по вечерам украшают тоненькие пунктиры едва заметных огоньков, тлеющих в площадках и масляных лампах уличных торговых чаем, сладостями, фруктами, сушеной рыбой и табаком. Расплыв-

чатые тени встречных велосипедистов скользили мимо. Причудливые очертания декоративных урн, стоящих на набережной, мелькнули на фоне светящейся серебром реки. Удивительно, как мог Ву Нгот ориентироваться в этой темноте? Да и выявлять неграмотных среди людей, исчезающих на весь день и появляющихся на берегу или на рынке только вечером, тоже, видимо, нелегко.

— Знаете, — заметил учитель, — оттого, что власть народная, наутро к вам никто сразу не прибежит записываться в школу. Многие бедняки просто стеснялись сознаться в неграмотности. Составлением списков будущих учеников у нас занимались около двухсот сорока преподавателей, которым помогли шестьсот старшеклассников средних школ. Иногда комиссары воинских частей присылают в наше распоряжение грамотных, образованных бойцов. По нашим подсчетам, примерным конечно, в городе еще остается около трех процентов чевьявленных неграмотных. В общем-то, это немного. Но какая разница, много или мало, ведь даже единственный неграмотный уже явление ненормальное...

— А как вы определяете, грамотный человек или нет?

— Устраиваем экзамен. В течение пятнадцати минут нужно написать и прочитать шестьдесят слов, и в течение пяти минут написать цифрами от единицы до ста и уметь считать десятками... Пока, мы полагаем, достаточно, чтобы человек мог знакомиться самостоятельно с несложными текстами постановлений народного комитета, статьями в газетках, мог прочесть в избирательном бюллетене имя кандидата в депутаты...

За рынком, где все, казалось, пропахло рыбой и соусом «ныок-мам», мы свернули в сторону реки. На пристани, залитой бетоном, полыхали временно снятые со столбов на улицах огромные люминесцентные лампы. Десятки людей в старой одежде, хмурые и сосредоточенные, сидели на принесенных с рынка прилавках. Учитель, указку которому заменяла раздвижная антенна от транзисторного приемника, прислонял ее к букве, нарисованной на куске картона, и громко выговаривал ее звучание. С прилавков хрипло поднималось разноголосое и разнобойное эхо. И хотя тут скопилось сотни три-четыре учеников и зрителей, когда говорил учитель, все смолкало, лишь слышалось потрескивание и гуд люминесцентных трубок.

Потом мы снова ехали на велосипедах по берегу, все дальше вниз по течению, пока не кончилась набережная и асфальт уступил место топкому илу, среди которого вилась дорожка из старого гофрированного железа. Мы подъехали к сходам, уходящим далеко в реку. Несколько крупных

джонок, сотни две сампанов и лодок рядами приткнулись к этой пристани. На площадке, прикрытой бамбуковым навесом, видимо дебаркадере, я вновь увидел уже знакомую картину. Сотни полторы людей, кто сидя, кто стоя, старательно повторяли вслед за человеком в трикотажной тенниске, у которой правый пустой рукав трепетал на ветерке, словно крылышко, целые фразы.

Отбили по куску рельса перемену. Она длилась ровно десять минут. Вот что я услышал за это время:

— Меня зовут Нгуен Кем Нгон, мне двенадцать лет... Отец возит пассажиров на долбленке через реку. Он болеет сейчас, я за него. Есть еще сестра. Ей двадцать. Она тоже ходит сюда... Почему раньше не ходил в школу? А вы их видели на воде?

— А вы сами-то кто будете? А... А мне сорок шесть лет. Теперь я могу уже твердо считать и писать цифры. Зовут? Чан Тиеу... Собираю дрова в лесу, отсюда километров тридцать вверх по течению... Везу на рынок. Вот и все... Восемь детей, да, восемь. Жена болеет. А врача вы не привезли? Учитель Тюнг говорит, что нам во всем помогает Россия. Бедны еще мы. Но, знаете, можем учиться. Вчера мы научились писать имя Ле-нин. Учитель Тюнг говорит, что с этого начинается независимость и свобода...

— Я вдова, мне сорок три года. Меня зовут Нгуен Тхи Бонг. У меня пятеро детишек. Торгую чаем на тротуаре. Трудно учиться, очень устаю к вечеру. Но учитель Тюнг говорит, что потом я смогу читать газеты...

— Меня зовут Данг Тхи Кео, я бродячая торговка жгучим перцем и лимонами-тянь возле рынка Донг Ба. Мне двадцать два. А это мой сынок Данг Хыу Бэ, два годика. Вот выучусь и смогу получить хорошую работу. Учитель Тюнг говорит, что только грамотные бедняки могут управлять государством.

Спящий у нее на руках малыш толкнул меня ножкой. Она улыбнулась.

— Ну что, отличница, — сказал подошедший Чан Зуй Тюнг, — сегодня он у тебя спит, не перебивает меня?

Раскачивая узкие мостки, подъехал на мотороллере еще один преподаватель — арифметики.

«СКАЖИТЕ НАМ ЧТО-НИБУДЬ ПО-РУССКИ!»

— Из-за нехватки преподавателей, — говорил мне руководитель кафедры иностранных языков педагогического института Чыонг Куанг Дэ, — мы готовим пока только учителей английского и французского

языков. Но уже со следующего года будем преподавать и русский... Ваш язык учат сейчас факультативно, кто пожелает. Хотите побывать в аудитории? Это доставит студентам большое удовольствие. Вы будете первым русским, с которым они смогут поговорить...

Признаюсь, я разволновался. Быть первым журналистом, приехавшим к месту события, первым взять интервью, — все это в ремесле газетчика нормальное явление. Но быть первым русским перед будущими вьетнамскими преподавателями русского языка, запомнить им в качестве первого примера, представлять всех носителей русского языка, согласитесь, дело более чем ответственное. Обо всем этом я успел подумать, пока мы шли с профессором Дэ по длинным балконам-террасам, пока на четвертом этаже не вошли в небольшую квадратную аудиторию.

Должен сказать, что я всегда восхищаюсь вьетнамцами, которые учили наш весьма трудный для них язык. Как правило, неплохо говорят по-русски люди, учившиеся в СССР, или выпускники Ханойского педагогического института иностранных языков.

Потом начались вопросы и ответы, я старался говорить внятно, по-медленнее и, помню, почему-то очень боялся, что они попросят меня прочитать какое-нибудь стихотворение. Но в целом моя миссия от имени и лица русского языка сошла, кажется, благополучно, прежде всего для меня.

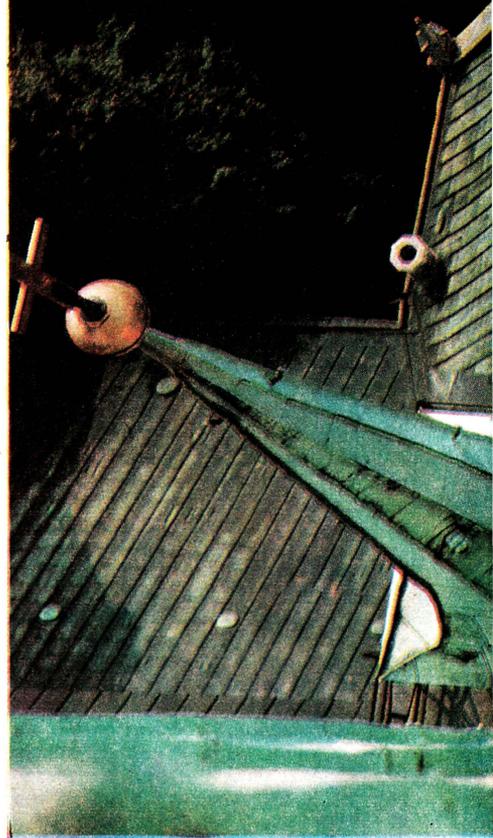
— У нас большие планы на будущее, — говорил Дэ. — Прежде всего мы будем и дальше увеличивать число студентов. Скоро выйдут из стен института наши первые, по новому подготовленные учителя. Вы представляете, как сильно мы сможем тогда двинуть вперед дело просвещения, на десятки лет отставшего здесь, в южных провинциях, от северных! Там ведь среднее образование давно уже стало нормой. Мы хотим как можно быстрее покончить с прошлым.

С прошлым во многом уже покончено в старинном, овеянном очарованием Хюэ, полном поэзии.

Провинция Биньчитхиен, административный центр которой город Хюэ, больше всего пострадала за тридцать лет войны и бомбардировок. Ведь она занимает середину Вьетнама, эта провинция, по которой до 1975 года проходил кровотокающий шрам раздела страны. Сейчас в провинции Биньчитхиен больше нет бездомных и голодающих.

Навсегда нет.

Хюэ — Ханой — Москва

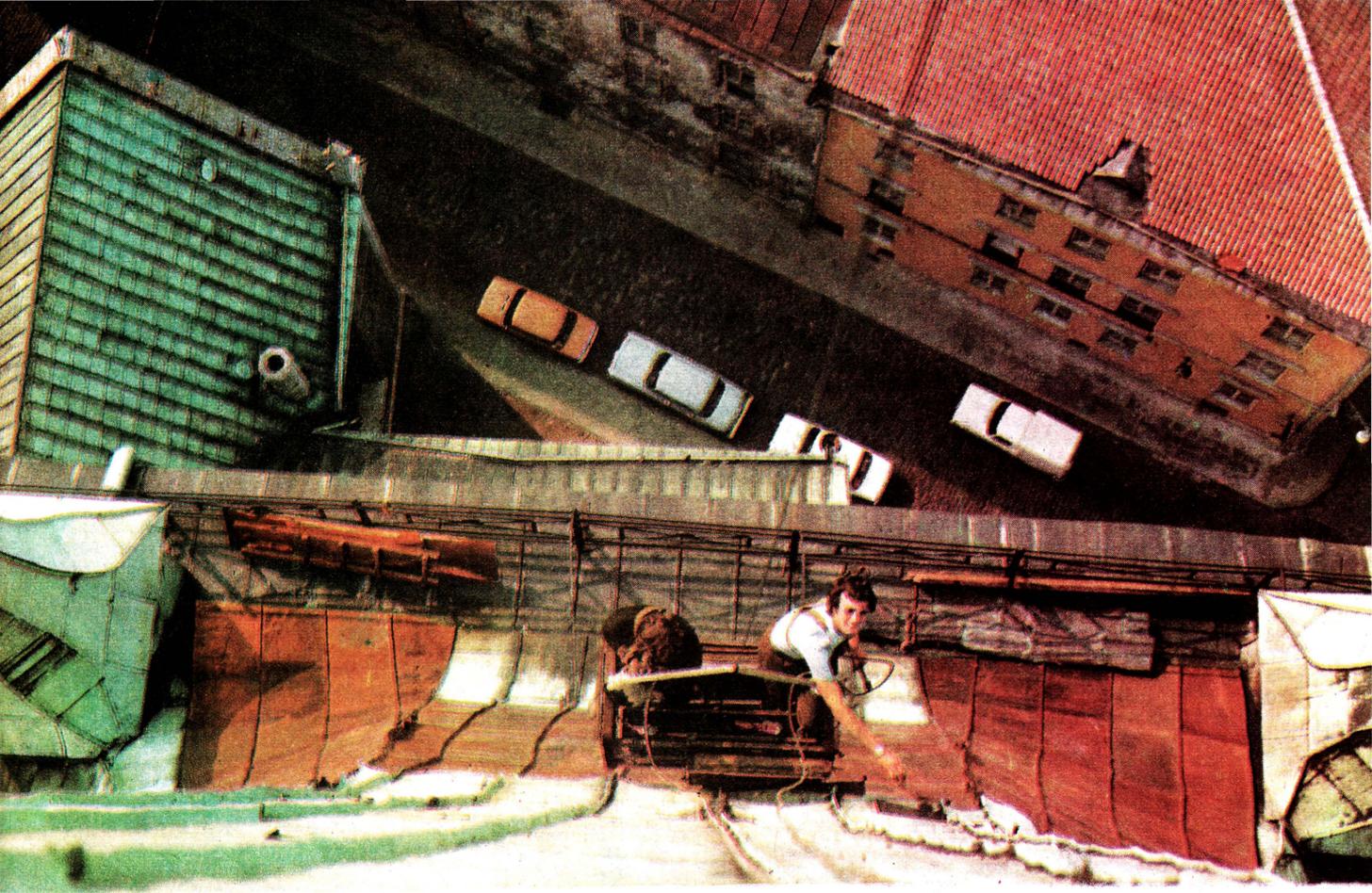

НАДИР САФИЕВ
Фото А. МАСЛОВА

Точно такая же осень могла быть в Таллине в XIII, XV и в любом другом давнем столетии... У подножия оборонительной стены опадали с деревьев желтые, огненные, рыжие листья... Оттуда, где зияли окна и бойницы почерневшей и вымытой дождями стены Верхнего города, ветер выдувал листья, и они, покружившись в пронзительно чистом воздухе, желтой стаей садилась на спадающие к брусчатке склоны; шурша, неслись туда, где переплетались и теряли направление узенькие улочки, между соборами, домами с островерхими черепичными крышами...

Но в эти светлые осенние дни весь город был обшит строительными лесами. И без того узенькие улицы стали совсем непроходимыми, и шаги горожан не отдавались так гулко, как прежде... Отыщешь глазами хорошо знакомое строение — оно обнесено деревом, повернешь за угол — там то же самое... Город реставрировался. Готовился к олимпийскому лету 1980 года.

В эти первые минуты в городе я чувствовал себя так, словно ходил в

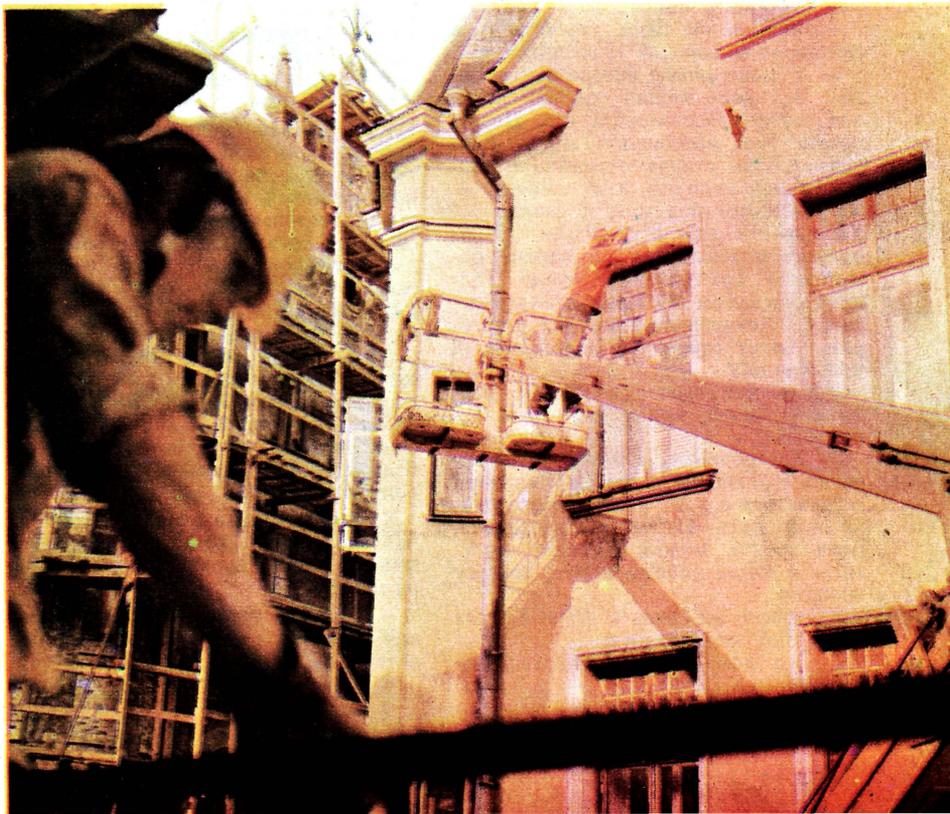

НИ ОДНОЙ ПРОПАВШЕЙ УЛИЦЫ

тесной одежде. Но скоро увидел: ничто не изменило обычного ритма жизни таллинцев — маленького прохода, оставленного в перекрытой улице шириной в три шага, было достаточно, чтобы горожане не сворачивали с привычной дороги, шли, как шли всегда. Или вдруг на пути вывернутая брусчатка — кажется, ничего не стоит свернуть в соседнюю улицу и, обогнув всего лишь один дом, выйти по ту сторону. Но нет, таллинцы оставались верны себе: для пешехода была отведена тропинка, поднят бортик с перилами...

Увидев темный, упакованный лесами дом, кондитерскую на развилке улиц Пикк и Сяде, я не успел свыкнуться с мыслью, что не смогу выпить традиционный кофе и съесть ватрушку, что делал обычно, сойдя с поезда, как за перекрестьями строительных досок заметил светящиеся окна, в них людей. Стал искать проход, и в это время меня кто-то тронул за руку.

Передо мной стоял молодой человек лет двадцати пяти, с бородой и свисающими русыми усами. Я сразу уловил знакомую манеру улыбаться

и узнал Яана Соттера. С Яаном мы познакомились весной, в мае — ехали вместе в автобусе из Домодедова: я возвращался из Владивостока, а он из Бурятии. От него узнал, что он архитектор, после института почти не успел поработать, сразу же ушел в армию и вот теперь, отслужив полтора года, возвращается домой, в Таллин. Услышав это, я сказал, что знаю и люблю его город и есть в нем у меня друзья. Помню, в подтверждение рассказал ему случай о том, как, в очередной раз посетив Таллин, на вокзале встретил знакомого эстонца, который пригласил меня в гости. Ограничившись в тот день легким обедом, вечером отправился к нему. Когда мне открыли дверь, я не уловил в доме никаких признаков готовящегося ужина. «Сейчас будем пить кофе», — сказала его жена и поставила на стол маленькие чашки, сахарницу... И тут я окончательно убедился: еды не будет. Мною овладело настоящее чувство голода. «Положу побольше сахара, — решил я, — вылью кофе, а потом съем кофейную гущу». Не успел об этом подумать, как хозяйка пододвинула мне чашечку и сказала: «Для вас мы кофе процедили...»

— Если вы были очень голодны, — сказал тогда в автобусе Яан, — это немного смешно... Но наши родители, как и ваши, любят накормить семью досыта, и потому, когда собираемся мы сами с друзьями, то на стол подаем самую малость, для поддержания разговора...

И вот мы снова встретились. Узнав, что меня интересует реставрация города, Яан сказал:

— Я же работаю в Институте проектирования памятников культуры, чем смогу, помогу.

— Яан, а вы сами участвуете в реставрации города? — спросил я.

— У меня очень интересная работа... В городе нашли древний колодец, хотим восстановить его. Делаю проект, но материалов мало. Есть только одна старая открытка с изображением колодца, и то слепая... — Яан, немного подумав, добавил: — Хорошо бы вам встретиться с начальником инспекции по охране памятников архитектуры города Таллина Расмусом Кангропоолем, учился он в Ленинграде, знает нашу историю, любит старину... Подождите, я позвоню ему...

Когда Яан вышел из будки телефона-автомата, вид у него был невеселый.

— Кангропооля на месте нет. Я перedal его людям о вашем желании встретиться с ним, и они посоветовали позвонить ближе к двенадцати. Если хотите, можем немного погулять, а после работы я вам покажу колодец...

У первого же дома в строительных лесах Яан остановился:

— Вот дом в стиле неоклассици-

ма, рядом необарокко, таких домов в Таллине мало. Типичному эстонцу по характеру ближе все скромное, ненавязчивое и ясное. Если он, например, бывает на юге, то говорит, вернувшись, что там много безвкусного, лишнего. Помню, в детстве мне нравилось только привычное, то, что окружало постоянно. Потом поездил и убедился: везде можно найти много прекрасного...

— Яан, — сказал я, — на мой взгляд, это обычный дом. Что в нем замечательного?

— Обратите внимание на верхние орнаменты: над каждой деталью работал, думал человек...

Полагая, что по телефону легче отказать или перенести встречу, я решил пойти на площадь Ратуши без предупреждения.

Открыв дверь, сразу с улицы шагнул в просторное помещение. Расмус Кангропооль стоял посреди комнаты и разговаривал с людьми, сидящими за столами. На скрип дверей он сразу же повернулся и без всякой паузы, протягивая руку, сказал:

— Кажется, вы хотели со мной встретиться? — Он пропустил меня вперед и указал на свою дверь.

Кабинет Кангропооля оказался на ступеньку выше общей, передней комнаты, через которую мы и вошли в еще более просторное помещение. Оно освещалось окном, выходящим на улицу шириной в два шага. Одна створка была открыта, и с улицы доносились редкие шаги горожан. Предложив мне сесть, он прошел за мощный дубовый, с зеленым сукном письменный стол, который занимал четверть кабинета. Я же засуетился на ковре у стола, пока не понял, что должен сесть в тяжелое, обитое кожей кресло в отдалении у стены рядом со старым сундуком.

Кангропооль сидел в прекрасном кресле с высокой ровной спинкой и чувствовал себя непринужденно. Черный кожаный пиджак, поношенный ровно настолько, чтобы не выделялся среди остальных предметов. Белоснежная «водолазка» сияла чистотой снега. Красивая голова, не седеющая, в меру длинные волосы, с осмысленной небрежностью зачесанные на пробор, скорее были цвета светлой стали. Казалось, он, как хороший дизайнер, создавая собственный кабинет, проектировал в нем и себя, свое место в старинном интерьере. Все здесь располагало к неторопливому разговору.

Хозяин выжидательно посмотрел на меня, потом встал, подошел к печке и снова вопросительно глянул на меня.

— Кстати, печь — XIX век, — вдруг сказал он, — изразцы на ней витебские... Ломали один дом, я уви-

дел их, перенес сюда. Когда у меня неважное настроение, смотрю на эти солнечные изразцы, и, поверьте, настроение улучшается. — Расмус Кангропооль помолчал и, видимо, желая дать понять, что пора приступить к делу, закрыл створку окна. Кабинет сразу же погрузился в тишину.

Я сказал, что успел походить по Таллину и видел, что реставрационные работы ведутся в основном в средневековом центре города. И в Нижнем и в Верхнем...

— Вы верно заметили, — сказал Кангропооль. — Но, я думаю, эту тему надо начать с вопроса, в чем ценность Старого города?.. Сто пять гектаров, тридцать пять застроено домами плюс бастионы и земляные укрепления. И мы хорошо понимаем, что не все эти памятники старинны исключительно ценные, хотя есть и такие. Не секрет, что лучшие образцы архитектуры находятся в других городах. Но там мы не найдем той особенности, которая есть в Таллине. До наших дней дошла без изменения вся сеть старых улиц. Нет ни одной пропавшей улицы. Нет и ни одной новой... Это редкое явление.

Расмус Кангропооль сел в другое, тоже старое, с кожаной обивкой, кресло, стоящее в нише окна. Некоторое время он смотрел на площадь и снова вернулся к разговору:

— Вот мы с вами сидим в одном из помещений аптеки магистрата. Эта аптека упоминается в документах 1422 года. Фундаментальные стены стоят с тех пор. Аптека непрерывно действующая. А окно это упирается в небольшой жилой дом ремесленника. Когда-то его владельцем был золотых дел мастер из Кракова... Не удивляйтесь, что я с такой легкостью говорю обо всем этом, в Таллине у нас есть компактный архив, списки горожан, их имущества, есть закладные акты недвижимости. По этим книгам можно определить любого хозяина любого дома, начиная с XIV столетия. Например, о доме ремесленника можно прочесть, как на торжище такого-то дня и года его продали такому-то человеку... А из документов XIII века вы сейчас сможете узнать, что любой, кто хотел строить дом, приходил в магистрат, брал колышки, шнур, обозначал место, где хотел строить, и вводил дом, не переходя линию, утвержденную магистратом. Но он должен был заручиться согласием соседей, а те, естественно, не хотели, чтобы новый дом был больше... Каждый искал выхода на улицу, потому что таллинские фасады узкие, а улицы длинные... Хотя нам с вами все это кажется примером примитивного законодательства, но это и увековечило существующие улицы и дома.

Интересно, — продолжал Кангропооль, — что уже в конце XIV века магистрат запретил строительство деревянных домов. Так город стал ка-

менным. И последний крупный пожар датируется 1433 годом. Это очень давно. Можно сказать, пожаров вовсе не было... И еще один парадокс, — сказал он. — В XVII—XIX веках Таллин был относительно бедным городом. У Риги, например, были более прочные связи с Российской империей. Но раз так, в Риге вы найдете много улиц-модерн XIX столетия с пятью-шестьюэтажными домами, как в Ленинграде. А из таллинских домовладельцев мало кто мог следовать веяниям нового времени. И бедность принесла, как видите, нам пользу: старина сохранилась до наших дней почти без потерь...

Об этом же утром мне говорил и Яан в Вышгороде. Разглядывая древние стены, тихие каменные дворы, откуда ветер выдувал сухие осенние листья, он едва слышно обронил: «Здесь хорошо гулять с девушкой...» Остановившаяся перед свежееккрашенными административными зданиями, соседствующими с древними, заросшими мхом стенами, и переводя взгляд с одной эпохи на другую, Яан рассуждал: «Розовое, желтое в сочетании с белым — настоящий классицизм... Здесь, на Вышгороде, жило много богатых, они постоянно перестраивали свои владения по моде. У нас, реставраторов, вызывают добрые чувства те горожане, что были бедными и не могли переделывать свои дома...»

Вспоминая прогулку с Яаном, я мысленно спустился в Нижний город, к улицам с теснящимися друг к другу узкими фасадами, с двух-трехступенчатыми каменными лестницами. Бросалась в глаза свежесть покраски, и оттого, что цвета домов не повторялись, они больше не казались одной глухой стеной. У меня возник вопрос: свои ли прежние цвета возвращали домам? И спросил об этом Кангропооля.

Прежде чем ответить, он выдержал паузу, как могут выдержать эстонцы.

— В прошлом каждый красил дом по-своему... Мы же, реставрируя дом, стараемся использовать краски, которые доминировали в той или иной эпохе.

Мне показалось, что я со своим вопросом поторопился, но Расмус Кангропооль, как вежливый хозяин, простил мне эту несдержанность.

— Еще одна черта, присущая только Таллину... Старый город почти со всех сторон окружен городской стеной. Это явление тоже ведь нечасто встречается в близких нам странах. И если прибавить к этому дошедшие до наших дней достроительные и центральные ансамбли, такие соборы, как Олевисте, Нигулисте, Домский, Пуохавайму, то можно сказать, что Таллин сохранился очень целостно. То есть сохранился основной каркас города, в котором текла жизнь прошлых веков... Поэто-

му не очень интересные и ценные сами по себе здания выигрывают в ансамбле.

Начиная с 1966 года Старый город объявлен государственной охранной зоной. Строительный режим отвечает теперь двум принципам. Первый — Старый город не должен стать большим музеем под открытым небом. Музей — это что-то неживое, стерильное... Мы, жители Таллина, уверены, что сама жизнь лучше всего сохраняет любые вещи от разрушения. Ведь если какой-то памятник прошлого нам нужен повседневно, то мы и заботимся о нем каждый день. Поэтому Старый город должен в первую очередь служить таллинцам. Но как, в каком качестве он должен им служить? Как пользоваться им? И тут вступает в силу второй принцип. Вот, например, площадь Ратуши. Это не место для большого транспорта. И нельзя здесь заниматься продажей, скажем, холодильников, лучше устроить продажу народных изделий, сувениров. И еще. Если мы хотим, чтоб Старый город был живым, то и всех жильцов оттуда нельзя выселять. Сегодня в средневековом центре проживает более семи тысяч человек, а лет десять назад было пятнадцать. Это много. Большая часть теперь живет в новых районах и за чертой старого центра. А для оставшихся мы можем создать нормальные условия со всеми удобствами. По вечерам здесь окна должны светиться, ведь жители и есть основная атмосфера в этой старинной среде. В Таллине нет главной улицы, наша главная улица — Старый город...

Резко зазвонил телефон. Кангропооль потянулся к аппарату и шутливо заметил:

— Настоящее напоминает о себе... Говорил он долго. Положив трубку, закурил и, некоторое время помолчав, сказал:

— У нас сейчас работают гданьские мастера, вы могли их видеть на улице Виру, они реставрируют кафе «Гном» — жилой дом XV столетия. И рядом перестроенный бывший амбар. Участие польских мастеров — приятное явление в истории Таллина, и нам очень хочется, чтобы деловые связи с ними продолжались и после олимпийского года. Очень надеемся...

Я подумал, что у эстонцев и поляков много схожего в стиле обживания старинных памятников. В каждом погребке, в толще крепостной стены или в подсобных помещениях домов прошлых столетий устроены кафе, клубы. Помню, в Гданьске я сидел в клубе судоверфи. В древней оборонительной стене города с коваными петлями дверей, со старым деревом — вдруг телевизор, магнитофон, в бойницах — красный электрический свет... Мы сидели с ребятами из судоверфи в одном из фор-

тов XVI века и отдыхали от шума современного города... Такое же ощущение не оставляло меня и в Таллине в клубе Молодежного театра на улице Лай.

— Мне пришлось перелистать немало архивных страниц, — сказал Кангропооль, завершая нашу встречу, — и я знал, что в Таллине в начале XVI века работал польский мастер и скульптор Клемент. Это редкое имя для нас. И вдруг, в один прекрасный день, перелистывая хорошо знакомый архивный томик, я наткнулся на документ, гласящий, что именно этот мастер Клемент в 1516 году представил магистрату эскизы и проект постройки башни Толстая Маргарита. После этого я сказал полякам: «Слушайте, вам надо довести до конца то, что вы когда-то начали...»

С Яаном Соттером мы встретились, как и условились, на улице Ратаскаеву, у гостиницы «Тооме». Когда я подошел к нему, он разглядывал канал, вырытый посреди улицы и обложенный по краям бетонными плитами.

Увидев меня, Яан улыбнулся.

— Вот колодец, — сказал он и указал себе под ноги.

В полуметре от поверхности вскрытой мостовой я увидел круглую стену колодца, сложенную из известняковых камней. С краю лежали аккуратно собранные брикеты брусчатки.

— Нашли недавно, я еще был в Бурятии. Случайно. Начали копать для центрального отопления и наткнулись на колодец. А теперь посмотрите сюда. — Яан раскрыл какую-то книгу на нужной ему странице, нашел улицу Ратаскаеву, на которой мы стояли, с картинкой колодца. — Это снимок 1840 года, его переняли с маленькой архивной акварели, потому-то изображение неясное. Вот здесь, в беседке за колонной, угадывается колесо. Существование колодца отмечается в документах с 1359 года, а название улицы Ратаскаеву — с 1489-го. Если перевести на русский язык это название, то получается: «Ратас» — «колесо», «каев» — «колодец», улица Колодца с колесом...

Яан спрятал книгу и, когда мы стали спускаться к центру города, сказал:

— Надеюсь, олимпийцы увидят колодец не на бумаге...

На улице Виру мы остановились перед «Гномом». Ободранный фасад, заложенные свежим кирпичом квадратика окон, бетонные подпорки. Я вспомнил этот дом и свой первый приезд в Таллин. Два столика, буфет, вспотевшие от кофейного пара окна изнутри и струи проливного дождя снаружи.

— Пошли? — тронул Яан меня за рукав. — Пошли, выпьем теперь кофе по-эстонски...

Казалось, совсем недавно я получил письмо от моего друга, геофизика Джона Клауха. Он работал тогда в университете маленького города Линкольн, столицы штата Небраска. Было это в 1971 году. Много воды утекло с тех пор...

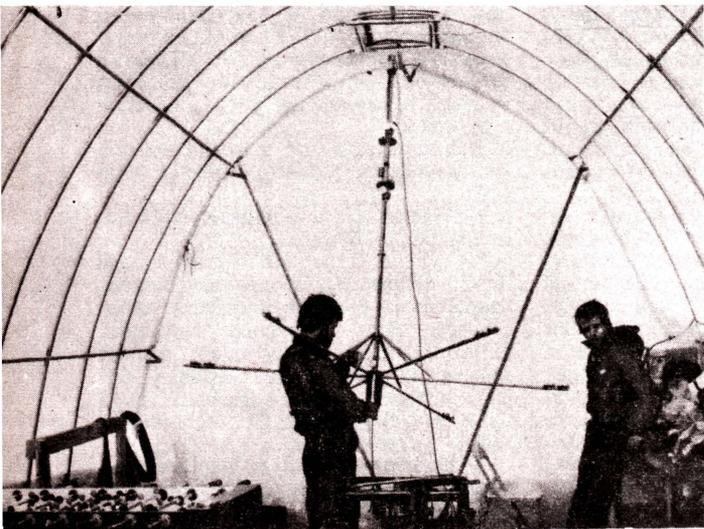
«Дорогой Игорь, — писал Джон, — ты знаешь, что такое шельфовый ледник Росса. Это крупнейшая в мире плавающая на поверхности моря ледяная плита толщиной почти до километра: размером она такая же, как наш штат Техас или Франция. Плита эта с незапамятных времен покрывает южную часть моря Росса, но подо льдом еще остается слой воды глубиной в 200—300 метров. Ледник непрерывно движется с юга на север, где на границе с открытым морем обламывается, образуя айсберги: положение края ледника почти не меняется.

С юга поступает новый лед. Он образуется в основном за счет потоков льда, стекающих из цент-

ИГОРЬ ЗОТИКОВ,
доктор географических наук

СЧАСТЛИВЫЕ СЕЗОНЫ НА ЛЕДНИКЕ РОССА

Фото из архива автора

ральных областей Антарктиды. Ледник непрерывно плывет, и плывет не так уж медленно: скорость его движения — до пятисот метров в год. Да что тебе говорить! Все это ты знаешь сам. Ведь именно на этом леднике мы с тобой встретились в первый раз. Пишу я, чтобы сообщить: мы решили пригласить тебя участвовать в комплексном исследовании этого удивительного создания природы. Сможешь ли ты принять участие в работе, которую мы назвали «Проект исследования шельфового ледника Росса»? Одной из главных задач Проекта является выяснение вопроса — тает или замерзает лед под ледником в местах, удаленных от открытого моря?..»

Смогу ли?!.. Да ведь я много лет и сам пытался выяснить именно это! Делал расчеты, но все это была только теория, построенная на стольких произвольных предположениях, что уж мне-то, ее автору, было больше, чем другим, ясно, как важно ее проверить. Однажды целый год прозимовал я в составе американской антарктической экспедиции у края этого ледника. Но лишь небольшое стало чуть-чуть яснее. Силы были неравные. Я и мои коллеги из США, да и не только из США, действовали тогда против ледяного колосса, что называется, в одиночку...

Директором Проекта был назначен геолог Джим Замберг — седой, высокий, худой интеллигентный человек. Сын плотника из Массачусетса, Джим со своим аккордеоном был не только душой любой компании, но и блестящим ученым. Много лет провел он на шельфовом леднике Росса — тоже пытался выяснить, тает или замерзает лед снизу, конечно, по данным, которые можно получить на поверхности ледника. Он первым предположил, что лед замерзает снизу. Но его данные были наполовину гипотезой.

Джим так рьяно взялся за дело, что директором Проекта оставался совсем недолго — пересел в кресло президента университета штата Небраска.

В конце концов возглавил Проект молодой геофизик — доктор Джон Клаух, письмо которого я получил. Я хорошо помнил Джона по Антарктике. Невысокий крепыш, скуластое лицо, ржанные усы, заостренные, вразлет. Широко поставленные серые, в упор глядящие глаза. Носил он грубый шерстяной свитер и черную вязаную матросскую шапочку. Когда Джон брался за дело, забывал все: пыхты и свирепо шелвели усами, что-то прикручивал, тянул, тащил, не щадя ни себя, ни других. В эти моменты он чем-то

напоминал матроса парусного флота. Может, эта ассоциация возникла после посещения его дома в Америке. Мне сразу же бросились в глаза на стенах гостиниой фотографии офицеров старого флота.

Выяснилось, что Джон из семьи потомственных моряков. Отец его был капитаном парохода, дед и прадед — капитанами китобойных парусников: водили суда к Гавайским островам из Бостона, а жили на острове китобоев Нантакет, что расположен у входа в бухту Бостона. Мать Джона и по сей день живет там. Там же, на острове, вырос и Джон. Глядя на фотографию своего прадеда, он сказал, что его прадед в двадцать лет стал капитаном.

...Это случилось у Гавайских островов. Вся команда на шлюпках промышляла китов. На борту оставались лишь капитан и три новобранца-матроса. Пока команда корабля охотилась, матросы убили капитана и хотели уйти в море, но не смогли справиться с парусами. К вечеру, когда вернулась команда на шлюпках, их встретили с корабля ружейные залпы. Старший помощник, принявший на себя обязанности капитана, не решился атаковать корабль и приказал уйти к берегам близлежащего острова. И вот тут молодой Джон Клаух — прадед Джона — ослушался нового капитана. Он разделся и, взяв с собой только нож, спрыгнул в кипящее акулами море, доплыл до корабля, взобрался на палубу по якорному канату, нашел в капитанской каюте оружие и двумя выстрелами убил двух пиратов, а третьего одолел в рукопашной. Но сам при этом был тяжело ранен в руку. Когда корабль вернулся в Бостон, старший помощник был отдан под суд морского трибунала, а Джон произведен в капитаны спасенного судна. Так он начал династию капитанов Клаухов.

Да, Джон Клаух-младший выглядел подходящей кандидатурой для начальника такого мероприятия, как Проект исследования шельфового ледника Росса.

Оставалось «совсем немного» — убедить свое начальство, что участие в этой экспедиции необходимо, подготовиться к работе и провести ее.

Первое, действительно, не представляло большого труда. Ведь в последние годы внимание наших исследователей все чаще обращалось к шельфовым ледникам, которые занимают значительную часть береговой линии Антарктиды.

Что происходит в их толще? Существует ли жизнь во тьме морей под такими ледниками? Идет ли там таяние у нижней поверхности, или скованные льдом моря замерзают у границы ледников со льдом? Какой характер процессов в условиях подледниковых внутренних морей, отделенных от открытого моря иногда расстояниями до 500 километров? Действительно ли именно здесь образуются переохлажденные придонные воды, оказывающие существенное влияние на жизнь всего Мирового океана? Правда ли, что эти ледники в течение последних десятков тысяч лет иногда исчезали совсем и это приводило к сбросам льда с ледяной шапки Антарктиды в моря и «всемирным потокам», а затем быстро нарастали и становились такими толстыми, что вытесняли моря под ними и ложились на дно? Эти и многие другие вопросы стали сегодня перед исследователями, и некоторые из них носили не только теоретический, но и прикладной характер.

Вот почему и в Институте географии АН СССР, где я работаю, и в Арктическом и Антарктическом научно-исследовательском институте, которому подчинены советские антарктические экспедиции, высказались за то, чтобы принять предложение. Я был назначен руководителем наших исследований.

Сложнее было с подготовкой оборудования для экспедиции. И вот тут настала пора ввести еще одно действующее лицо — Виктора Загороднова. Он пришел к нам в институт лет восемь назад. Молодой человек с окладистой «геологической» бородой, в штормовке спросил, не нужны ли лаборанты...

Витя оказался незаменимым работником. Он готовился писать диплом по электронике в Московском энергетическом институте и имел умные руки рабочего человека. Умел варить, работать на всех станках, мог собрать любую электронную схему и в то же время любил экспедиционную жизнь.

— Понимаешь, Витя, — говорил я ему, — на нашу долю в Проекте приходится выяснение вопроса, тает или замерзает лед у нижней поверхности ледника. Чтобы ответить на него, имеются разные пути — взять образцы по всей толщине ледника, и если у нижней поверхности идет замерзание, то образцы нижних горизонтов окажутся состоящими из морского льда. Толщина такого льда позво-

лит сказать, какова скорость замерзания. Этот путь, — продолжал я, — уже наметился. В Ленинграде, в Институте Арктики и Антарктики, работает инженер и изобретатель Валентин Морев. Он создал легкое и надежное буровое оборудование для проникновения в толщу ледников. Мы с Моревым начинали эту работу еще на СП-19 много лет назад. Специальное нагревательное устройство, питаемое электричеством с поверхности, позволяет протаивать лед так, что не только образуется скважина, но можно и поднять на поверхность ее сердцевину, то есть керн. Каждые три метра, когда труба бура заполняется керном, бур вынимают, а пространство, где он находился, заполняют свежей порцией спирта. Это предохраняет скважину от замерзания...

Второй путь — придумать и сделать приборы, чтобы поместить их под ледник и по ним судить о характере происходящих процессов.

Вот тут-то и развернулся Витя. Он предложил разместить в море под ледником Росса специальные ультразвуковые датчики, которые бы точно регистрировали положение нижней поверхности ледника. Тогда сравнение наблюдений, проведенных через достаточно длительное время, позволило бы получить величину таяния или замерзания за этот период. «А что, если проткнуть ледник насквозь, — размышляя вслух мы оба, — опустить через лед длинную штангу, так, чтобы верхний конец ее оказался бы еще в скважине и со временем навечно вмерз в ледник, а нижняя часть штанги ушла бы в море, под ледник? Тогда можно было бы укрепить на ней открывающийся под водой зонтик без материи, и на каждый его луч поместить ультразвуковые датчики, смотрящие вверх...» Идея сразу понравилась, и Виктор начал работать над дипломом на одной из кафедр МЭИ, где занимались исследованием распространения ультразвуковых волн через воду.

Шло время. Бурами Моревы мы пробурили уже не один ледник: на Кавказе, Памире, Полярном Урале... Виктор защитил диплом, в котором были и ультразвук, и вода, и лед в нужном сочетании. Правда, когда мы пытались включить в дипломную работу описание эксперимента на леднике Росса, сотрудники кафедры скептически улыбались: «Вы лучше уберите все это, диплом и так хороший, а с вашей экзотикой он будет выглядеть несерьезно». Мы не возражали, ведь главный вывод дипломной работы все равно оставался — предложенный зонтик должен работать.

Я сообщил в штаб Проекта, в

город Линкольн, об ультразвуковом устройстве и о том, что хотел бы взять с собой инженера Виктора Загороднова. Предложения были приняты, правда, не целиком. Бурение с отбором образцов по всей толщине руководство Проекта решило провести своими силами.

— Считай, что ты уже член Проекта, — сказал я Виктору.

Но он встретил мои слова недоверчиво:

— Что?.. Вы думаете, мы полетим со своими самодельными штучками в Америку и Антарктиду?

— Да, да, Витя! Все будет хорошо...

Сначала мы должны будем лететь в Вашингтон, потом в Линкольн, потом в Лос-Анджелес — отправной пункт антарктической экспедиции, потом на Гавайские острова — там мы заправимся, а уж оттуда прыжок в Новую Зеландию, где в городе Крайстчерч получим теплую одежду, и дальше — через океан, тоже самолетом, на станцию Мак-Мердо — главную американскую базу в Антарктиде.

— Эта дорога мне хорошо известна, — говорил я Виктору, — так что не заблудимся. С Мак-Мердо перелетим в центр ледника Росса. Американцы пробурят для нас дыру, мы опустим под лед наш зонтик и...

Говоря это, я чувствовал, что Витя не верит ни одному моему слову. По-видимому, никто до сих пор не рисовал ему воздушные замки так неприкрыто и не реально.

Надо отдать должное — Виктор не смеялся над моими рассуждениями. Он с энтузиазмом принялся за изготовление зонтиков...

К этому времени безбрежная белая равнина ледника Росса была разделена перпендикулярными линиями на клеточки с расстоянием между линиями около пятидесяти километров, и в каждом узле клетки установлена вежа, позиция которой очень точно определялась со спутника. Наблюдая за изменением позиции вешек во времени, можно было судить о скорости движения льда и его направлении.

Тяжелые самолеты начали летать над ледником, и радиолокационная аппаратура, установленная на этих машинах, позволила определить толщину ледника и положение дна моря под ледником. На основе полученной информации было выбрано место для бурения, оно пришлось на узел клеточки, образованной пересечением линий j (по-английски произносится «джей») и 9 (по-английски — «найн»). В связи с этим

будущую станцию решили назвать просто: лагерь «Джей-Найн».

Бурение на станции стало главной частью Проекта. Однако первая же попытка пробурить ледник в районе лагеря, где толщина льда превышала четверста метров, закончилась неудачей.

Два года откладывалось сквозное бурение через ледник Росса из-за поломок оборудования. К этому времени началось изучение и других шельфовых ледников Антарктиды. Известный полярник, директор Арктического и Антарктического научно-исследовательского института в Ленинграде, член-корреспондент АН СССР Алексей Федорович Трешников возглавил комплекс работ по изучению шельфовых ледников в составе Советских антарктических экспедиций. Участники одной из этих экспедиций во главе с океанологом Львом Савотюгиным пробурили буром Моревы насквозь около 300 метров толщи шельфового ледника в районе станции Новолазаревская. Они успели даже бросить в море специальные сети, которые позволили бы обнаружить жизнь под ледником. Но скважина замерзла слишком быстро. Сети и аппаратура остались где-то у дна...

Наконец и нам пришло письмо из-за океана.

Лихорадочное оформление выездных документов, сбор и упаковка тысяч килограммов различного оборудования. В последнюю минуту решили все-таки взять с собой бур Моревы и легкую буровую лебедку, которую сделал Виктор. Ведь бурение у наших коллег шло плохо, год за годом Проект откладывался. Конечно, неудобно было без надобности предлагать американцам свое оборудование, но мы решили подстраховаться и, как потом выяснилось, правильно сделали.

Пришли в себя после сборов только тогда, когда самолет взлетел и взял курс на Вашингтон. Нас ждали впереди бесконечные аэродромы и пересадки, ровно столько, сколько я обещал Виктору...

Когда распахиваются двери самолета в Антарктиде, первое что чувствуешь, — это холодный и очень сухой воздух. Масса света, невероятного солнца.

Когда мы прилетели в лагерь «Джей-Найн», нас встретил Джон Клаух. Весь черный от загара, грязи и копоти, со смертельно уставшими глазами. Ведь днем надо было бурить, а ночью принимать самолеты (они почти всегда приходили ночью). И колоссальная ответственность. Ученые прибыва-

ли со всех концов мира, и все они ждали одного — скважину. Но скважина не получалась.

Вместе с нами на «Джей-Найн» прилетела группа ученых, большинство из них я до этого знал лишь по научной литературе. Биологи должны были опустить под лед сети и узнать, есть ли там что-нибудь живое. Но для этого нужна была скважина. Геологи хотели взять грунт со дна подледникового моря, но для этого нужна была скважина. Океанологи привезли с собой вертушки для определения скоростей течений и бутылки для отбора проб воды — им тоже нужна была скважина.

Лагерь «Джей-Найн» представлял собой абсолютно плоскую, сверкающую на солнце ледяную пустыню, в середине которой стояли несколько зеленых стандартных палаток, похожих на длинные, наполовину зарытые в снег, поваленные на бок бочки. Их здесь называли «джеймсвей», они были обтянуты ветронепроницаемой материей и простеганы изнутри слоями теплоизоляции. Поэтому одна-две соляровые печки, поставленные в «джеймсвей», делали его вполне сносным помещением для жилья и работы.

Одна из таких палаток была предназначена для научных исследований, в другой помещались кают-компания, кухня, туалет и душ. Еще одна — штабное помещение, рядом с которым колыхался ярко-оранжевый «сачок» матерчатого конуса, напоминающий, что сюда прилетают самолеты, и торчали покосившиеся удочки радиомачт. Две палатки — «слипинг-квартиры», или спальные помещения, выглядели как и на большинстве американских антарктических станций. Они зависели от того — ночь это или полдень, окна в палатках завешаны, и входить туда надо на цыпочках.

Когда наши глаза привыкли к полумраку после ослепительного солнца «улицы», мы увидели, что справа и слева от центрального прохода стоят тяжелые железные кровати. Расстояние между ними было достаточное, чтобы уместилась высокая железная тумбочка, в которую каждый обитатель мог убрать свои личные вещи. Несколько кроватей выглядели образцово. Но большинство представляли собой беспорядочные горы одеял, курток, книг, сушащихся носков, ботинок и сапог. Тихо, успокоительно гудел огонь в ближайшей печурке. С двух-трех кроватей в длинном ряду доносилось тяжелое мерное сопение. В таких палатках всегда, в любое время

суток, несколько человек спят после работы.

На высоте головы стоящего человека в палатке всегда тепло. Судя по многочисленным солнечным лучикам, проникающим в щели, — вентиляция на высоте.

Сопровождающий показывает на образцовые койки. Его жест понятен — это ваши!..

Пора работать. Пошли в палатку науки. Это было полупустое помещение в центре поселка. У одной из стен рядом со входом — грубо сколоченный из неструганых досок стол, на котором, поблескивая экраном, стоит серый ящик телевизионной установки. Рядом микрофон походной радиостанции. Покатая стенка палатки перед столом Джона была смело испорчена острым ножом, так что образовалось естественное окно с видом на ледянку с телевизионным кабелем. Если радио откажет, то можно подавать команды прямо в окно. Но для всего этого сначала нужна была все та же скважина через ледник.

Вводная инструкция Джона была краткой. Он представил нас тем, кто был в палатке, потом вывел на улицу, подвел к сугробу, из которого торчали доски и бревна, показал на ящик гвоздей.

— Инструмент лежит в помещении электростанции. Поработаете — отнесете на место. Стройте стол, ставьте рядом с моим и начинайте работать. Вопросы есть? — Джон ушел, шатаясь от усталости.

Мы яростно пилили доски, делали наш первый стол в лагере «Джей-Найн». Ребята все это время молча наблюдали за нами. А мы, в общем-то, довольно умело и быстро сколотили прекрасный, на наш взгляд, огромный и очень прочный стол. Снова пришел Джон Клаух:

— Так, сделали стол? Хорошо, но он слишком большой... Игорь, сделай его наполовину короче, а то другим места не останется.

Витя, как и я чувствующий напряженное внимание присутствующих, зашептал:

— Игорь Алексеевич, не надо резать, это они нарочно, издеваются.

Но я уже много раз работал с этими людьми и знал, что, как правило, никто ничего не делает и не говорит попусту, только не надо обижаться.

— Витя, — сказал я, — режь! Через час был сделан второй стол поменьше и более прочный.

В общем молчании кто-то вдруг произнес:

— Ого-го! По такому столу за просто может пройти стадо бизонов.

По тону сказанного, по общему хоту в ответ было ясно, что стол понравился и они нас приняли.

А дела со скважиной по-прежнему шли плохо. Первокласное оборудование, годами создававшееся в США для бурения этого ледника, выходило из строя — узел за узлом. Все, что могло ломаться, сломалось. Все, что могло вмерзнуть в лед, вмерзло так, что его уже нельзя было ни выколотить, ни вытаять. Не помогала ни горячая вода, которую лили в скважину, ни электронагревательные спирали, ни бесконечные авралы...

Положение спас изобретатель и инженер из маленького американского городка Лебанон — Джим Браунинг. Джим никогда раньше не был в Антарктиде и о предполагаемом бурении узнал случайно из газет. Уже перед самым отъездом в Антарктиду, Джим предложил свои услуги американской экспедиции и был принят в ее состав. И вот наступил «звездный час» Джима. Он решил прогнать дыру сквозь ледник пламенем горелки, похожей на огромный примус, работающий на обычном керосине. Так среди ровной, сверкающей на солнце ледяной пустыни появился гигантский компрессор, сжимающий воздух для этого примуса, и толстые шланги для подачи сжатого воздуха и керосина на расстояние, равное по крайней мере толщине ледника, то есть почти на полкилометра.

Но самым трудным было подавать вниз, в скважину, такую плеть шлангов. Она оказалась совершенно неподъемной. На снег под плеть положили все, что могло хоть как-то скользить, — нарты, саночки вертолетных спасательных комплектов, просто листы фанеры. Все люди со станции выстроились вдоль уходящей вдаль змеи шлангов и изо всех сил по команде дергали пульсирующие, казались, готовые лопнуть, оборваться шланги. А ведь, кроме нас, эту плеть тянула еще и механическая лебедка. Медленно, метр за метром подвигался в глубь ледника ревуший, окутанный паром и дымом «примус», а за ним и шланги. Постепенно тянуть их стало легче: большая часть уже висела в скважине. Мы поняли это, когда оставшаяся на снегу плеть вдруг сама прыгнула в скважину, и нам пришлось броситься животами на снег, чтобы своими телами удержать ее.

Вот так за восемь часов была насквозь пробурена вся толща. Вода подледного моря, устремившаяся в скважину, вырвалась фонтаном из устья, окатила многих. Но это был радостный фонтан! Вытащить плеть обратно было уже проще, хотя и здесь ожидал сюрприз: наш «примус», оказалось,

страшно коптил. Вытаскивая шланги из скважины, мы чувствовали себя трубочистами.

...Наконец, в черное, напоминающее вход в угольную шахту устье скважины ушла телевизионная камера, окруженная лампами подсветки. Была глубокая, залитая светом незаходящего полярного солнца ночь. На экране появились пятнышки-тени пушистого дна моря. Все заворожено смотрели на покачивающуюся картинку на экране. И вдруг раздался общий вздох: медленно пересекая экран, помахая хвостиком, плыло глазастое существо... Так на дне этого, казалось бы, мертвого моря была открыта жизнь.

Мы взяли пробы грунта со дна. И опять удивление: дно ледника сложено очень мягкими, похожими на серую глину, но очень старыми отложениями. Уже на глубине нескольких сантиметров от поверхности их возраст оказался около 5—10 миллионов лет. Почему? Может быть, еще недавно ледник был так толст, что касался дна и поэтому соскреб все, что было моложе?

Потом снова были радость и оживление. Все по-прежнему столпились у скважины.

— Не подходи! Убью! — орал глава биологов, доктор Джерри Липс, похожий на цыгана полуиспанец. — Не подходи! Я сам все подберу! — ревел он, ползая по мокрому от морской воды снегу и собирая красноватые существа.

Пяти-шестисантиметровые животные, которых только недавно мы видели на экране телевизора, были похожи на креветок. В эти минуты мы еще не знали, что видим новый, неизвестный науке вид веслоногих.

Биологи соорудили из проволоочной сетки что-то вроде мешка, положили в него тюленьё мясо и поместили мешок перед телевизионной камерой. Оказалось, что на дне этих рачков множество. На экране можно было видеть, с какой жадностью они сосали куски мяса, брошенного им в виде приманки. Но вот дана команда: «Телекамеру вверх». И камера вместе с мешком стала быстро подниматься. Мы продолжали, не отрываясь, наблюдать: мощные струи воды пытались оторвать обжор от мяса. Но они не обращали никакого внимания на течение. Может, им привычны такие течения? А биологи были уже озабочены вопросом: что же ели эти прожорливые полчища, пока мы не бросили им куски тюленьего мяса? На дне и в воде не удалось пока обнаружить ничего похожего на корм.

Дошла очередь и до нас с Виктором, и нам тоже очень повезло. Точнейшая электронная аппаратура

медленно пошла вниз, через толщу подледникового моря, а на экране светящиеся цифры показывали температуру, близкую к температуре замерзания морской воды. Ну и что же. Никто не ожидал иного для этого моря. Термометр все шел и шел вниз, и вдруг как будто что-то произошло под водой. Бродя рыба клюнула. Цифры заплясали, меняясь, как в водовороте: все теплее, теплее. Зрители зашептались, заговорили. А цифры вдруг перестали плясать. Температура снова установилась, хотя термометр все шел вниз и вниз. До дна моря было еще далеко.

Так 17 декабря 1978 года нам с Виктором повезло: впервые узнать, что море под ледником — не полузамёрзшее... У дна существует мощный слой сравнительно теплой воды. И хотя его температура всего лишь на полградуса выше точки замерзания воды, полученный вывод очень важен.

Еще целый месяц продолжалась круглосуточная международная вахта в лагере «Джей-Найн». Мы научились заново разбуривать замерзающую скважину, и каждые два-три дня над лагерем клубились дым и копоть реактивной горелки, гремели компрессоры, свистела раскаленная сверхзвуковая струя, окутанная паром испаряющейся воды. Наши когда-то красные куртки стали черными от смеси сажи и масла.

Каждый день приносил новые результаты. Телевизионная камера навела нас на мысль повесить перед ней горизонтальный диск с компасом, а в центр диска выпускать тонкую струю окрашенной жидкости. Оказалось, что струйка и ее перемещение хорошо видны на экране телекамеры, на фоне диска и стрелки компаса. «Прибор» сделал Виктор из полиэтиленового бидона из-под масла. Подкрашенная жидкость заливалась в разноцветные баллончики детских «воздушных шариков», оставшиеся после праздника рождества и Нового года. Все запасы чернил для авторучек ушли на подкраску жидкости. Так были измерены направления и величины медленных течений во всей толще воды...

Газеты громко оповещали: «Ледник Росса пробурен!» Но время уже работало не на нас. Люди так устали, что спотыкались, когда ходили по лагерю. В шумной и веселой раньше кают-компании уже не слышно было прежнего смеха и шуток. По утрам на завтрак вставали с трудом. Хотя какое там утро! Мы были так близко к полюсу...

Техника тоже поизносилась. Был разобран компрессор, и уже нельзя было разбуривать скважину огне-

вой горелкой. Правда, к этому времени соорудили котел для электронагрева воды, которая по трубам поступала в скважину и предохраняла ее от быстрого замерзания.

Пора было переходить к заключительной фазе Проекта, которая принадлежала русским и норвежцам.

Мы с Виктором должны были опустить через скважину к нижней поверхности ледника специальную аппаратуру, которую предполагалось оставить там навсегда. Напоминаю: эту аппаратуру более двух лет создавал, а затем довел до «ума» в Москве Виктор Загороднов. Она позволяла с помощью ультразвука очень точно определить положение нижней поверхности ледника. Повторное определение ее положения позволило бы узнать интенсивность таяния или нарастания льда у этой поверхности.

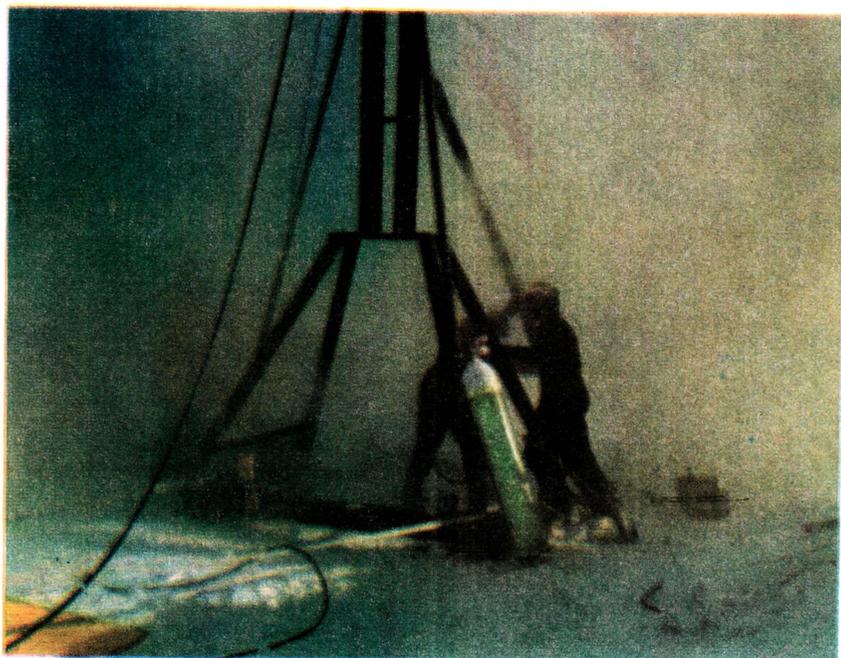
Норвежцы должны были опустить через скважину и оставить тоже навсегда в море под ледником акустические измерители течения и температур. Но скважина для нас с ними была одна, последняя. И, как назло, в день прилета норвежцев в Новую Зеландию наша электростанция вдруг остановилась, сломалась, а с ней прекратился и приток энергии в скважину.

В полярных экспедициях право решений принадлежит только начальнику, как капитану на корабле в море. У нашего начальника было две возможности: первая — разрешить нам с Виктором опустить свои приборы сразу же, как только стало ясно, что поток живительного тепла от электростанции прекратился. И дать телеграмму норвежцам, тем, кто только что обогнул земной шар: «Мы решили не ждать вас. Скважины, к которой вы летели, уже нет». В этом случае половина заключительной программы — наша — была бы выполнена наверняка. Норвежская же половина — наверняка нет,

Вторая возможность: попытаться немедленно переправить норвежцев из Новой Зеландии в лагерь «Джей-Найн» и приложить все усилия, чтобы сохранить до их приезда нашу общую скважину. В этом случае, при удаче, можно было бы выполнить всю программу, но имелся риск и того, что скважина замёрзнет пустой.

Джон Клаух избрал второй вариант. Я не давил на него, сказал только, что наше оборудование готово к спуску хоть сейчас... Он лишь коротко бросил: «Будь наготове».

Мы проверяли и перепроверяли оборудование, а Джон Клаух и его ребята изо всех сил пытались сохранить скважину. Они опустили в

нее толстую проволоку и дали по ней весь ток, который еще производил оставшийся движок станции, отключили даже плиту камбуза-кухни.

Но Антарктида умеет побеждать, когда захочет. Конечно же, все это время где-то над Южным океаном и Антарктическим побережьем бушевали штормы, и норвежцы вынуждены были сидеть в прекрасном Чи-Чи, как американские моряки называют Крайстчерч—новозеландские ворота в Антарктиду. Да и у нас дела шли не блестяще. Энергии было мало, и часть проволоки с тяжелым грузом, подвешенным на ее конец, вмерзла в стенки скважины.

— Игорь, теперь твой шанс, — сказал смертельно усталый Джон. Какой уж тут шанс, когда от дыры сквозь лед почти ничего не осталось?

Утром, а может и не утром, а днем или вечером, всем стало ясно: скважина умерла. Начальник послал норвежцам телеграмму о том, что их проезд в Антарктиду уже лишен смысла. Они могут отдохнуть в Новой Зеландии несколько дней за счет Проекта.

Когда ледник Росса был пробурен, в устье скважины ушла телевизионная камера. На экране появились пятнышки — тени пушистого дна моря, а затем, медленно пересекая экран, проплыло глазастое существо... Так на дне, казалось бы, мертвого моря была открыта жизнь. Это был новый, неизвестный науке вид веслоногих.

Больше я не видел скважины. В горячие часы спасения ее, когда все куртки валялись на снегу и никто не чувствовал холода, я сильно потянул ногу, но не заметил этого. А на следующий день не мог встать.

В устье скважины Джон и его друзья поставили огромный деревянный крест, на манер тех, которые ставят погибшим морякам на необитаемых островах.

Через несколько дней мы уже покидали «Джей-Найн», куда нам еще предстояло вернуться. Ведь нам не удалось ответить на главный вопрос: тает или намерзает лед под ледником Росса?

Дело в том, что, по мнению многих ученых, увеличивающееся сейчас за счет деятельности человека количество углекислого газа в атмосфере Земли должно привести к повышению ее температуры: через 50—100 лет она поднимется на 2—3 градуса в экваториальных широтах, а в полярных областях — на 10—15. Как подействует этот эффект на шельфовые ледники? Ведь если они станут тоньше, всплывут в тех местах, где упирались в дно, и, расколовшись, уйдут в море, это откроет ранее запруженные пути стока льда из центральных областей Антарктиды. Оценки показывают, что если это произойдет лишь на шельфовом леднике Росса, то и тогда уровень Мирового океана поднимется на 4—5 метров. Море затопит такие центры цивилизации, как Венеция, Бостон, Ленинград, сотни других портов и густонаселенных прибрежных областей разных стран. Произойдет ли это — ответ может быть найден на шельфовом леднике Росса.

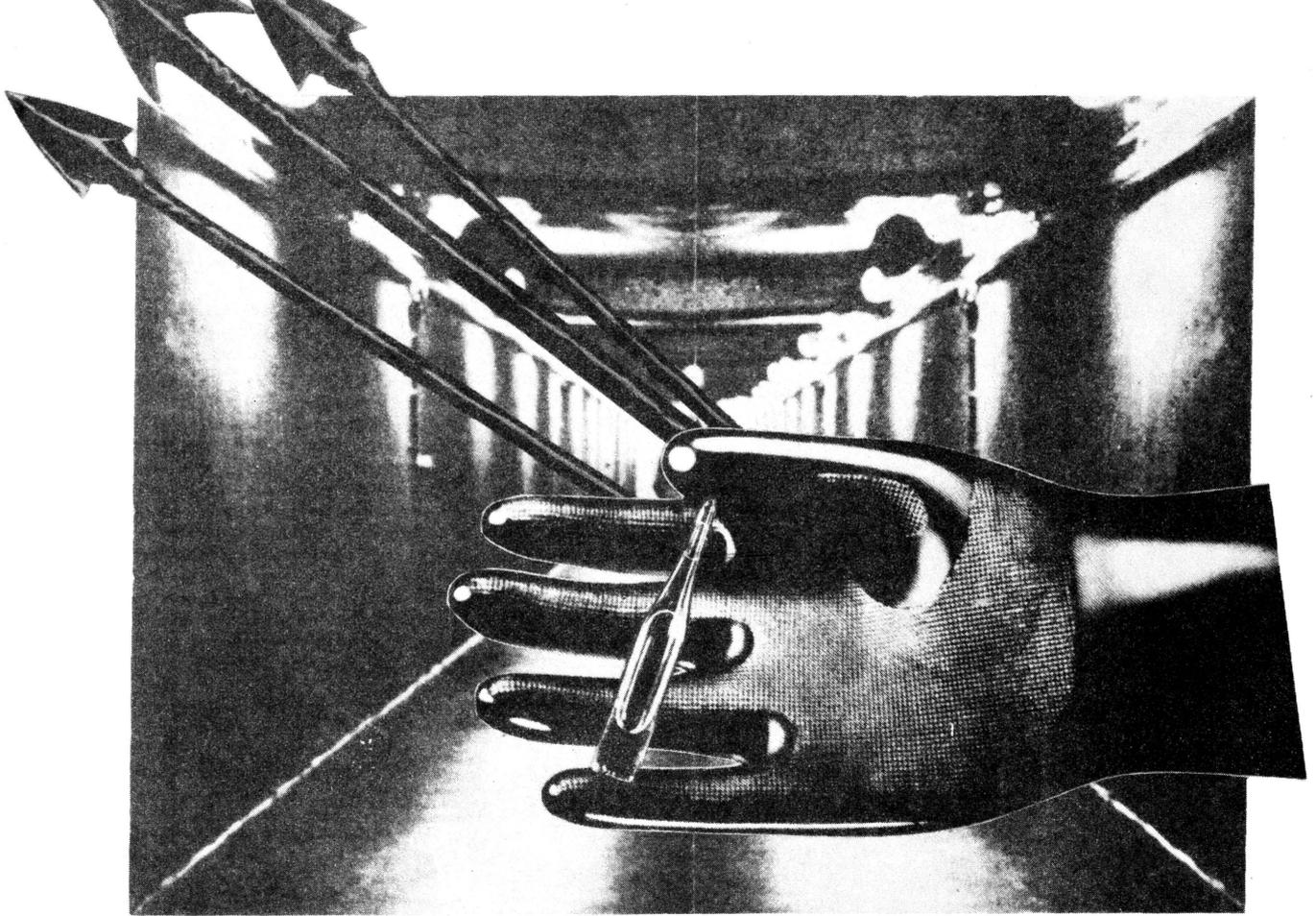
Тает или намерзает лед под антарктическим ледником?..

Окончание следует

От редакции:

Читателям «Вокруг света» безынтересно будет узнать, что в Антарктиде, в горах Королевы Мод, на 85°02' южной широты и 169°15' западной долготы, имеется географическое название — ледник Зотикова. Имя нашего исследователя внесено на карту мира по решению Бюро географических наименований Академии наук США.

Работа И. А. Зотикова в Антарктиде отмечена Советским правительством орденом «Знак Почета» и правительством США медалью «За службу в Антарктиде».

ПЕТЕР ВАЙДА

«ПОДЛЕЖИТ УСТРАНЕНИЮ...»

Шеред Робертом Дайндорфером, сотрудником редакции американского иллюстрированного журнала «Парейд», сидел мужчина лет сорока, темноволосый, небольшого роста. В ходе беседы Дайндорфер делал заметки. «Назовем его условно Ковачем, — записал он. — Родился в Венгрии. Говорит с акцентом. Живет в промышленном городе на Восточном побережье, в небольшом домике. Соседи знают, что он работает на каком-то заводе, на окраине города. Считается хорошим отцом семейства, всегда сопровождает жену на рынок. Любимое времяпрепровождение — смотреть телевизор, попивая пиво. Хобби — кегельбан с приятелями по игровой площадке. Типичный житель окраины небольшого городка. В одном-единственном, пожалуй, он отличался от своих соседей (об этом они, разумеется, и не подозревают): на его соевых семнадцать жизней. Он был наемным убийцей».

— Как это началось? — спросил журналист.

— Родился в Венгрии. В деревне. Одинаково хорошо говорю по-венгерски, по-немецки и по-словацки. До 15 лет ходил в школу. В 1950 году, когда получил повестку о призыве на военную службу, бежал в Австрию.

— Что было потом?

— Попал в тюрьму. Как говорят, не поладил с законом. С австрийским. Обвинили в контрабанде. Отсидку определили долгую, перспективы были незавидные. Тогда-то и появился один американец. Он сразу перешел к делу. Сказал, чего от меня хотят. Я согласился.

— И куда направили?

— В одно местечко неподалеку от Зальцбурга, в американскую спецшколу. Место это называлось «Ферма». Занятия шли с утра до ночи. Учили одному: убивать. С помощью оружия, голыми руками, «перышком»...

...Ковач подробно рассказал об этой школе, об американских инструкторах, «учебных предметах», о том, как их учили проникать на территорию социалистических стран, преодолевать полосы инженерных заграждений...

— Между очередными заданиями жилось мне в Вене неплохо, — продолжал Ковач. — В месяц платили сто долларов, а стоил он тогда намного больше, чем сейчас. Но это только основной оклад. Сверх него доплата в зависимости от задания.

— А как вы объясняли, на какие средства живете?

— Говорил: занимаюсь антикоммунистической пропагандой. В детали, понятно, никого не посвящал.

— Какое дело вы считаете самым необычным? — спросил Дайндорфер и прежде, чем выслушать следующий ответ, сделал пометку: «Воспоминания явно взволновали Ковача, он склонил вперед свою крупную голову,

прищурил левый глаз, голос его сделался хриплато-резким».

— Дело? Бабенка одна... Было ей лет этак под тридцать. Настоящая красавица. Женщин убивать не привык. Но приказали: «Парень, надо! Требуем интересы большой политики!» На квартире все это пришлось делать. На маленькой венской улочке, в каком-то старом доходном доме. Стрелял почти в упор. В голову...

Дайндорфер, профессионал-журналист, должен был без всяких эмоций составить портрет наемного убийцы на службе ЦРУ. «Это человек без имени, поскольку никто и никогда не должен знать о том, что он связан одной веревочкой с правительством США, оплачивающим его работу», — записал он. — Возникает ситуация, которая чревата для правительства негрянтностями, компрометациями или другими нежелательными политическими последствиями, а другого выхода, кроме убийства, нет. Тогда приходит приказ свыше, не прямо — через несколько инстанций, по пути, который и проследить-то практически невозможно, — и Он, исполнитель, вступает в действие».

...Когда статья Дайндорфера увидела свет весной 1969 года, официальные круги опровергли ее самым решительным образом: «фантазия и ложь, Соединенные Штаты не пользуются услугами наемных убийц». И вдруг, шесть лет спустя, в тот самый год, когда Соединенные Штаты Америки готовились праздновать двухвековой юбилей образования государства, на свет выплыли новые факты, подтверждавшие выводы журналиста. Обнаружило их специальное расследование, проведенное комиссией конгресса, которую возглавил сенатор Франк Черч. 60 дней кряду допрашивала она 75 свидетелей, причем протоколы комиссии заняли 8 тысяч страниц. Читая их — об убийцах и убийствах, об угрозах и быстроедействующих ядах, — невольно задумываешься над тем, сколько еще может быть такого, о чем мы и не подозреваем. Но и то, что стало известно, говорит само за себя.

АКЦИЯ В ЛЕОПОЛЬДВИЛЕ

Доклад комиссии сенатора Черча начинается делом об убийстве великого патриота конголезского народа Патриса Лумумбы. «Летом 1960 года, — говорится в нем, — руководящие круги правительства Соединенных Штатов были сильно обеспокоены ролью Патриса Лумумбы, который в их глазах сделался настоящим воплощением грозящей опасности, потому что, словно магнит, притягивал к себе массы и симпатизировал Советскому Союзу».

18 августа 1960 года под председательством президента Эйзенхауэра состоялось заседание Совета нацио-

нальной безопасности США. В конце стола с неизменной трубкой во рту восседал Аллен Даллес, директор ЦРУ. Он внимательно слушал и в конце совещания сделал пометку в блокноте: «Лумумба должен исчезнуть...» В тот же вечер это указание было послано шифрованным сообщением Виктору Хеджмену, официально секретарю американского посольства в Леопольдвиле, на самом же деле резиденту ЦРУ в Конго. В телеграмме Даллеса говорилось: «Руководящие круги пришли к выводу, что до тех пор, пока Лумумба будет оставаться у власти, в лучшем случае не удастся избежать хаоса, а в худшем будет открыта зеленая улица коммунистам, стремящимся прийти к власти в Конго. В соответствии с этим мы решили, что устранение Лумумбы — срочная и первоочередная задача, и в интересах этого нужно прежде всего ориентироваться на выполнение секретной акции».

Со своей стороны, еще не получив указаний Центра, Хеджмен тоже отправил в Вашингтон телеграмму: «Неважно, что представляет собой по сути своей Лумумба: коммунист он или только делает ставку на «красных», чтобы тем самым укрепить свою власть, но влияние антизападных сил в Конго нарастает, и не исключено, что у нас останется слишком мало времени, чтобы воспрепятствовать появлению новой Кубы».

Руководил «устранением» Лумумбы (под этим понималось его физическое уничтожение) Ричард Биссел, один из заместителей Даллеса. Биссел действовал сразу в нескольких направлениях: наблюдал за переговорами с группами, настроенными против Лумумбы, и одновременно готовил яд. Иозеф Шайдер, специалист ЦРУ по химическим препаратам и ядам, получил задание выбрать и отправить в Леопольдвиле такое биологическое средство, которое вызовет смертельное заболевание, похожее на одну из часто встречающихся местных болезней. Шайдер самостоятельно вылетел в Леопольдвиле с выбранным им ядом. Отдельно были упакованы наконечники стрел, которые предназначались для того, чтобы ранить Лумумбу. Их предстояло предварительно смазать ядовитым веществом. В Леопольдвиле были также отправлены резиновые перчатки, а обычным рейсовым самолетом — два наемных убийцы. Приготовились к применению яда и другим способом. Хеджмен радировал в Вашингтон, что поручил двум своим агентам контрабандой провезти отравляющее вещество в Леопольдвиле, чтобы там подмешивать его в пищу Лумумбы или в молоко, которое он пьет. Ответ ЦРУ гласил: «Нужно спешить, пока яд «хорошего качества», потому что со временем его действие слабеет...»

Тем временем подготовили и еще один способ устранения Лумумбы. В сентябре, за несколько дней до намеченного покушения, в действие вступили политические противники Лумумбы, совершившие переворот, и премьер-министру пришлось просить политического убежища в штабе войск ООН в Конго. На следующий день после переворота в Леопольдвиле резидентура ЦРУ в Конго обратила внимание американского Центра: «Лумумба и в нынешнем положении почти так же опасен, как если бы он находился у власти. Его нужно уничтожить физически». 13 сентября еще одна телеграмма в Вашингтон: «Талант и динамизм Лумумбы были решающими факторами во всех случаях его возвращения к власти, когда казалось, что он уже почти потерпел поражение. Лумумба в любых ситуациях умеет изменить ход событий в свою пользу». И двумя днями позже новая шифровка оттуда же: «Единственный выход — окончательно убрать Лумумбу со сцены, и чем скорее, тем лучше».

План, который выработали в Вашингтоне и 9 октября в форме распоряжения передали в Леопольдвиле, определял следующие этапы ведущего к цели пути: «Мы предлагаем сейчас в качестве непосредственной акции, направленной против Лумумбы, его арест и заключение в тюрьму. Это должны сделать сами конголезцы». А вот ответ Хеджмена на эту телеграмму, посланный 11 октября: «Резидентура сделала все, чтобы убедить конголезских руководителей в необходимости ареста Лумумбы». В помощь Хеджмену был послан специальный агент ЦРУ, который установил дружественные отношения с одним из охранявших Лумумбу солдат из состава войск ООН. Агент ЦРУ попросил своего новоиспеченного друга «каким-то образом выманить Лумумбу за кордон охранявших его войск ООН». Солдат подразделения ООН согласился употребить все свое красноречие, чтобы уговорить Лумумбу, и ему это, к сожалению, удалось: он послушался и угодил в ловушку.

Ночью 27 ноября премьер-министр тайно покинул убежище ООН в надежде, что сумеет пробраться в город Стенливиль, к своему другу Гизенге. Резидентура ЦРУ в Леопольдвиле только и ждала этого момента. Уже на другое утро в Вашингтоне получили телеграмму: «Мы сотрудничаем с конголезскими властями. Дороги будут перекрыты, мы проконтролируем боевую готовность по всей трассе, по которой, вероятно всего, попытается бежать Лумумба». Несколько часов спустя Лумумба был схвачен, его избили до полусмерти, заковали в кандалы по рукам и ногам и бросили в тюрьму.

14 января был днем триумфа для Хеджмена: леопольдвильские власти

приняли его предложение выдать Лумумбу Чомбе, правящему в Катанге. Вот полное радости сообщение леопольдвильского резидента ЦРУ в Вашингтон: «Патрис Лумумба убит при попытке к бегству». Позднее Организация Объединенных Наций провела специальное расследование и установила: солдаты Чомбе убили Лумумбу согласно заранее разработанному плану. Ни о какой попытке к бегству не было и речи.

Когда весть о смерти Лумумбы поступила в Леопольдвиль, Хеджмен торжественно отметил успешное завершение операции в помещении резидентуры ЦРУ шампанским, а ставший ненужным яд выбросили в реку Конго. Между прочим, этот человек жив и по сей день. Эдаким элегантно седующим господином явился он в сенатскую комиссию — дать показания, — и на ее членов произвел впечатление бизнесмена на пенсии. Почти веселым тоном он заявил: «Ну что ж, когда нам стало известно, что Лумумбу отправили в Катангу, мы решили, что дело это можно считать законченным, потому что Чомбе одновременно и ненавидел Лумумбу, и боялся его...»

С ПРАВОМ НА УБИЙСТВО

Естественно, что авторы доклада комиссии Черча не задавались целью показать во всей широте грязную деятельность ЦРУ. Но однажды начатые расследования нельзя было остановить, и в конце концов они пролили свет на целый ряд мрачных аспектов его деятельности. Исполнителей отдельных планов политических убийств (и это также подкрепляется фактами из «Зеленой книги») показаний перед сенатской комиссией) подбирали не в последний момент, когда у ЦРУ возникла идея покушения: уже в 1961 году там под условным названием «ZR/RIFLE» («Винтовка») было создано сверхсекретное подразделение с задачей — разрабатывать планы убийства иностранных политических руководителей. «Это подразделение, — как показал Уильям Харви, в прошлом сотрудник ЦРУ, — должно было заниматься выполнением заданий по совершению террористических актов».

Итак: не просто несколько каких-то случайных наемных убийц, а целое специальное подразделение! Контролировал его действия Ричард Биссел, заместитель Даллеса, по мнению которого, «террористический акт — крайний способ, с помощью которого можно укротить нежелательного главу государства».

Разумеется, это сказано на типичном жаргоне ЦРУ, но в общем-то сказано ясно. Из показаний Харви стало известно, что руководителем подразделения «ZR/RIFLE» в 1961 году был уголовник-рецидивист

иностранного происхождения, который исколесил всю Западную Европу в поисках среди преступного мира «потенциальных террористов». Этот человек установил контакт с главой империи игорных домов на Ближнем Востоке, у которого уже имелась наготове целая армия наемных убийц, работавших по заказу.

Комиссия Черча сделала все для того, чтобы подкрепить впечатление, будто ей пришлось заниматься делами давно минувших дней, поскольку в наше время таких дел больше не существует. Однако такое представление не соответствует фактам.

Дело Александра Панагулиса показывает, что убийства силами ЦРУ продолжались и в 70-х годах. Перелистаем досье, носящее его имя.

Панагулис был неординарной фигурой на политической сцене Греции, на которой он, как герой классической греческой трагедии, возник из мрака неизвестности. 21 апреля 1967 года, когда на арену вышли «черные полковники», осуществляя выработанный ЦРУ и НАТО план захвата власти под названием «Прометей», Панагулис был лейтенантом запаса. В феврале 1968 года он совершил покушение на стоявшего во главе фашистского переворота Пападопулоса, который ранее был офицером связи между греческой армией и ЦРУ. Покушение не удалось. Панагулиса приговорили к смерти, но возмущенная приговором международная общественность спасла его. Однако жизнь его до августа 1973 года, когда он был освобожден по амнистии, была страшной смерти, так как греческое гестапо испробовало на нем все самые ужасные средства пыток.

Получив амнистию, Панагулис уехал в Италию, откуда после падения хунты вернулся обратно в Грецию и снова активно включился в политическую жизнь. Он собирал документы о тайной деятельности офицеров хунты, их связях с НАТО и ЦРУ. Часть собранных документов он передавал в редакции газет, а наиболее важные, драматические доказательства хотел 2 мая 1976 года огласить в парламенте. За пять часов до своей смерти он вел переговоры о своем плане с одним лицом весьма высокого ранга. Положив трубку на рычаг, он сказал: «Пригрозил, что они уберут меня с дороги».

Это была не первая угроза, Панагулис уже привык к тому, что и за пределами Греции за ним постоянно следили, ехал ли он на машине или шел пешком.

1 мая 1976 года Панагулис погиб в автокатастрофе на своем зеленом «фиате». В последний вечер своей жизни он ужинал с родственниками, затем попрощался с ними и впервые за долгие недели остался один, так как обычно кто-то из друзей сопровождал его. На этот раз он утратил

обычную осторожность. В туннеле в вечерние часы «пик» какая-то машина, «подрезав», резко затормозила перед ним, другая загрозила путь его автомобилю сбоку. Панагулис резко повернул руль, его автомобиль ударилась о стенку туннеля и была вдребезги разбита. Панагулис умер в момент столкновения.

Из двух преследовавших его автомашин одна тотчас же скрылась в потоке движения, другая — с ловкостью, свидетельствующей о профессиональной подготовке водителя, — сделала поворот на 180 градусов, так что у свидетелей волосы встали дыбом, и, влившись в поток машин, двигавшихся в обратном направлении, также исчезла. Три дня спустя ее водитель все же объявился. Это был Михалис Стефас. Профессия — шофер. О другой машине он заявил: «Ничего не знаю». Считает, что произошла случайная автомобильная катастрофа, о чем он весьма сожалеет. Но итальянские и греческие журналисты кое-что разузнали о нем. Как оказалось, Стефас «забыл» упомянуть, что он не просто шофер, а гонимый. Участвовал много раз в гонках в Канаде. В США был известен под именем Джонни, его американские связи покрыты туманом, как и то, откуда у него были деньги на постоянные поездки в Италию, причем он чаще всего оказывался именно в тех местах — совершенно случайно, — где находился Панагулис.

Но журналисты прознали — и это, если сопоставить с предыдущим, едва ли уже покажется случайностью, — например, о том, что полиция не сфотографировала никаких следов катастрофы, так что в течение нескольких часов исчезли даже следы колес устроившей аварию автомашины, и что в полиции «позабыли» спросить у Стефаса, что он делал накануне автокатастрофы целый день в том же здании, где находилась контора Панагулиса. Между тем ее отгораживала стеклянная стенка, и Стефас мог, удобно расположившись, наблюдать за каждым движением Панагулиса.

Когда шофера-гонщика спросили, почему он не заявил обо всем этом, Стефас ответил: «А меня никто об этом не спрашивал. И вообще мне нечего скрывать, я всегда знаю, что делаю».

После всего этого не приходится удивляться выводам миланского журнала «Эуропа», который, проделав широчайшие расследования, писал: «Исследования деятельности ЦРУ в недавнем прошлом показали, что эта организация использует широкую шкалу убийств, начиная с яда, кончая авариями на автострадах».

Как выяснилось, в ЦРУ было создано подразделение, которое получило название: «Группа изменений в

здоровье». Более циничного названия и не придумаешь!

Эта группа занималась быстроубивающими, отравляющими веществами (ядами) и средствами, с помощью которых можно было их вводить в организм объекта, то есть человека, подлежащего убийству. Значительную часть таких ядов и средств их введения в организм показали сенатской комиссии, которая вела расследование, и рядом с их списком бледнеет воображение фантастов и авторов детективов. Выяснилось — подробности сообщил директор ЦРУ Колби, — что под условным названием «план Наоми» была выработана программа стоимостью в 3 миллиона долларов по созданию такой «комплексной группы ядов», которые способны вызывать все заболевания, начиная с тяжелого поноса, шизофрении и потери памяти до полного паралича и смерти. Наибольшую сенсацию вызвала пропавшая со склада ЦРУ в конце 1975 года пробирка, в которой находился химический материал, получивший название «ракушечный яд», который в микроскопических дозах способен вызывать гибель всего живого. Сенатской комиссии было показано также действующее с помощью простой карманной батарейки и потому совершенно бесшумное оружие, которое выстреливает отравленную ядом стрелу — иголку. И яд и наконечник стрелы растворяются в организме так, что не остается никакого следа. Далее упоминали о прогулочных тростях и зонтиках, которые также пускают стрелы; об электрической лампочке, которая, когда ее зажигают, выделяет в воздух комнаты ядовитый газ; о пуговице, которая, пришитая на одежду, может странствовать из одной страны в другую, но на самом деле не пуговица, а ядовитая таблетка огромной силы; говорилось также об «остроумном» аппарате, который в момент запуска автомобиля впрыскивает в салон машины ядовитый газ. Шла речь и о «невидимом дорожном знаке», а на самом деле аэрозольном устройстве, которое систематически опрыскивает шоссе и железнодорожные рельсы возбудителями болезней, и проходящие мимо транспортные средства увозят на своих колесах опасные бактерии на большие расстояния...

Юриспруденции известно понятие «презюмции невиновности», иначе говоря, то, что всякий подозреваемый считается невиновным до тех пор, пока не доказано противоположное, то есть его вина. В данном случае кажется более оправданным обратное — руководители ЦРУ признавались комиссии сената только в том, от чего уже нельзя отпереться, зато ни слова не говорили об остальном.

Перевел с венгерского Г. ЛЕИБУТИН

А. СУХАНОВ,
наш спец. корр.

«СИНЯЯ ПТИЦА» ЖИВЕТ ЗА ОБЛАКАМИ

После затяжных морозов и метельных дней пришла оттепель. Слово закрыли в доме все двери и затопили печь... Быстрая Теберда взлохматилась пенными гребнями на перекатах; распахивая снежные воротники, закачались на пригреве сосновые ветки, да в полдень густо, подземно стал раскатываться гул первых лавин.

Олег Анатольевич глядел на сплетение вершин, остро подпирающих горизонт, прислушивался к сходу лавин и в который раз обдумывал этапы предстоящей, уже знакомой работы: поиски токовищ — снача-

ла на Малой, а потом на Большой Хатипаре, когда приходится день за днем осматривать горные склоны; транспортировка оборудования в горы, установка его и создание хотя бы минимальных удобств для работы, после чего и начнутся собственно наблюдения, которые, как финишным взмахом флажка, должны завершиться научным отчетом. Отчет — этап самый трудный, но не менее интересный, чем наблюдение. Сотни собранных фактов рассказывают о том, что происходило там, наверху, у скал и ледников, и надо оценить, осмыслить, сопоставить их друг с другом и с тем, что

уже известно науке, чтобы сделать свои выводы. И в этом для Олега Анатольевича Витовича, старшего научного сотрудника Тебердинского заповедника, было свое непреходящее очарование, которое испытывает открыватель и первопроходец, нарекающий своей волей и властью только что открытые земли.

Долгие годы посвятил Витович изучению обитателя горных высот — кавказского тетерева. Многие из прошлого стерлось, позаглодилось в памяти, но самое важное, яркое осталось, устояв против времени, как и эти отточенные солнцем и ветром пики. Он хорошо помнил, как произошла его первая встреча с этой птицей...

Тогда он был еще мальчишкой, ушел с отцом-зоотехником в горы. Пока отец сидел с чабанами и внимательно слушал старшего — пожилого черноусого пастуха-чекеса, Олег решил побродить один... Тропа тихо лилась вниз, почти неразличимая среди белых стволов в свете затихающего майского дня. Потом пошли поляны, за ними глухим забором встал с обеих сторон ельник и пихтач, лишь кое-где пропущенный березовой светлинкой. Солнце было быстро, как всегда в горах, село, ушло за лес. Последний луч уперся в острый гранитный клык на восточном краю неба, и такая вдруг наступила, состоялась тишина!

Неожиданно из-под нависшей рыжей глыбы выскочил кабан. Мгновение смотрел он на подростка тяжелым упрятым в щетину глазом, и Олег с напряженной отчетливостью увидел жесткую шерсть на крутом хребте с приставшими к ней сухими иголками хвои. Он попятился, ожидая, что сейчас секач бросится и ударит желтоватым, надколотым у основания клыком. Но кабан только шумно дохнул и, пробив куст орешника, ушел вверх по склону.

То и дело оглядываясь, Олег повернул назад. Выйдя на опушку, он растерянно остановился. Из-за перевала белым водопадом хлестал туман. Он шел по ущелью, накрывая высоким валом лес, луга, путая тропы. Еще немного — и несколько рябин, стоявших недалеко на взгорье, пропали, растворились в зыбком мареве. Олег нерешительно потоптался на месте, не зная, как быть. Он подумал об отце, который, наверное, уже поднимал чабанов на поиски, и прислушался. Где-то далеко ухнул филин, под соседним деревом испуганно и тонко пропищала мышь — начиналась ночь. В темноте что-то быстро перебежало, тайлось, шуршало, ползло, и

Олегу становилось не по себе от этих звуков ночной жизни.

Наконец он решился. Выломал сук потяжелее, бросил отцовскую плащ-палатку на сухую траву под каменным выступом, сел и настроенно осматрелся. Со всех сторон из-за деревьев на него бесшумно надвигались зеленоватые огни. Они двигались по прямой, то фосфорно вспыхивая, то пропадая...

Олег не успел вскочить, как пульсирующая зеленая струя ударила ему в грудь. Он вскрикнул и хотел подняться, но запутался в плащ-палатке. Потом снова увидел подрагивающий огонь у себя на груди, и до него вдруг дошло: светляк!

Проснулся Олег уже утром. Небо приметно светлело, обнажая то тут, то там голубые промоины. В одну из них скользнул первый солнечный луч и дымным брусом повис над ущельем. Туман к утру опустился и загустел. Чувствуя, как быстро промокают от росы парусиновые туфли, Олег вышел на опушку и тут... увидел их.

Три краснобровых красавца черныша, взбивая поредевший туман ударами темных, с белым подбивом крыльев, возбужденно кружили среди весенней травы. Четвертый, серый, неуверенно повторял в стороне их движения, то и дело останавливаясь и выглядывая на черных. Вдруг один из них, угрожающе подняв перья, повернулся к серому, и тот, прекратив свои неуверенные взлеты, бросился бежать вниз по склону. А «виновница торжества» стояла за большой кочкой и словно не замечала этого праздника в ее честь.

Но вот поле тумана сместилось, придвинулось — и все исчезло за его белой стеной: и птицы, и луч солнца. Олег заворуженно смотрел на поляну, и было у него такое чувство, будто коснулся наяву крыла Синей птицы...

Долго вспоминал, где же он видел этих залитых смоляной чернотой птиц? Уже доносился от коша лай собак и пахло сосновым дымом, когда обожгла догадка: «Кавказский тетерев!» Эту редкую птицу с длинным, разделенным надвое хвостом он заметил у деда в старей, 1895 года издания, книге профессора Московского университета М. А. Мензбира «Птицы России». Только на рисунке там не все было правильно, но Олег об этом еще не знал, как не знал и того, что с этой встречи завяжется узелок, потянется ниточка, которая через десять лет приведет его снова в эти горы, и кавказский тетерев станет предметом его постоянных исследований...

Рабочая биография Олега Анатольевича не раз сворачивала от «генеральной линии» его судьбы. Но когда ему, учителю русского

языка и литературы, предложили место препаратора в Тебердинском заповеднике, он, не раздумывая, согласился.

Сложная у него была задача... Сложная не столько по исполнению, сколько по тому внутреннему напряжению, которого она от него требовала.

Ему приходилось и раньше стрелять в животных, но то было в пылу охоты, в азарте погони. А теперь... Он должен был вместе с егерем найти, выследить зверя, хладнокровно оценить, подходящий ли это экземпляр (слово-то какое препарирующее — экземпляр!), и спокойно послать пулю, с тем чтобы потом «оживить» животное, заново создав в навсегда замершем чучеле.

Привыкнуть к этому Олег Анатольевич не мог, и нередко его карабин запаздывал, «терял голос», а раздавался только раскатистый выстрел егерской винтовки.

В 1969 году Олег Анатольевич заочно поступил в сельхозинститут по специальности «охотоведение», а спустя два года был зачислен в том же заповеднике на должность младшего научного сотрудника-орнитолога. С этого-то рубежа, этой межевой, «пограничной» даты и началось, собственно, то главное в его работе, чем он занят, захвачен по сей день... Почему он выбрал орнитологию? Любит он это дело — и все. За что любит птиц? За парение, невесомость, причастность к небу. И охотиться за птицей в горах трудней, чем за зверем: минута полета — и она на другой стороне ущелья; а попал — погибает, как правило, сразу.

Тут все внезапно: и появление и исчезновение. В общем, для Витовича работать с птицей интересно, и особенно с кавказским тетеревом. Другие редкие птицы, как бы сознавая собственную неповторимость, оберегают свою жизнь — от первых заморозков до весенних дней — на далеких теплых берегах. А тетерев, верный горам, мужественно переносит и службу и ненасть, словно привязанный к этим дымящимся метелями вершинам невидимой нитью.

Позади осталась тропа с цоканьем копыт и шумом реки, сначала громким, близким, а потом все затихающим.

Первые километры Витович и лаборант Игорь Ткаченко шли вдоль реки Теберды, где цветущие сады стояли по ущелью неподвижным туманом. Но постепенно май возвращался в апрель, а тот сырм ветром и дрожью прошлогодней травы как бы стучался в март. Последний километр шли молча, осторожно ведя в поводу навьюченных

лошадей. Дойдя до поляны, где ловили вечернее солнце огромные сосны с отвесными, как ливень, стволами, Витович обернулся к лаборанту:

— Лагерь разобьем здесь.

Спустя два часа, когда палатка уже стояла посреди поляны, а в котелке бугрилась, закипая, вода, Витович вернулся с обхода и, блестя глазами, спрятал бинокль в футляр.

— Токуют!

На следующий день, в полдень, когда тетеревиный ток опустел, поставил Витович с лаборантом еще одну палатку. Палатка была маленькая, на алюминиевом каркасе. В ней можно было только сидеть, и четыре стороны света заглядывали в ее четыре крошечных оконца. Здесь, на южном склоне горы Большая Хатипара, среди бурых кочек прошлогодней травы Олег Анатольевич и провел двадцать суток, выходя из палатки только по ночам или в периоды дневного затихия.

Еще в предутренних сумерках на ощупь проверял он фотоаппарат, открывал дневник, заводил часы, посматривая на светящийся циферблат, и, устроившись поудобнее на ватнике или спальном мешке, начинал терпеливо «подстергать события», испытывая почти охотничий азарт.

Просыпаются тетерева, кормятся, начинают токовать, улетают — каждый раз быстрый взгляд на часы и короткая точная запись в дневнике наблюдений. А увидит Витович что-то новое в поведении тетеревов, когда набирающий силу день пробьет пласты тумана и погонит их вниз, — осторожно глянет в окошко палатки повитый веточками брусники или можжевельника объектив и с тихим щелканьем впустит в себя распахнутое взлетом тело тетерева, которое теперь навечно останется темным силуэтом на глянцево-поле фотопленки. Потом, уже внизу, в заповеднике, при красном свете фонаря снова «воскреснут» этот полет и эти горы. Если же не достанет остроты глаза, поднимет Витович тяжелый цейсовский бинокль, и расстояние покорно свернется, сложится, выгукло придвинув предмет к самой палатке. И так весь долгий, поднятый к самому небу день будут сменять друг друга, повинувшись человеческим рукам, фотоаппарат, бинокль, блокнот и снова бинокль, чтобы исчез еще один прочерк в биографии тетерева.

Весна тут только началась. В полкилометре от палатки, внизу шумела по дну ущелья Большая Хатипара. Местами она текла под мощными мостами из снега, местами вырывалась на волю, захлестывая, забрасывая пеной каменные

глыбы, на которых жались друг к другу кривые низкорослые березы да пластался, свешивая темные ветки над ревушей водой, можжевельник.

Прямо напротив палатки лежал через ущелье северный склон: скалистый, мрачный, сплошь забитый снегом — там еще царила зима. Каждый день после полудня с него сходили снежные лавины, и Витович зачарованно следил, как сначала беззвучно скользит снег по узким желобам, а потом с грохотом рушится вниз с отвесных скал.

Великая тишина стояла вокруг. Только шумела день и ночь река, но постепенно этот звук выключался из сознания.

Изредка прогрохочет лавина, крикнет, пролетая, альпийская галка или наверху, в скалах, свистнет тревожно улар. И опять тишина. Солнце на этих высотах было редким гостем. Неделями ползли, цепляясь за вершины, свинцовые тучи, накрывая землю то дождем, то снегом, то, сменяя первые цветы, ледяными залпами града. А то тяжело накатывали с моря громкие грозы. Сотрясая горы, раскатывался гром, и ущелье, словно давась этим небесным криком, не в силах его вместить, выталкивало эхо обратно. В такие минуты становилось по-настоящему страшно.

Вот в этих-то неприятных местах по соседству с небом и совершалось великое таинство продления скрытного и немногочисленного тетеревиного рода.

...Едва только слабый росток света шевельнется на востоке и отделит пробуждающееся небо от спящей земли, на току, где ночуют тетерева, начинается своя жизнь. Здесь, как в феодальном государстве, есть избранные, «первое сословие» — взрослые, в расцвете сил петухитрехлетки. Их удельные владения в самом центре токовища, где высокая кочка или ровная площадка.

Тетерева рангом ниже — двухлетки в темных, с серым крапом нарядах, — как непокорные вассалы, окружают их, охраняя свои наделы как от «первого сословия», так и от «третьего» — самых молодых токовищ, встречающих свою первую весну. У последних мундир серого пера и самые дальние участки на краю токовища.

Но избранныком станет лишь «жених», чье владение в центре токовища, и потому нет-нет, да и поднимет годовик знамя мятежа и вторгнется на землю более «знатного» соседа. Только недолго владеть ему участком, праздновать победу. Подоспеет хозяин в черных доспехах, грозно надвинется, ударит крылом и погонит прочь. И снова начнет годовик поход вдоль чужих границ, ожидая своего часа или счастливого случая.

Но и тут бывают исключения.

Долго шла тяжба за часть наде- ла между черным хозяином и не- званным серым гостем. Много раз серый без боя бежал за пределы владений черного, но снова и снова возвращался и однажды принял бой. Хозяин теснил грудью, бил клювом, яростно поднимал перья, становясь больше, страшнее, непо- бедимее, но одолеть серого так и не сумел. Отвоевал пришелец боль- шую кочку с несколькими метрами земли вокруг и, основав тут свое «удельное княжество», уже как рав- ный начал ток.

На призывный всплеск тетереви- ных крыльев снизу, из-за рассвет- ного леса, поднимаются тетерки. Далеко вокруг огласил ущелье своим протяжным «ке-ке-ки-ии», выйдут они к токовищу, и с но- вой силой грянет тогда ток! А ко- гда солнечные лучи малиновым огнем запалят склон, конец току.

Часа полтора покормятся тут же тетерева и тетерки и расстанутся. Тетерева полетят за хребет на се- верные склоны, где в зарослях ро- додэндрона и березового густого криволесья готово им убежище и защита, а их подруги, поднявшись на крыло, направятся снова в лес.

Перед заходом солнца первыми возвращаются на токовище тетере- ва. Несколько минут они сидят не- подвижно, как бы решая, все ли благополучно переправились хребет и сели на ток. Потом вдруг заспе- шат, «потекут» вверх по склону, один за другим останавливаясь и занимая свои участки. И опять тра- пеза часа полтора, когда снижается бдительность и один сосед без- наказанно вторгается во владения другого.

А когда ущелье накрое тень и только на противоположном склоне еще не погаснут, не остынут закат- ные сполохи, снова выйдут из ле- са тетерки, но теперь уже осторож- но, молча поднимутся к токовищу, и до самых сумерек будет длиться весенний праздник.

Лишь подступившая ночь умерит, утишит тетеревов, темными пятна- ми рассадит на ночь по токовищу, а их подруг вернет в лес до сле- дующего утра.

День за днем наблюдал Витович за тетеревами в крошечные оконца своей палатки, и все гуще, все плотнее заполнялись страницы дневника...

«В пасмурную, а тем более дожд- ливую погоду ритм нарушается. Утренний ток продолжается не до восхода, а дольше. Кормежка тоже затягивается. Дневной отдых не имеет четких временных границ. В одно и то же время одни кормят- ся, другие отдыхают, третьи совер- шают токовые взлеты.

...Сплошная низкая облачность

закрывала верхнюю треть горных хребтов, временами моросил дождь, пегухи на день остались на токови- ще, почти весь день были актив- ными, дневной отдых выражен не- четко, тетерки задержались на то- ку до 8 часов. Отдыхать отошли к нижней границе токовища. Верну- лись на 1,5 часа раньше».

Кавказский тетерев в отличие от своего равнинного сородича молчун. Чтобы привлечь внимание подруги, он токует — совершает короткие взлеты, типы которых рождены и выверены на крутизне горных скло- нов.

Кое-что из замеченного случилось наблюдать и другим исследовате- лям, но все чаще Олег Анатольевич видел такое, что никому еще не до- водилось видеть.

...Только что отгорела, отполыха- ла заря. Витович едва успел заря- дить фотоаппарат и достать план- шет, как словно черным громом распахнуло рассветные небеса: пря- мо перед палаткой сел на луг взрос- лый тетерев. Вот он выпрямился, застыл, как бы слушая чистую ти- шину горного утра, и вдруг, при- встав, ударил, прынул отвесно вверх, сшибая круглым обрезом крыльев рубиновые, с молочным налетом изморози ягоды брусники. На гребне взлета раздался щелчок, словно ударились друг о друга две костяные пластины.

Странный это был взлет, и непо- нятно его назначение. Плохо виден, плохо слышен и не зависел от кру- тизны склона. Да и чем все-таки издается звук, тоже было неизвест- но. Что-то давнее, древнее, просту- пившее из глубины эпок, знавших пещерного льва и саблезубого тиг- ра, было в этом звуке и этом взлете.

«Зачем он, от каких видов при- шел, какое движение тетеревиной души должен выразить?» — думал Олег Анатольевич, торопливо ловя взлетевшего тетерева в прицел видо- искателя. Потом записывал: «Кав- казский тетерев отличается от дру- гих тетеревиных птиц большим своеобразием токовых элементов, ко- торые несут в себе ярко выражен- ные черты примитивизма, что ука- зывает на близость этого вида к предковой форме. Токовые взлеты тетеревов имеют чисто demonstra- тивное значение. По ним ориенти- руются тетерки, приходящие на ток всегда от его нижней границы. При любых типах токовых взлетов пегухи демонстрируют вниз по склону белое оперение подкрыльев, и тетерки без затруднения находят и выбирают себе самцов».

Иногда Витович надолго задумыва- лся, хмурился, вспоминая уже сделанную запись: «На хозяй- ственно используемых террито- риях токовища тетеревов и их гнездовые станции совпадают с

местами интенсивного выпаса скота.

Под влиянием выпаса меняется видовой состав растительности на лугах, ухудшаются защитные усло- вия, появляется фактор беспокой- ства. Все это значительно ухуд- шает комплекс условий, необходи- мый для нормального размноже- ния».

Природа, словно покоренная на- стойчивостью и терпением исследо- вателя, открывала ему одну тайну за другой.

...Над крутым скатом горного лу- га гудел солнечный ветер, сотрясая зацветающий тмин, белую ветре- ницу, а в небе, совсем рядом, тор- жественно перемещались белые об- лачные громады, словно там начи- нался праздник. Начинался он и на земле.

Обломком черного мрамора в ра- дужной насечке фиолетовых бли- ков замер среди бессмертника те- терев. Замедленно ступая по языку зеленой травы, к нему приближа- лась тетерка. На мгновение замер- ла, выверяя, сличая обостренным инстинктом своего избранника, и снова двинулась. В ту же минуту, словно переполненный звонкой мо- лодой силой, он напрягся, шагнул к ней... Потом она улетела вниз, к лесу, растворилась между сосновых стволов, а он еще долго сидел, плот- но прижавшись к земле, среди жел- тых цветов бессмертника.

Наконец настал день, когда Ви- тович услышал голос кавказского тетерева.

...Ветер уже смахнул с розовых соцветий тмина ночную росу, и облака белым неподвижным полем легли на полкилометра ниже тока, когда прямо на палатку села те- терка. Ближайший тетерев подбе- жал, затоптался, поднял разделен- ный надвое хвост и, не в силах ути- шить страстью охваченное сердце, вытянул шею параллельно земле и выдавил с великой мукой, закаш- лялся, прохрипел «кхыр-кх-хыр!». Потом снова и снова открывал клюв и, обморочно закатывая гла- за, все издавал эти хриплые, кар- кающие звуки. Оказалось, что есть, хотя и скупо отмеренный, голос и у этой птицы...

Май кончался. Тетерева улетали с этих склонов, чтобы через год снова вернуться и выполнить веч- ный закон жизни.

Собирался в обратный путь вниз, в долину, и Олег Анатольевич, что- бы в строчках научного отчета вос- кресить то волнение, ту счастливую потрясенность, которые он испытал здесь, на высоте 2800 метров в уро- чище Большая Хатипара. Эта вес- на была звездной порой исследова- теля.

Теберда

В. ЛЯХОВЧУК

Портеньо Буэнос-Айреса

Город Буэнос-Айрес основывали дважды, поскольку воинственные индейцы кечуа и гуарани смели с лица земли первое испанское поселение. Сорок четыре года спустя, в 1580 году, Хуан де Гарай, разбив свободолюбивые племена, вторично основал город Вилья Санта Мария де лос Буэнос Айрес.

Название это следовало переводить как «Град благосклонной святой Марии». С тех пор, однако же, осталось только «Буэнос-Айрес» — «хо-

роший воздух», ибо слово «айрес» значит и «воздух» и «отношение».

Вплоть до начала войны за независимость Буэнос-Айрес не играл значительной роли в жизни испанских колоний. Более важную роль играли такие промышленные провинции, как Кордоба, Мендоса, Ля Риоха, Сальта.

В 1810 году Аргентина стала независимой, и с этого времени начался спор столичного города с провинцией. Антагонизм этот, меняя формы и

оттенки, дожил до наших дней. Он породил, кроме всего прочего, специфический, колоритный и противоречивый тип столичного жителя — портеньо.

Рассказ о Буэнос-Айресе без рассказа о портеньо превратился бы в простое перечисление домов и улиц.

Само слово «портеньо» происходит от слова «порт». Но уже с середины прошлого века портеньос называются жители центральной части города, поскольку в пригородах-ар-

рабах проживала беднота, которая в счет горожан не принималась. И само обозначение с давних пор носило социальный характер.

Сражение за право называться портеньо началось с порта. Докеры задались вопросом: почему на центральных уважаемых улицах Буэнос-Айреса рабочий парень не смеет даже показаться? Докеры ведь общались с иностранными моряками и от них узнавали многие странные для себя вещи. И рабочие парни перешагнули запретную черту с ножом-факоном за поясом и гитарой в руке. Гимном им служило танго, песня рабочего предместья, незамысловатая, как сама жизнь, и такая же правдивая.

В танго пелось о рабочих кварталах Барракас; о чахоточных девушках-работницах, преступивших грань отчаяния. Власть предрешающие предавали танго анафеме, клеймили за безнравственность. А песня рабочих кварталов пробивалась все дальше, преодолевая яростное сопротивление сеньоров из богатых семей.

Самые ожесточенные схватки происходили на улице Корриентес, одной из центральных артерий города, на которой до рассвета не гаснут огни кафе, баров, кино, увеселительных заведений. Именно на этой улице звание «портеньо» было вырвано у буржуа, которым отныне было присвоено презрительное наименование «фифи».

С тех пор слово «портеньо» перестало быть привилегией зажиточных людей. Портеньо может быть кто угодно, даже иностранец (только не «фифи!»), если у него есть для этого необходимые качества. Признаков, по которым портеньо отличается от прочих жителей города Буэнос-Айреса, великое множество. Главные из них — чувство товарищества, отчаянная смелость, сентиментальность и беспредельная любовь к своему городу.

Могу заверить вас — правы портеньо: человек, который долгие годы прожил в Буэнос-Айресе, никогда не забудет этот город.

ГДЕ СЕРДЦЕ ГОРОДА?

Официально сердце города Буэнос-Айреса находится на Пласа де Майо, в здании собора, где покоится прах генерала Сан-Мартина. Но эту версию знает не каждый рядовой житель столицы.

Многие считают, что сердце столицы находится на перекрестке проспектов Диагональ Норте и 9 июля, где возведен обелиск в честь столетия независимости Аргентины. Есть сторонники мнения, что сердцем города следует считать Пласа дель Конгресо, откуда берут свое начало все автострады страны. Каждый по-своему прав — портеньо ведь считает самым лучшим местом в городе

тот район, в котором он живет, будь то патриархальный Сан-Тельмо, рабочий Барракас или окутанный дымом Парке Патриснос.

Но место, поистине священное для каждого портеньо, — это улица Корриентес. Ее, по-видимому, и следует считать сердцем города, если смотреть на столицу Аргентины не с исторической или географической точек зрения, а с позиции душевной привязанности обитателя Буэнос-Айреса.

На улице Корриентес портеньо закрепились в своем новом облике. Здесь впервые с эстрады прозвучало танго. На улице Корриентес пел Карлос Гардель.

Не многим артистам дано завоевать любовь народа и после смерти десятилетиями оставаться символом скромности и доброты. Карлос Гардель пел о бедняках и для бедняков. Языком танго он выражал протест против угнетения и социальной несправедливости.

Карлос Гардель — «эль морочо дель Абасто» («смуглый парень с рынка Абасто») — не был аргентинцем. Он родился в Уругвае, в пришедшей в упадок семье французских интеллигентов. Но он был портеньо до мозга костей. О нем ходят легенды. Закончив выступление в дорогом кабаре, вход в которое не каждому по карману, певец в сопровождении своих гитаристов повторял всю программу в каком-нибудь дешевом кафе на улице Корриентес. Бесплатно.

Годы триумфа Карлоса Гарделя совпали с тяжелым временем кризиса 1929—1930 годов. Беднякам приходилось туго, и были случаи, когда певец раздавал значительную часть заработанных денег безработным. Гардель погиб в авиационной катастрофе в 1935 году, едва ему минуло сорок лет. Его похороны Буэнос-Айрес помнит и по сей день. В городе практически остановился транспорт; на улице Корриентес, заплывив ее на всем шестикилометровом протяжении, сотни тысяч портеньо провожали в последний путь любимого певца. Улица превратилась в реку цветов. Цветы несли люди, цветы сыпались со всех балконов, в цветах утонул гроб. Так не хоронили ни одного президента.

Останки Карлоса Гарделя покоятся на кладбище Чакарита под скромной мраморной плитой. На плите круглый год стоят живые цветы, все эти сорок четыре года. Дань портеньо человеку, завоевавшему их сердца.

«ЕСЛИ ТЫ НЕ БАБА — ПРЫГАЙ!»

Портеньо не склонен к реверансам. Это особенно заметно в сфере обслуживания. Принято считать, что коммерсант или предприниматель, оказывая услугу клиенту, пытается расположить его к себе лестью, осо-

бым обхождением и, таким образом, выгодно продать товар. Портенью в этом отношении исключение. Правда, портенью крупных дел не ведет; те, что вершат крупные дела, относятся к другой категории — «фифи». Но на почве мелкого предпринимательства портенью утвердился прочно.

Одна из самых ярких фигур на этом поприще — коллективёро. Профессия эта относится к коллективному, как говорят латиноамериканцы, транспорту, называемому у нас общественным. Метро, троллейбусы, не-

поворотливые и медлительные автобусы находятся в ведении управления городского транспорта при муниципалитете. Быстрые и юркие микроавтобусы — частная собственность водителей, которые объединяются в компании и обслуживают отдельные маршруты. Некоторые из них прямо таки знамениты. Мне случалось пользоваться в течение ряда лет едва ли не самым известным маршрутом города Буэнос-Айреса — маршрутом № 60, зелено-коричневым микроавтобусом, курсирующим между Пласа

Конститусьон и дельтой Эль Тигре. Протяженность пути — около сорока пяти километров. И микроавтобус останавливается на любом перекрестке по требованию пассажира.

В микроавтобусе всего одна дверь — по правую руку от шофера. Входя в салон, пассажир называет свою остановку и тут же получает у шофера билет. Иностранцы обычно удивляются феноменальной памяти тружеников руля и их счетно-вычислительным способностям. За годы, которые я пользовался этим маршру-

том, мне ни разу не называли дру- гой цены, не ошиблись ни на сентаво.

Аргентинец, чем бы он ни занимал- ся, в душе остается степным всадни- ком-гаучо, что проявляется при лю- бом удобном случае и порождает са- мые неожиданные ситуации. Город- ская автострада не бескрайняя пампа, а автобус не конь. Но шо- фер склонен забывать об этом и ув- лекаться скоростью. Он с раздраже- нием воспринимает просьбу остано- виться. Посмотрев в зеркало, что над головой пассажира, который мешает ему хоть на минуту почувствовать себя гаучо, шофер только слегка притормаживает, если пассажир, ко- нечно, не старик, женщина или ребе- нок. Бывает, что пассажир, который отнюдь не гаучо, боится убегающей из-под колес ленты асфальта. Тогда следует иронический вопрос: «В чем дело?» — «Остановитесь, мне нужно сойти». — «Я же притормозил, что еще нужно? Если ты не баба — пры- гай!» И пассажир прыгает, чтобы его не посчитали бабой.

ЭКВИЛИБРИСТ С ПОДНОСОМ

Официант-портеньо в Буэнос-Айре- се сам по себе зрелище. Во многих заведениях средней руки он не по- лучает жалования, а работает за чаевые и потому заинтересован об- служить как можно больше столов. Портеньос любят сидеть в кафе по любому поводу, а чаще безо всякого. Кафе для портеньо — клуб, где он с удовольствием проводит свободное от работы время (и рабоче тоже). В кафе заходят для того, чтобы сыг- рать в кости, перекинуться в карты, пока жена готовит ужин, или про- сто поболтать с друзьями. Какая-ни- будь донья Доминга, накрывая стол, высовывается в дверь или окно и пронзительным голосом зовет мужа: «Пепе! Ужин готов! Сколько можно ждать, наказание ты господне?» За квартал от сердитой доньи, из-за столика поднимается Пепе, произнося с привычной ноткой раздражения в голосе сакраментальную фразу: «Господи, как она мне надоела! Вы уж извините, ребята...»

Партия в карты или «дадос» — игра в кости — оживленно комменти- руется посетителями, ведь портеньо — страстный болельщик. Дым от сига- рет и дешевых, черных, как смола, сигар «Аванти» стоит столбом; зака- зы следуют один за другим — пусть копеечные, зато их бесконечно мно- го — и официант снует среди столи- ков в своеобразном слаломе, демон- стрируя чудеса эквилибристики с подносом. При этом он принимает активное участие во всех разговорах и вмешивается во все игры. То, что творится в кафе после футбольных встреч, читатель легко может себе представить. Скажем, то, что проис- ходит на трибунах, когда забивают гол, — бледное отражение обстанов-

ки в кафе. Немудрено, что при таком накале страстей официант может по- ставить свой поднос на чей-нибудь столик и, схватив оппонента за груд- ки, доказать ему, что он профан в футболе, или в пылу спора выпить ненароком ваш аперитив.

Летом, когда столики выносят под- тент на улицу, у официанта забот прибавляется. По тротуарам ходят грациозные сеньориты, выстукивая каблуками любовные позывные. А уж к ним официант, как истинный пор- теньо, равнодушным оставаться не может. Он вертится как волчок, пере- межая заказы с комплиментами; его жаргон становится особенно вы- разительным.

Официант — источник всевозмож- ной информации. Он знает, какой фильм стоит посмотреть; какие про- дукты подорожают в первую оче- редь; у кого можно снять недорогую комнату; какая лошадь имеет боль- ше всего шансов; почему развелась кинозвезда и что хотел сказать ми- нистр финансов в своем последнем выступлении. За такую информацию официант плату не берет — это вхо- дит в его услуги.

ХОРОШО ЛИ БЫТЬ МИЛЛИОНЕРОМ?

Несколько лет назад портеньо не смог бы стать миллионером, даже е- сли бы ему посчастливилось выиграть новогоднюю лотерею — «ла гранде», как ее здесь называют. Самый круп- ный лотерейный выигрыш разыгры- вается в конце года. В 1978 году рождественский и новогодний тиражи объединили в один «супертираж», главный выигрыш которого состав- лял 23 миллиарда песо! Выигрыш пал на неказистый номер 1050. Этот но- мер купили многие. Но эйфории преж- них лет не было.

Несколько лет назад новогодний выигрыш составлял бешеные день- ги; на них можно было строить боль- шие планы, во всяком случае, один из каждого миллиона жителей Арген- тины мог уже не думать о работе. Ведра шампанского лились на бан- кетах.

В прошлом году банкетов с шам- панским не было. На снимке, кото- рый поместила газета «Клярин», были запечатлены три брата, владельцы лавки на рынке Абасто, в окружении товарищей по работе за скромным столом кафе. В интервью корреспон- денту братья заявили, что они давно мечтали расширить свою лавку и вы- игранные деньги помогут им осуще- ствить эту мечту. И не более.

В той же газете среди массы дру- гих объявлений, предлагающих все- возможные услуги мастеров всех специальностей, «автомашины в хоро- шем состоянии», которые срочно продаются, и поездки на заслужен- ный отдых в кредит, есть и такое: «Вы можете подработать у себя до-

ма! До десяти тысяч песо в день в удобной для вас обстановке». Для ясности следует сказать, что за де- сять тысяч песо в настоящее время портеньо может отправить двадцать писем авиапочтой.

Пожоже, что портеньо стал мил- лионером поневоле и не очень ра- дуется этому.

АНГЛИЙСКАЯ БАШНЯ НА ФРАНЦУЗСКОЙ ПЛОЩАДИ

Под крышами вокзала Ретирб, в сером здании, которое растянулось на сотню метров давно неухоженным фасадом, расположены три вокзала. Здесь всегда многолюдно. Кучки при- тихших, подавленных суматохой провинциалов обтекают бесконечные потоки портеньос, спешащих по сво- им делам.

Буэнос-Айрес — город-космополит. Это особенно ощущается на вокза- лах, где можно увидеть лица и услы- шать речь почти всех народов мира.

У портеньо нет даже мысли о ра- совой дискриминации, и он с одина- ковым презрительным снисхождением относится ко всем, кто не заслужи- вает чести именоваться портеньо. То есть ко всем тем, кто не отлича- ется широтой натуры, известной долей безрассудства и наплевательским отношением к «условностям жизни», вроде бережливости.

Национальность в значительной степени скрывается и на роде дея- тельности людей. Вряд ли кто возь- мется сказать, почему, как правило, «японцы» (так называют здесь всех азиатов) работают цветоводами или в химчистках. «Турки» — выходцы из стран Леванта — сначала мелкие торговцы, а потом, окрепнув, стано- вятся владельцами лавок и магази- нов. Итальянцев чаще всего можно встретить на стройках или на не- больших огородах, где они выращи- вают овощи.

Портеньо на такое добывание хле- ба насущного смотрит свысока. Луч- ше всего он чувствует себя за баран- кой микроавтобуса, с портфелем ком- мивояжера в руке, с охапкой газет под мышкой — там, где ветер бьет в лицо, где люди, движение, водово- рот жизни.

«Беда научит» — эта поговорка в Буэнос-Айресе звучит несколько ина- че: «Беда не выбирает дверей».

За последние годы жизненный уро- вень жителей столицы Аргентины за- метно упал. Темпы роста инфляции едва ли не самые высокие в мире — единственный рекорд, которым пор- теньо предпочел бы не гордиться. Сотни закрытых предприятий, пол- торок тысячи километров бездействую- щих железных дорог, фантастиче- ские цены на продукты первой необ- ходимости — все это наложило свой отпечаток на облик города и на строение его жителей. Шутливая ат- мосфера — типичная некогда для

столичной улицы — рассеялась вместе с дымом «фогатас» — костров, на которых портенъос жарили знаменитые «паррильядас» — куски мяса разных сортов на решетке.

..Напротив здания вокзала Ретино находится небольшой квадрат не слишком ухоженной зелени. Лавки когда-то были зелеными, но краску смыли дожди, а дерево отполировали спины людей, которым некуда и незачем спешить. Это и есть Французская площадь. Почти в самом ее центре расположена Английская башня — сооружение из красного кирпича никому не понятной архитектуры. С высоты башни просматривается панорама порта; города не видно — его заслоняют небоскребы.

Башня стоит на небольшой возвышенности и своей треугольной, слегка округлой формой напоминает носовую часть корабля. Об это здание разбивается толпа приехавших на поиски счастья в столицу людей. Они приехали из провинции — из Сальты, Тукумана или Сантьяго дель Эстеро. Толпа, как морская волна, обтекает дом-корабль и распыляется в обе стороны города, в котором — увы! — вряд ли найдется для них место...

МЕРКАДО ДЕ АБАСТО

Первое впечатление непосвященно-го: в этом хаосе никому и никогда не разобраться! Но это не так. Старейший рынок города живет четко налаженной жизнью. Она начинается до рассвета урчанием моторов, цокотом копыт, выкриками цен, перебранкой грузчиков...

Тротуары Корриентес и прилегающих к ней улиц завалены горами овощей, тушами волов, баранов и свиней, кое-как завернутых в мешковину, — санитарный инспектор тоже человек, ему тоже жить надо! Непрерывно подбьезжают машины с рыбой, с птицей, с фруктами... Идет торговля оптом.

— ...А! Паскуаль... Опять ты привез свою дохлятину? И сколько ты хочешь за этих петухов? Ведь это же петухи?

— Это петухи?!

— Ты меня будешь уверять, что привез индюков, а, Паскуаль?

— ...Одно тухлое яйцо — и я высыпаю машину на дорогу!

— Чертов мошенник! В прошлый раз я выбросил сотню...

— ...Холодно, сеньор. Руки замерзли, согреться бы...

— Грузите побыстрее, вот и согреться.

— По маленькой бы, дон Исидоро...

— Работа согреть, мучачос!

Ревут моторы, фыркают лошади, с противоположной стороны улицы доносятся выкрики официантов. Часть продуктов перегружается на другие машины и повозки, часть всасывает в себя ненасытная утроба рынка.

Среди тюков и корзин рыщут неясные фигуры, подбирая то, что упало или плохо лежит. Нищих ругают больше для проформы — с незапамятных времен они кормятся возле рынка.

К семи часам тротуары пустеют, шум и гам перемещаются внутрь рынка. Начинается розничная торговля.

Еще не так давно портенъо, а вернее, портенья — его жена, поскольку покупки — дело женское, не особенно торговались. Мясо покупали килограммами, и притом лучшего сорта. Чтобы понять, насколько изменилась жизнь в Буэнос-Айресе, достаточно прислушаться к диалогам у прилавков.

— Добрый день, донья Клеменсия. Как дела?

— Вы еще спрашиваете? Вот думаю, что такое приготовить. Ведь завтра воскресенье: чего доброго, дочь с семьей пожалует на обед. А их четыре рта!

— Вот хороший кусочек, донья Клеменсия. Чем не вырезка?

— С каких это пор окорок стал вырезкой?

— Вы же сами сказали...

— Ладно уж! Авось не разберутся... — и, тяжело вздохнув, донья Клеменсия достает кошелек.

Старый человек подходит к прилавку нерешительно, с виноватым видом.

— Ну, дон Матео, где это вы пропадали?

— Да вот, как вам сказать... Пенсию задержали. Неудобно, и...

— Не знаю, как и быть, дон Матео. У вас и так уже много взято...

— Я знаю. Но на одних макаронах... сами понимаете... От меня даже кошка ушла. Обещают на той неделе. С вашим покойным отцом, бывало...

— Триста граммов, дон Матео. Больше не могу.

— И сколько это будет?

— Сто тысяч.

— Господи! А еще квартира...

...Меркадо де Абасто не только чрево, но и пульс города...

ТАК И НЕ СТАЛ ПОРТЕНЬО...

Николай Матейко — выходец из Западной Украины. В Аргентине он уже пятьдесят лет. Старый поселенец, познавший великий кризис тридцатых годов, зеленый ад Чако и Миссионерса, езду на крышах товарных вагонов. С легкой руки тогдашнего министра внутренних дел Кротто, разрешившего такие поездки, по сей день в Аргентине называют «кротос» всех бездомных бродяг.

Матейко так и не стал портенъо. Но он стал человеком дела. Этим и отличается он от многих тысяч своих соотечественников, проживающих в Аргентине.

Недавно супруги Матейко, на пятидесятом, юбилейном, году прожи-

вания в Аргентине решили сделать себе подарок — посетили родную землю. Приехали туристами на три месяца в Советский Союз.

С тех пор Николай Матейко изменился, в нем что-то словно надломилось, пропала былая уверенность. Знал он всегда свои дела, знает, что такое деньги. А в Советском Союзе, когда люди спрашивали, он не смог назвать ни одной примечательной аргентинской книги, ни одной театральной постановки, ни одного музыкального произведения.

Матейко контактирует со многими эмигрантами разных политических убеждений. Сам он политикой никогда не занимался. Естественно, после возвращения в Аргентину многим захотелось услышать его рассказ о поездке. Дом супругов Матейко стоит на южной окраине Буэнос-Айреса. Здесь в основном проживает рабочий люд. Но послушать Матейко приезжали и из других районов. Многие были поражены.

— Пропаганда пропагандой, но трудно поверить, что к моему приезду перестроили все родное село, да еще дали высшее образование чуть ли не половине его жителей.

Некоторые пытались возразить.

— Вам, дон Мыкола, показали то, что им нужно было показать.

— Добре, сеньор. Но вот я почувствовал недомогание и пожаловался родственникам. Они вызвали врача. Пришла молодая женщина. Я и глазом не успел моргнуть, как она меня выслушала, измерила давление, осмотрела и сказала, что ничего страшного нет. Резкая перемена климата, питания, ну и, конечно, возраст. Ей предложили чашку чая, она его выпила и еще поблагодарила. Это она еще нас поблагодарила! За чашку чая!

Некоторые эмигранты перестали посещать дом супругов Матейко. Другие все чаще стали обращаться к нему за помощью. Матейко теперь никому не отказывает, и это многих удивляет. Особенно его собственных рабочих.

— Че, Альберто, слушай, что это с нашим хозяином?

— А что?

— Он вроде бы изменился...

— После того как побывал в Европе...

Скуластый парень вставляет, понизив голос:

— Я слышал, вроде он был в Советском Союзе...

— Иди ты!

— А что?

— Тише, мучачос, вот он идет.

— Давайте спросим!

— Ты с ума сошел!

— А что? Если он был в Союзе...

— А если нет? Тебе что, работа надоела?

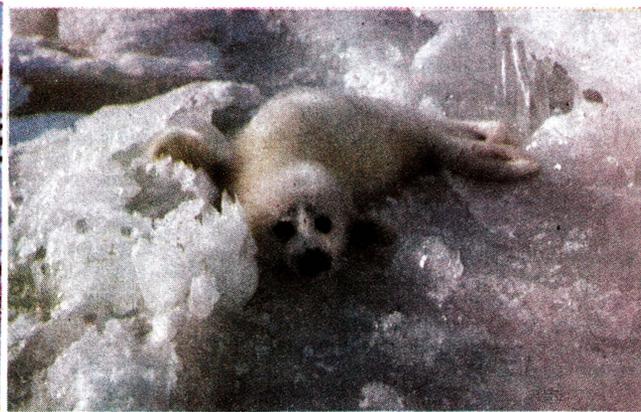
И мучачос, с интересом оглядываясь на Николая Матейко, не спеша расходятся по рабочим местам.

Беседа с членом-корреспондентом
ВАСХНИЛ, профессором
Евгением Евгеньевичем
СЫРОЕЧКОВСКИМ

СПИРАЛЬ ВОСХОЖДЕНИЯ

«**В**округ света». Весной прошлого года был создан Всесоюзный институт охраны природы и заповедного дела. Но это не единственная организация, официально облеченная природоохранительными функциями.

Существуют Госкомитет по гидрометеорологии и контролю природной среды, специальный главк в Минсельхозе СССР, Научный совет АН СССР по проблеме биосферы и Всесоюзное общество охраны природы, а также множество других, в чем-то сходных по своим задачам служб. Чем вызвано такое многообразие организационных звеньев и какова непосредственная сфера деятельности нового института?

Е. Сыроечковский. Многообразие... О нем, ничуть не погрешив против истины, можно сказать и так: его необходимость подтверждают воробьи, блондинки и поэты. Звучит столь же доказательно, как цитата из гороскопа, не правда ли? Но давайте разберемся без предвзятости.

В конце пятидесятых годов руководство КНР в целях борьбы с продовольственными трудностями организовало массовую кампанию по истреблению воробьев. Истребили. И сколько-то лет спустя убедились, что потери зерна от насекомых-вредителей, размножившихся в «безворобьиной среде», заметно

Фото В. ОРЛОВА и Ю. КРАМИНОВА

превозмогли ущерб, причинявшийся урожаю пернатых стражами экологического равновесия.

Перенесемся на противоположную кромку Евразийского континента. И узнаем, что английские парфюмерные фирмы, в частности те, которые выпускают красители для волос, выступали против законопроекта, требовавшего от промышленников усиления мер по защите атмосферы от вредных выбросов. Почему? По свидетельству исследователей Бирмингемского университета, натуральных блондинок становится все меньше. А вызвано это повышением содержания в воздухе серы, которая способствует потемнению волос. Таким образом, смог стал стимулятором спроса.

Народному поэту Дагестана Гамзату Цадасе принадлежат такие малоизвестные, но точные строки:

Зайцам — степи, лес — медведям.
А подполье — грызунам.
Дол — коровам, овцам — доли,
а кутанам — табунам.
Тот — чабанит, этот — пашет, —
всем на свете место есть...

Да, с точки зрения природоведческой, всему на свете должно быть свое место. И не только пашням и выпасам. Сообщение об организации, допустим, герпетологического заповедника, едва ли кого удивило бы — медикаментозная ценность змеиногядя общеизвестна. Но вот в Антельсберге (Австрия) сейчас организован заповедник (по масштабу этой страны немалый — свыше 30 гектаров) «карликовых скорпионов» — особого вида этих, казалось бы, малопривлекательных и бесполезных существ.

Проблема охраны природы сложна, многопланова и в определенном смысле даже противоречива. Сама по себе она носит прикладной характер, но опирается на данные фундаментальных наук. Порождается микровоздействиями, но способна дать макроэффекты. В каждом регионе имеет собственное «лицо», перед каждой отраслью выдвигает свои специфические задачи. Рассчитывать, что с их решением может справиться какой-то один, сколь угодно мощный исследовательский центр, было бы наивно.

Разумеется, все ведущиеся в этом направлении работы должны как-то координироваться и направляться. В СССР такая обязанность возложена на Межведомственный научно-технический совет по комплексным проблемам охраны окружающей среды и рациональному использованию природных ресурсов. Наш же институт занимается в основном флорой и фауной отдельных географических обособленных территорий, заповедниками, национальными парками, памятниками природы и другими охраняемыми территориями.

«В. С.». Выходит, что по тематике ваши исследования привязаны к строго определенным регионам. Известно, однако, что антропогенные факторы, «сработавшие» на одном континенте, способны воздействовать на жителей и обитателей всех остальных. Пример с пестицидами, обнаруженными в тканях антарктических пингвинов, стал почти хрестоматийным. Можно ли в этой связи попытаться дать более широкую, может быть, даже принципиальную оценку задачам нового института?

Е. Сыроечковский. К проблеме охраны природы причастны практически все виды человеческой деятельности. Причем не только в плане хозяйственно-экономическом, но и социальном, правовом, политическом, даже философском. Поэтому сам термин «охрана природы» представляется не то чтобы устаревшим, но, в силу чрезмерной традиционности, не отражающим всей сути дела.

Сама жизнь, по Ф. Энгельсу, подразумевает «постоянный обмен веществ с окружающей... природой». Обмен. А следовательно, и какое-то ее видоизменение. И вероятно, правильнее говорить не об охране как таковой, а об рационализации природопользования. Такая рационализация, безусловно, подразумевает сохранение каких-то, иногда достаточно обширных, территорий в предельно заповедном, не нарушаемом прямым вмешательством человека виде.

Прямым вмешательством. Я нарочито подчеркиваю строгость этой формулировки. Потому что, хотим мы этого или нет, но заповедников, абсолютно не подверженных воздействию человека, сегодня уже нет и быть не может. Флора и фауна заповедников дышит единой, ныне существующей на планете атмосферой. Потребную им влагу они черпают опять-таки из единого гидросферного «бассейна». Их микроклимат, пусть очень опосредствованно, но тоже является производным нашей энергетики, — они облучаются не только солнцем, но и электромагнитными импульсами бесчисленных радиостанций.

Все это на редкость сложно взаимосвязано. Обратимся опять-таки к «Диалектике природы»: каждое достигнутое изменение может вызвать непредвиденные последствия, зачастую способные «уничтожить значение» тех, которые были нам желательны. Думаю, что не случайно это положение научного марксизма не раз привлекало внимание наших лучших фантастов.

«Аэлита» и «Туманность Андромеды» — это как бы две вехи на литературном пути развития «космической социологии». А между ними и после них — десятки произве-

дений, в которых с большей или меньшей художественностью воссоздавались модели планет и целых миров, загубленных экологической безграмотностью их обитателей.

И если верить все эти допущения мерилom современных научных знаний, то можно сказать весьма определенно: всего этого, конечно, не было нигде. Но такое вполне возможно в задаваемых авторами условиях. Социальное развитие, основанное на техническом прогрессе, не может игнорировать экологических закономерностей. Реальное состояние ноосферы (вводя этот термин, В. И. Вернадский не оговаривал возможность наличия недоброго разума, но она, к сожалению, существует), в свою очередь, прямо зависит от социальных основ общества, от его политического уклада.

«В. С.». Известно, что в последнее время ежегодные ассигнования на цели охраны природы в СССР достигают почти двух миллиардов рублей, что только в 1979 году в действительности были введены системы оборотного водоснабжения суточной мощностью около 25 миллионов кубометров. Но сами по себе такие цифры не дают возможности всесторонне оценить ситуацию. Лоси, регулярно забредающие в города, шеренги рыболовов вдоль набережной Москвы-реки — все это факты, безусловно, радующие, но все же частные. А как вы оцените положение в целом?

Е. Сыроечковский. Лично моя точка зрения не может быть вполне объективной, я — лицо заинтересованное, пристрастное. Но в наиболее общей форме могу сказать, что социалистическая система хозяйствования для рационализации использования природных ресурсов наиболее эффективна и перспективна.

Я, разумеется, знаю, что и у нас далеко еще не все идеально, что реки, пусть в меньшей степени, чем недавно, но засоряются отходами лесосплава, что есть города, над которыми тянутся «лисы хвосты» из заводских труб, и рудничные терриконы там, где современный уровень научно-технических знаний вполне позволяет провести рекультивацию земельных угодий. Все это действительно имеет место. Но позволю себе обратить внимание на два факта, два свидетельства, которые широкой общественности, вероятно, малоизвестны.

В середине шестидесятых годов один из крупнейших тогдашних экологов — вице-президент созданного при ЮНЕСКО фонда Чарльза Дарвина, французский академик Жан Дорст, заканчивал работу над своей, теперь уже всемирно известной монографией «До того, как умрет природа». В предисловии к этой блестящей работе он написал, что имен-

но «в СССР понята задача охраны природы и рационального использования ее ресурсов», что наша страна в этом направлении развернула гигантскую работу.

Позднее Конгресс США разбирал вопрос о выделении крупных ассигнований на исследования в области охраны природы. Необходимость этого он обосновывал опытом Советского Союза. Аргументация звучала примерно так: мы позволили русским первыми выйти в космическое пространство. Еще более непростительной ошибкой будет, если мы отстанем от них в программах охраны биосферы.

С тех пор прошло немало времени. На протяжении всех этих лет масштаб государственных мероприятий, направленных на совершенствование природопользования, возрастал весьма существенно. Достаточно указать, что добыча и переработка всех видов природного сырья за последние двенадцать лет возросла менее чем вдвое, выпуск же продукции из этого сырья увеличился в 2,7 раза. Это — уже качественное изменение структуры всей экономики, это — не преходящая, временная кампания, а в полном смысле программа, которая становится все более эффективной и действенной.

Советское государство начало реализовывать ее со времени своего становления. В самом начале двадцатых годов по инициативе В. И. Ленина создавались первые заповедники молодой республики. В подписанных им декретах, например, о создании плавучего морского института, о порядке эксплуатации охотничьих угодий и рыбных промыслов на Севере и Дальнем Востоке подчеркивалась необходимость в первую очередь «всестороннего и планомерного исследования» наших природных богатств.

Так было даже в нелегкие для страны 20-е годы. Сегодня всесторонняя охрана биосферы, рациональное, учитывающее интересы и нынешнего и будущих поколений использование всех природных ресурсов — конституционная обязанность каждого гражданина СССР. Начиная с 1975 года мероприятия, направленные на охрану водных и лесных ресурсов, воздушного бассейна и сельскохозяйственных земель, самостоятельным разделом вносятся в государственные планы развития народного хозяйства. Сегодня эти задачи решаются не одной нашей страной, а на основах социалистической интеграции — всеми государствами — участниками СЭВ, на основе двусторонних соглашений — совместно с США, Англией, Францией, Японией, Швецией, Финляндией и рядом других стран.

Международный авторитет советской науки и хозяйственной практики в деле охраны природы, совершенствовании потребления всех видов естественного сырья сегодня весьма высок. Но мне, лицу, как я уже говорил, заинтересованному, хотелось бы, чтобы голос советской науки в этом вопросе стал еще более авторитетен. А для этого надо работать, работать и работать. Нерешенных задач очень много, и зачастую они весьма непросты.

«В.С.». Наш журнал неоднократно обращался к тематике БАМа, природные условия которого, во-первых, достаточно сложны, во-вторых, по свидетельству многих специалистов, относятся к числу особенно ранимых. Хотелось бы знать, какие работы институт наметает провести в районе Всесоюзной комсомольской стройки. И, если можно, еще один вопрос, более личного плана. Применительно к вашей профессии, к делу, которым вы заняты, какова ваша собственная главная мечта?

Е. Сыроечковский. Природа ранима вообще. В зонах же вечной мерзлоты — в особенности. Если где-нибудь в тропиках следы лесного пожара, полностью уничтожившего растительный покров, могут бесследно исчезнуть через сезон-другой, то в северных широтах картина совершенно иная. Колея гусеничного вездехода, дважды пересекшего тундру, способна вызвать мерзлотную эрозию, которая сама по себе может не прекратиться десятилетиями.

В этом плане БАМ для нас — непочатый край работы. Помимо мерзлотности, там очень сложный рельеф, там необходимы горнопроходческие и земляные работы большого масштаба, там нужно строить и обживать целый ряд населенных пунктов, сочетая все это с максимальным бережением всех богатств дальневосточной тайги. Так что для наших специалистов БАМ — это зона повышенного внимания. Так же, кстати, как и нефтегазоносные районы Западной Сибири.

Вообще, надо сказать, что Сибирь, Дальний Восток, районы Крайнего Севера очень перспективны для исследований по нашему профилю. Они нуждаются в особой заботе уже в силу одного лишь мерзлотного своего режима. Ведь на зону вечной мерзлоты приходится почти половина территории Советского Союза — представьте-ка себе диагональ, проложенную от Мурманска к Владивостоку. Ну а кроме того, мы убеждены, что в этих регионах, практически еще не испытывавших побочных воздействий технического прогресса, рационализация природопользования способна дать наибольший эффект.

И это не только наша точка зрения. В феврале минувшего года по

рекомендации ряда исследовательских учреждений принято решение о создании совершенно уникального высокоширотного арктического заповедника — Таймырского. Это будет гигант, по территории — 1,5 миллиона гектаров — почти в полтора раза превосходящий и Кроноцкий и Алтайский заповедники, пока самые крупные в нашей стране. Да и по сложности стоящих перед ним задач, пожалуй, тоже. Даже организация егерской службы на таком протяженном пространстве — дело непростое. А ведь нам необходима еще и исследовательская база.

В прошлом году большую экспедицию мы послали и в Тюменскую область. Задача — разработка комплексной территориальной схемы охраны природы этого региона: его растительного и животного мира, заповедников и памятников природы. Здесь должна быть завершена принципиальная программа всех работ, основанная на системном анализе. Многие предстоит сделать и у нас под Москвой.

Парк, окружающий институт, намечено превратить в музей охраны природы, музей-полигон, посещая который люди учились бы заботиться о «братьях наших меньших», познавали богатство растительного мира — и не только здешней, среднерусской полосы, отдыхали на берегу прудов, ставших краем непуганых рыб. Хельсинкский акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе подтвердил, что «защита и улучшение окружающей среды» — задача всех стран и народов. Конечно, хотелось бы, чтобы наш музей приносил пользу этому благородному делу.

Что же касается главной личной мечты — поделюсь. Экология, на мой взгляд, это наука, обращенная в будущее. Ее развитие очень важно для нас сегодня, но еще большую роль сыграет она в судьбах будущих поколений. И конечно же, это наука, которая должна делаться умами и руками молодежи. Я мечтаю о том, чтобы охрана природы стала всесоюзным делом Ленинского комсомола.

Чтобы когда-то — чем скорее, тем лучше — стало возможным организовать Всесоюзный комсомольский субботник. Полученные от него средства перечислить в фонд строительства научно-исследовательского экологического центра. И построить его в Шушенском. Как действующий мемориал той заботы, которую В. И. Ленин уделял делу охраны природы. И как мозговой центр рационализации использования природных ресурсов Севера, Сибири, Дальнего Востока.

Мне пока «только» пятьдесят, и я очень надеюсь еще поработать в этом научном центре.

ГЕННАДИЙ СОКОЛОВ

СТРАНА ТРЕХ ГОРОДОВ

Автобус круто взял в сторону, и Ницца осталась за поворотом. Дорога, обогнув полуостров Сент-Оспис, неслась дальше. В стороне за кронами деревьев появился силуэт замка.

— Это арабская крепость Оз, — пояснил сидевший рядом со мной человек. — В ней в древности укрывались сарацины, совершавшие набеги на южное побережье Галлии.

Я поблагодарил за разъяснение и решил познакомиться с попутчиком.

— Жюль Ришар, коммивояжер, — представился мой сосед, невысокий мужчина средних лет. — Вы, очевидно, едете в Монако? Тогда нам по пути. Если хотите, буду вашим гидом.

Действительно, мы подъезжали к княжеству Монако — если не считать Ватикана, самому маленькому по площади государству Европы.

Здесь, на Лазурном берегу Средиземного моря, брали начало Альпы. Поднимаясь от парков Монте-Карло, они набирали высоту и дугой шли на северо-восток через территории восьми европейских государств.

Окаймляя Монако красивым амфитеатром горных вершин, Альпы на протяжении столетий защищали крохотную страну не только от северных ветров, но и от набегов завоевателей. Это уединенное положение

и позволило владельцам Монако сохранить относительную независимость на узкой полоске береговой земли длиной всего три километра.

Въезд в княжество прошел без церемоний и волокиты — никакой визы не требуется. Разъезжать по государству не имело смысла — часа за два его можно обойти пешком. В узких улочках меж невысоких каменных домов, плотно прижатых друг к другу, было прохладно и тихо. Веяло стариной. Места явно не хватало, и дома уступами громоздились на склонах гор. У берега красовалась разноцветная флотилия яхт и моторных лодок. Пальмы оведали набережную и вынесенные на тротуар столики кафе.

На одном из зданий я прочитал: «Улица Гримальди». Фамилия мне была знакома: на протяжении более чем тысячелетия история Монако связана с этим знатным и хищным родом.

БОРЬБА ЗА «КАМЕННОЕ ГНЕЗДО»

Улица Гримальди расположена в Ла-Кондамине — западном городке княжества. Всего же в стране таких городков три — Ла-Кондамин, Монте-Карло и Монако. Слиясь друг с другом, они и образуют единое государство.

Пройдя улицу Гримальди, по проспекту Сен-Мартен, тянущемуся вдоль берега моря, мы вышли к форту Антуан.

— Этот форт — один из старейших в княжестве, — сказал Жюль Ришар. — А некогда на этих берегах стояли десятки таких укреплений. В средние века крепость Монако называли «каменным гнездом». Тогда говорили, что тот, кто правит крепостью, держит в руках ключи от Средиземноморья.

По скрипучей винтовой лестнице мы поднялись на смотровую башню форта. Отсюда открывалась безбрежная морская панорама.

В давние времена Монако было колонией Генуи. В 951 году германцы, совершив бросок через Альпы, покорили Рим, и император Оттон Первый стал королем Италии. Генуэзцы, впрочем, не потеряли своего владения. Они восславили новоиспеченного монарха, а впоследствии Саксонская династия пожаловала Монако в ленное владение семье Гримальди, знатной и старой фамилии в Генуе. Так было положено начало княжескому роду, правящему страной и по сей день.

Средневековая история Монако полна кровавых заговоров, государственных переворотов и жестокой борьбы за власть.

В шестнадцатом столетии князь Жан II Гримальди был убит на двенадцатом году правления своим братом Люсьеном. Братоубийца княжил восемнадцать лет, пока не пал от руки своего племянника Бартоломео Дориа. Его преемник Геркулес правил пятнадцать лет, а затем был утоплен во время купания.

Теперь о дурной славе монакских князей предпочитают не говорить. Лишь герб Монако, на котором изображены два монаха с обнаженными мечами, и поныне напоминает, что здешние рыцари были некогда грозой для жителей богатого Прованса.

ТРАДИЦИЯ ГРАБЕЖЕЙ

— Современные хозяева Монако любят говорить, что бизнесменами их заставила стать география, — сказал мне коммивояжер Ришар, когда мы еще стояли на башне форта. — Слишком уж выгодно расположено княжество — на самом перекрестке торговых путей. В древности оно было то оживленным центром негоциаций, то гнездом пиратов. В ту пору крепость контролировала горные дороги, по которым направлялись караваны с товарами. И на подходах к «каменному гнезду» его владельцы и совершали дерзкие разбои. Бизнес, согласитесь, довольно своеобразный...

Франсуа Гримальди нападал на торговые суда, проходившие неподалеку от его владения, и безжалостно

стно обирал богатеньких купцов. Преемники князя, решив узаконить грабежи, ввели для купцов право проезда мимо Монако. «Цена» права определялась в два процента от стоимости провозимого груза.

Традиция грабежей переходила от отца к сыну, из века в век. Лишь Великая французская революция на время обуздала разбойное семейство. В 1793 году Национальный Конвент монегасков¹ принял решение о присоединении Монако к Франции. Однако после свержения Наполеона монархия была восстановлена, и к Гримальди вернулась «право» на грабежи.

Но вот однажды к принцу Карлу III явился некий Франсуа Блан и сказал примерно следующее:

— То, чем вы занимаетесь, — ребячество. Дайте мне кусочек территории по другую сторону бухты, и я построю там город, который очарует всю Европу.

— Отлично, — проговорил принц, — но что за это получу я?

— Десятую часть дохода, — был ответ.

Принц торговался. Его устраивала лишь четверть добычи. Но делец был упрям. Когда переговоры, казалось, зашли в тупик, он выложил свою козырную карту.

— Соглашайтесь на десятину, — заявил Блан, — и вы войдете в историю. Город, который будет здесь построен, я назову вашим именем.

Сделка состоялась. На голых утесах, спускающихся к морю, вырос красавец Монте-Карло. А предприимчивый Блан открыл в нем казино — игорный дом. Так 120 лет назад был совершен акт, принесший княжеству известность и богатство.

Рулетка и карточные игры, запрещенные во многих иных странах, магнитом притягивали в салоны казино и отели Монте-Карло богатеев со всех концов света. Доходы акционерной компании, учрежденной для создания и расширения игорной индустрии и названной в целях конспирации Обществом морских купаний, росли неслыханными темпами.

Теперь азартные игры приносят княжеству в два раза меньший доход, чем продажа марок, которые высоко ценятся коллекционерами всех стран.

ТРУДНЫЕ ВРЕМЕНА «ОТЕЛЯ ДЕ ПАРИ»

В вестибюле игорного дома месье Ришар представил мне служащего казино господина Жанно, высокого седовласого человека с сухим худощавым лицом.

— Ну что я вам могу рассказать, месье? — обратился он к нам. — Не те нынче времена. Бывало, я

встречал здесь герра Круппа или, скажем, ее величество королеву испанскую. А теперь...

Старик печально покачал головой. Затем взял меня под руку и повел через дорогу в здание напротив — в «Отель де Пари», знаменитую гостиницу для приезжей знати.

— Взгляните на эту книгу, — господин Жанно протянул мне увесистый фолиант. — Это гостевая книга «Отели де Пари» — как бы родословная всех королевских семей Европы. Правда, в последние годы в ней все меньше появляется новых фамилий.

Я перелистал несколько страниц и среди непонятных вензелей вдруг увидел — «Уинстон Черчилль».

— Да, да, вы не ошибаетесь, — оживился слугитель казино, — господин премьер-министр останавливался здесь, когда ушел в отставку. Каждый вечер он заходил в казино, садился за столик у рулетки, заказывал бутылку «Наполеона», дымил сигарой и постоянно ставил лишь на два номера: 18-й и 22-й. Старик, надо сказать, не везло. Кстати, гость ничего не платил, — эти слова месье Жанно произнес почти шепотом, — хозяева, впрочем, от этого не обеднели, скорее приобрели неплохую рекламу: «У нас был сам Уинстон Черчилль!»

Из гостиницы подземным ходом мы вернулись в казино. В вестибюле у широкой мраморной лестницы стояла статуя всадника — Людовика XIV.

— Если будете играть, — посоветовал мне всезнающий месье Жанно, — обязательно дотроньтесь до колена лошади. Говорят, после этого обязательно повезет в игре.

Выполнив ритуал, я поднялся в зал игорного дома.

ТРИДЦАТЬ СЕМЬ ЗАВЕТНЫХ ЦИФР

«Дамы и господа, делайте ваши ставки», — тысяча раз звучала эта фраза в стенах казино Монте-Карло.

Его двери открываются в 10 часов утра, и первые посетители заполняют так называемый обычный зал. В нем рулетка для бедных, и минимальная ставка в игре — всего пять франков. В комнате рядом — игральные автоматы, те самые, которые прозвали «однорукими бандитами». Монету за монетой опускают в них искатели удачи, дергают за рукоятку и ждут, выпадет ли заветная комбинация. «Бандиты», как правило, слишком много пожирают монет и редко их возвращают.

У стола с рулеткой в напряженном ожидании стояла группа играющих. Диск рулетки закрутился, словно волчок, легкий пластмассовый шарик запрыгал по цифрам...

Тридцать семь цифр на диске, тридцать семь цифр на зеленом сук-

не возле рулетки. По поводу этих заветных цифр в Монако рассказывают различные анекдоты. Говорят, например, что в местной англиканской церкви давно уже перестали петь псалмы с номерами ниже 37. Ранее прихожане, услышав, например, 35-й псалом, обязательно бежали в казино и ставили на 35.

Везет же совсем немногим. Дела здесь устроены так, что играющей публике обеспечен в среднем значительный проигрыш, тогда как игорному дому — значительный доход.

Два моих жетона на 10 франков, увы, тоже пошли в актив Общества морских купаний.

— Я вижу, вы не огорчены проигрышем, — услышал я голос месье Жанно. — Здесь проигрывали и не такие суммы.

Полутемным коридором мы прошли в глубь здания и оказались в просторном пустом зале с колоннадой, узорчатыми стенами и расписным потолком.

— Этот салон открывают лишь после обеда, — пояснил мой гид. — Всегдагдаи съезжаются сюда в роскошных лимузинах из Франции и Италии. Здесь заведена специальная картотека, в которой зарегистрированы их имена, и посторонних сюда не пускают. К полуночи в салоне остается человек пятьдесят. Тогда со столов исчезают желтые 20-франковые фишки, их сменяют голубые стоимостью в 100 франков, розовые — 500-франковые, и, наконец, в разгар игры появляются жетоны в 1000 франков.

Я вышел из казино и вдохнул свежий воздух. У входа броская реклама приглашала прохожих посетить салоны игорного дома.

— Видимо, состоятельные туристы не очень-то рвутся в Монте-Карло? Господин Жанно развел руками и с сожалением проговорил:

— Было время, когда я настаивал, чтобы посетители казино приходили во фраке, теперь я доволен, если они появляются в обуви...

В начале века туризм и игорный бизнес давали княжеской казне 90 процентов всех доходов, сейчас не дают и двадцати. Казино сошло с пьедестала.

О БЕЗНАЛОГОВОЙ СИСТЕМЕ И СТРОИТЕЛЬНОМ БУМЕ

Впервые княжество всерьез задумалось о возможности финансовой катастрофы в двадцатые годы, когда упадок игорной индустрии резко сократил доходы карликового государства.

Жюль Ришар — как выяснилось, знаток здешней экономики — охотно взялся рассказать о том, как княжеству удалось выйти из затруднительной ситуации.

Мы устроились за столиком не-

¹ Монегаски — жители Монако.

большого кафе на набережной Монте-Карло. Мой собеседник отхлебнул пива из высокого стакана и начал так:

— Рецепт спасительного лекарства нашли в законе, содержащем две статьи: первая гласила, что монегаски, проживающие во Франции, подчиняются налоговой системе Франции, а не Монако; во второй статье говорилось, что французы, живущие в Монако, подчиняются законам налогообложения княжества и не платят налоги Франции.

Жюль Ришар сделал паузу и добавил:

— На первый взгляд ничего особенного в законе не было. Но при одном «если» — если бы в Монако существовало налогообложение. А его-то как раз в княжестве отменили...

В страну, где нет подоходных налогов, хлынули банкиры, финансисты, промышленники. На фасадах домов Монте-Карло, Ла-Кондамина, Монако заперстели многочисленные вывески. Капиталы лились в княжество рекой, и при этом росли доходы не только иностранных предпринимателей, но, естественно, и самого княжества.

— Где же здесь все эти фирмы и тресты разместились? — удивился я. — Площадь-то Монако всего полтора квадратных километра! (В Монако всегда говорят 150 гектаров, но эта словесная хитрость дела не меняет.)

— В том-то вся и штука. Родилась новая проблема. Было решено отнять территорию у моря. В итоге отвоевали 40 гектаров. Но создавать новые насыпи становилось все дороже, через два десятилетия «наступления» на море глубина у берега уже была 35—40 метров. Чтобы выйти из положения, начали строить вверх, не слишком считаясь с пейзажем и архитектурой города. Вот, взгляните на эти чудовища!

На побережье залива метров на сто ввысь возносились десятка два небоскребов из стекла и бетона.

— Знаете, какой доход дает строительство одной такой башни? Не менее ста процентов! Такое вряд ли где встретишь. Небоскреб «Солнечная башня», например, обошелся строительной компании в 20 миллионов франков, а был продан в два раза дороже...

Явление, впрочем, достаточно типичное для западных стран. Когда жилья не хватает, спрос на него велик, на этом греют руки дельцы, вздувая цены на квартиры. И естественно, мало кому есть дело до эстетики застройки.

Страна стала меккой бизнесменов, крупным расчетно-финансовым центром. Здесь не возмалось ни гроша налога со всевозрастающих доходов обосновавшихся в Монако компаний. Соседним странам, и в

первую очередь Франции, это явно не нравилось: фирмы «убегали» в княжество, а государственная казна лишалась положенных законом платежей. Дело чуть было не дошло до... войны. Жюль Ришар в ту пору работал в филиале одной из французских фирм, расположившихся в Монте-Карло.

— Это случилось в 1962 году, — рассказывает он. — Судьба Монако повисла на волоске. Президент Франции генерал де Голль пригрозил княжеству отключить электро- и водоснабжение, если оно не перестанет переманивать к себе банкиров и не введет подоходный налог. 80 гвардейцев Королевского дворца и 207 полицейских Монако были подняты по тревоге. К счастью, войны не случилось. Князь пошел на уступки...

Рассказать о государстве-карлике и не упомянуть о его статусе невозможно. Княжество Монако — конституционная монархия. У него есть свой флаг, герб, есть парламент, насчитывающий десятка два человек. И все же государства как такового нет. Согласно французско-монакскому договору князь Монако обязан управлять страной, строго соблюдая интересы Франции.

Зависимость княжества от своего соседа и патрона чувствуется во всем. За примером не нужно ходить далеко. Ровно в полдень у Королевского дворца собираются туристы. Они приходят посмотреть развод караула. Производят его солдаты в монакской военной форме — французы по гражданству. Дело в том, что в Монако не существует воинской обязанности, и принц обычно обращается с просьбой к французскому правительству разрешить ему взять на службу для охраны государства французских граждан. И 82 француза — вся армия принца, — получая из государственной казны приличный оклад, верой и правдой служат княжескому двору. Кстати, Монако — единственная страна в мире, в которой военный оркестр больше вооруженных сил: в нем 85 музыкантов.

— Хотите знать, сколько стоит институт монархии? — спросил меня Жюль Ришар. — Только на содержание 180-комнатного дворца ежегодно тратят 4 миллиона долларов. Впрочем, примерно столько же тратят на рекламу местных товаров...

«ЗАБАСТОВКИ ЗАПРЕЩЕНЫ!»

Княжество Монако известно, конечно, не только рулеткой. Здесь, к примеру, находится знаменитый Океанографический музей с отличным океанариумом. Именно отсюда, от стен музея, начинались многочисленные морские экспедиции знаменитого Кусто.

В восточной части города я обратил внимание на выведенное краской на асфальте слово «старт».

— Здесь берет начало популярное авторалли «Монте-Карло», — пояснил Жюль Ришар.

Страна стала местом различных интернациональных встреч — от ежегодного международного фестиваля телевидения до чемпионата мира по ловле акул на спиннинг.

Но как бы то ни было, княжество и по сей день остается прежде всего прибежищем для людей богатых. А миллиардеры хотят, чтобы их хорошо охраняли. И если полиция увидит в городе нищего с протянутой рукой, то она действует строго по инструкции. Неудачника, который осмелился потревожить покой толстосумов, доставляют на границу, благо она рядом, и бесцеремонно выпроваживают на французскую территорию.

Силы «общественной безопасности» Монако насчитывают 300 полицейских специальной выучки, оснащенных самым современным снаряжением. Кроме того, более 200 частных агентов постоянно дежурят в районе казино. И днем и ночью полицейские машины постоянно патрулируют территорию княжества.

Для страны с населением в 24 тысячи человек гарнизон вполне достаточный. Но не полицейские силы превратили княжество в некий «оазис безопасности». Безопасность власть имущим создает политика, при которой на производстве действуют самые draconовские, самые антидемократические законы.

— Судите сами, — объяснил мне Ришар, — выплата пособий по безработице не практикуется. Забастовки категорически запрещены законом. Заработная плата много ниже, чем в соседних странах...

Будто для наглядности, некоторые черты капиталистического общества сосредоточены здесь на пятачке в несколько сот метров. Частные виллы, где два-три человека занимают 10—15 комнат со всевозможными удобствами, а рядом обшарпанные домишки, где в одной комнате спят по пять итальянских безработных, приехавших в поисках хоть какого-нибудь заработка.

Монако — крохотное государство, но это два мира и два класса. Рабочие здесь создали все — от подземных лифтов до небоскребов. Предприятия Монако обладают самым современным оборудованием. Казалось бы, техника должна облегчить работу людей. Увы, это не так...

ШАРЛЬ, ФРАНСИС, КАТАРИНА И ДРУГИЕ

Я встретился с молодыми рабочими Монако в небольшой ремонтной мастерской в Ла-Кондамине. Толь-

ко... вряд ли термин «рабочие Монако» правилен. Трудятся они здесь, это точно, но живут во Франции или Италии, а в государство-карлик приезжают от нужды.

Ребята охотно согласились ответить на мои вопросы.

— До приезда в Монако, — рассказывал Шарль, крепкий рыжеволосый парень лет двадцати, — я жил в Провансе. С шести лет пас коров, потом прислуживал в кафе, так и зарабатывал на пропитание. Теперь я здесь — не сидеть же у отца на шее, у него еще четверо детей.

— Если нет вычетов, — вступил в беседу Франсис, — то в месяц у меня получается 1000 франков. Четыреста плачу за жилье, 300—400 уходит на питание. Остается 200 франков, на которые, как понимаете, далеко не уедешь.

Франсис женат. Жена без работы. Детей пока нет. Молодые супруги снимают комнату, прекрасно понимая, что купить квартиру — несбыточная мечта. Цена средней квартиры — 60—100 тысяч франков.

— Работа забирает у меня все силы без остатка, — это говорит Виктор, молодой итальянец с осунувшимся лицом и горящим взглядом карих глаз. — Посмотрите на меня. Мне всего двадцать пять, а говорят, что я похож на старика. Я стал бояться жизни. Думаю только об одном: как бы не потерять работы, не сделать брака. Ведь за брак строгие наказания, штрафы. Мы часто работаем сверхурочно. Остаемся после 6 часов вечера, приходим в субботу и воскресенье.

Жильбер:

— Я живу в Ницце, но там нет работы, уже пять лет езжу сюда. Хочется забыться, оказаться в каком-нибудь ином мире. Это общество прогнило. В нем даже невозможно свободно вздохнуть. Неужели все, что остается, — это наркотики?..

Катарина шесть лет спустя после окончания колледжа наконец нашла себе работу за две сотни миль от родного Марселя:

— Я хотела бы знать, что меня ждет завтра и послезавтра, через годы. Мы люди, а не машины, но в жизни получается наоборот...

В мастерской были и другие юноши и девушки, но я просто не мог переговорить со всеми. Мне пора уже было покидать Монако — страну казино, небоскребов и горьких судеб.

Я простился с Жюлем Ришаром, моим добровольным и доброжелательным спутником, на проспекте Сен-Мартен. Автобус отмерял знакомые уже километры обратного пути. Крепость Оз... Полуостров Сент-Оспис... Дорога уходила туда, где за горизонт садилось солнце...

ЮРИЙ СЕНКЕВИЧ

«СЛАВСК»

ПРИХОДИТ НА ПОМОЩЬ

Из дневника экспедиции

28 НОЯБРЯ. Проходим Басру. Проходим ее «триумфально», на буксире, но под парусом. Корабли гудят, на берегах толпы народа. Волшебная Басра из «Тысячи и одной ночи», с минаретами мечетей и куполами усыпальниц, с флотилиями разноцветных дау вдоль берега невероятно грязного здесь Шатт-эль-Араба...

Басру называют иногда и городом Синдбада Морехода: отсюда начинал он каждое из своих семи путешествий.

— Как ты думаешь, древние шумеры плавали в Дилмун, Макан и Мелуху из чистого любопытства? — как-то спросил меня Хейердал.

Нет, я так не думал. Коммерция есть коммерция. Но, как знать, были бы совершены Великие географические открытия, если бы поиски новых рынков не сочетались с мощной тягой туда, вдаль, за горизонт, где неизвестно что находится и где неодолимо хочется побывать?

«Книга польз в рассуждении основ и правил морской науки», написанная достойным Ахмадом ибн-Маджидом в середине XV века; «Превосходный путь к науке о многоводном море» османского

лоцмана XVI века Сулеймана аль-Махри; энциклопедия мореходных знаний турецкого адмирала Сиди ибн-Хусейна Челеби, — эти и другие книги свидетельствуют: в старинные времена существовала мощная «Океанская Аравия», посланцы которой совершали регулярные рейсы в Индию, Эфиопию и другие страны...

И они любили свою опасную профессию: «Если продлятся мои дни и ночи — буду водить корабли до своего конца», — восклицает Ахмад ибн-Маджид на седьмом десятилетии жизни...

...Прошли Басру, миновали место, где Шатт-эль-Араб раздваивается, обгибая остров. Темнело, наши буксировщики заволновались: мотор устал, пора становиться на якорь. Посовещавшись, решили, что в полночь останемся, а в два часа ночи вновь поплывем. Но никто из нас не вспомнил и не учел, что глубина реки здесь зависит от прилива и отлива. Когда начали готовиться к отдыху, был как раз отлив, и мы, неудачно сманеврив, сели на мель.

В таких случаях лучший выход — спокойно дожидаться подь-

ема воды. Но Тур не желал терять и получаса, а потому мы долго и безуспешно пытались сняться, завололи в разных направлениях якоря, мотобот дергал нас туда, сюда. Тур командовал, надрывая горло. В конце концов все легли спать.

Через три часа вскочили, разбуженные Туром, и вовремя: шел прилив. Опять мы засуетились, опять арабы на мотоботе дергали нас в разные стороны, не понимая, чего от них хотят. Прилив, как и следовало ожидать, распорядился «Тигрисом» сам: приподнял, толкнул и снял с мели. Мотобот еле-еле справлялся, волоча нас по реке, повернувшей вспять. Ближе океан...

29 НОЯБРЯ. Утром после завтрака занялись делами. Карл и Герман сооружали леерное ограждение. Эйч-Пи приводил в порядок нактоуз и ящик с инструментами. Мне достались плотницкие работы.

Чем ближе к устью, тем больше в Шатт-эль-Арабе кораблей. Одни нас обгоняют, другие, стоящие на якоре, — сами обходим. Если судно советское, то обязательно с с него нам вслед три гудка и коровое: «Счастливого плавания!»

Почувствовали себя плохо Норман и Асбьерн. У одного вернулась лихорадка, опять 38 градусов; у другого, похоже, снова грипп. Норрис готов к ним присоединиться.

...Подходим к Фао, небольшому городку при впадении Шатт-эль-Араба в Персидский залив. Здесь мы распрощаемся с арабами-проводниками и будем дожидаться попутного ветра.

Карло Маури с таким решением не согласен, он предлагает миновать Фао не задерживаясь и ждать ветра где-нибудь непооредственно у выхода в залив. Карло не любит заходов в порты, перепадов экспедиционного и берегового быта. Но остановиться в Фао совершенно необходимо. Нужно кое-что купить, поставить штампы в паспортах. Да и причалить ниже Фао практически негде.

Показались городские постройки, и часа через два мы пришвартовались к пирсу, точнее, к борту рыболовецкого сейнера.

30 НОЯБРЯ. Стоим по-прежнему на приколе в ожидании попутного ветра. Нанесли визит местным метеорологам, надеясь получить синоптическую карту, но выяснить ничего не удалось. Готовимся к встрече с открытым морем: перекаладываем и перевязываем багаж на крыше кормовой хижины, проверяем обычные и плавучие якоря. Тур договорился на метеостанции, что нас будет сопровождать до залива портовый буксир. Теперь бы ветер, только попутный, северный!

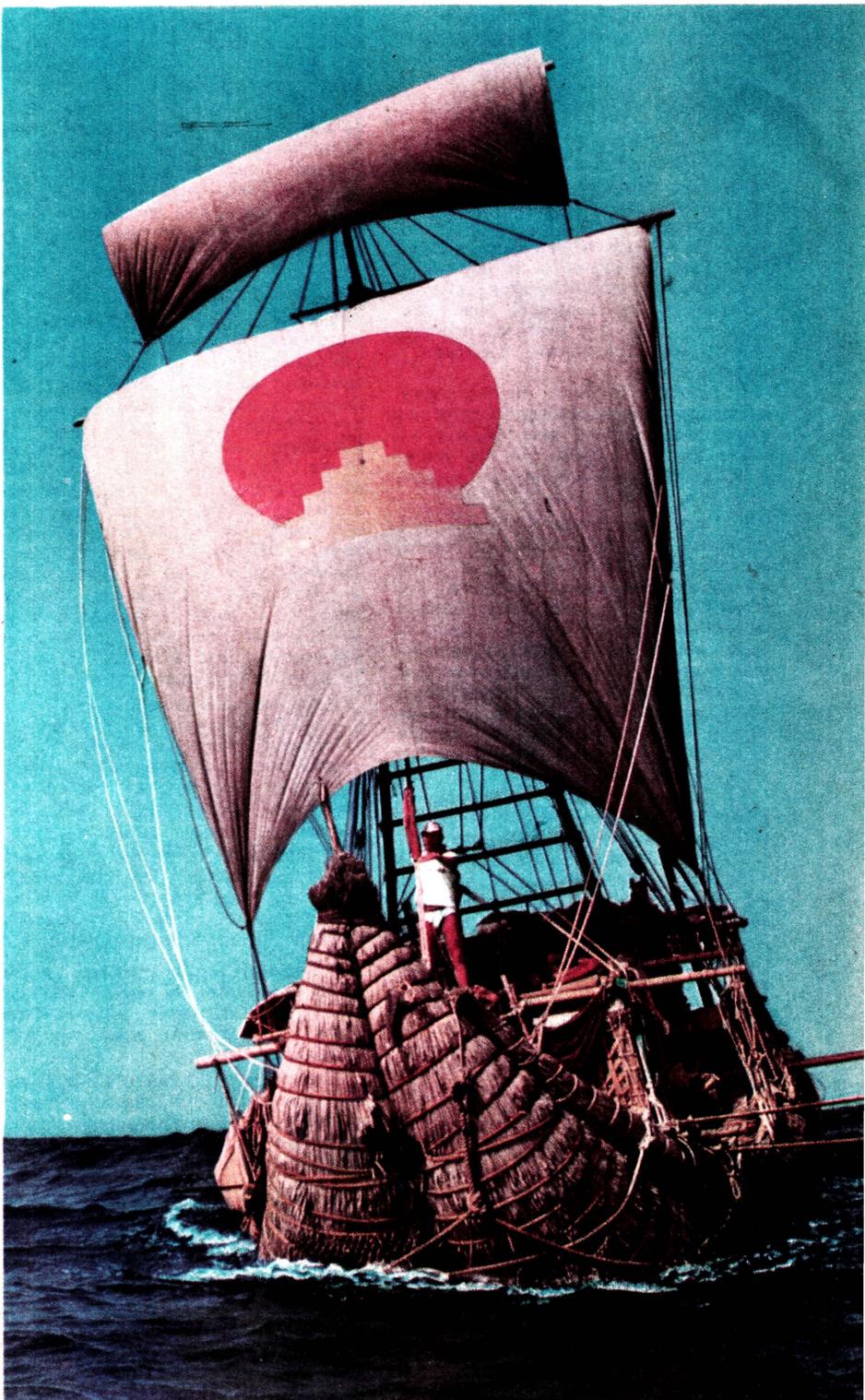
1 ДЕКАБРЯ. «Таласса, таласка!» — «Море, море!» — этим кличем, как повествует Ксенофонт, десять тысяч греков, выходя из Персии, приветствовали сверкающие просторы, к которым долго и самоотверженно пробивались.

В пять утра портовый буксир потянул нас от Фао в залив — сначала узким судоходным каналом, затем фарватером, тоже узким, не дающим лавировать, да к тому же забитым разными корабля-

ми, потому нам и требовался строго попутный ветер.

Около полудня, когда берег значительно отдалился и впереди совсем близко замаячил выходной буй, буксир нас покинул. Наш парус наполнился ветром. И это действительно было начало. «Тигрис» наконец-то выходил на морскую волну.

Тур на мостике громко провозглашал дошедшую до нас из IX века клятву арабских капитанов:

«Мы, члены братства судоводителей, связаны обетами и клятвами не дать кораблю погибнуть, пока его не достигнет predetermined. Мы, поднимаясь на борт, берем с собою наши жизни и судьбы. Мы живем, пока наш корабль цел, и умираем с его гибелью».

Суда, стоявшие вокруг на внешнем рейде, провожали «Тигрис» гудками. «Славск», «Одесса», — читаем на борту огромного сухогруза. Мы проходим с ним рядышком, бок о бок. «Привет! — кричали с палуб. — Счастливого пути!» А кто-то, видимо судовой радист, просил уточнить марку нашей радиостанции и используемые ею частоты.

Затем ветер стих.

Мы остались без хода, без управления на оживленном фарватере, который надо было покидать как можно скорее. Надеялись, что хотя бы течением дотащит нас до буя. Там привяжемся и переждем затишье. Буй приближался, до него оставалось каких-нибудь два кабельтова, но тут начался прилив, и «Тигрис» поволокло обратно к берегу, к Фао.

Получался конфуз, скорее, правда, обидный, чем опасный: днем наскочить на нас, не заметив, мог бы разве только слепой. Но это днем, а если штиль продержится до темноты?

И тут на волнах показалась странная посуда красного цвета, безвеселая. Люди в ней в оранжевых спасательных жилетах то привставали, то приседали, словно качали пожарную помпу: шлюпка была оборудована ручным приводом к винту. Без лишних слов нам бросили буксирный конец и потащили к бую. Однако им не удалось нас даже сдвинуть, десять человек в двадцать рук крутили винт без всякого эффекта.

— Пусть соединят нас с буюм веревкой, попробуем подтянуться сами, — подал идею Хейердал.

Идея была правильная. Шлюпка с надписью «т/х «Славск» налегке устремилась вперед, а мы наращивали канат — бухта за бухтой. И когда цель была уже в двух шагах, последний узел, затянутый нами, развязался. Сейчас легко вспоминать, а какое нас тогда взяло зло и какой стыд мы испытали!

Спустили на воду свою надувную лодочку, сели в нее вдвоем с Асбьерном и кое-как догребли до шлюпки — извиняться, знакомиться и держать совет.

— Давайте побуксируем вас «Славском»! — с ходу предложил моряк, помогавший нам стать борт о борт.

Я замаялся: решение неожиданно кардинальное, трудно его обсу-

жить без санкций капитана, согласится ли он?

— Так я и есть капитан, — успокоил моряк. И назвался: — Игорь Антонович Усаковский.

Теперь я о нем многое знаю. Тридцать четыре года службы на флоте, из них двенадцать — в антарктических широтах, на китобойце, опыт, знания и решимость в любой критический момент брать ответственность на себя.

Бот вернулся к «Тигрису» — пришлось и мне покрутить винт, запарился с непривычки, весла, по моему, приятней. Усаковский же пересел в нашу резиновую лодку, и Асбьерн повез его на ожидавший недалеко теплоход.

«Славск», громадина водоизмещением восемнадцать тысяч тонн, надвигался медленно, осторожно. С него подали конец в шлюпку, к шлюпке прицепились мы, и процессия, коей никогда до того не видел и впредь не увидит Персидский залив, с черепашей скоростью двинулась.

Путь предстоял близкий: нам лишь бы убраться с фарватера и поштилеть где-нибудь в безлюдном уголке. Около четырех вечера теплоход остановился, к нему подтянули и пришвартовали «Тигрис», и мы отравились на «Славск» с благодарственным прощальным визитом. Капитан, однако, не был, как выяснилось, настроен на разставание. За ужином он осторожно намекнул, что время для выхода в залив выбрано не самое лучшее, в декабре норд здесь задувает редко. И предложил нас потянуть еще немножко, к маяку Шатт-эль-Араб, до него примерно тридцать миль на юго-восток, там все-таки легче ловить ветер и лавировать.

Хейердал колебался.

— Престижа вы не уроните, — настаивал Игорь Антонович. — Открытое море начинается за маяком. Я, в сущности, вывожу вас из района порта, разве это предсудительно?

В общем, в двадцать один час с минутами винты «Славска» заработали, и караван тронулся в прежнем порядке: теплоход, шлюпка в качестве амортизатора, следом мы.

2 ДЕКАБРЯ. Утром проснулись от качки. Маяк — вот он, по волнам гуляют барашки, ветер свежий и до безобразия неподходящий, почти встречный.

Днем Тур, Норман, Детлеф и я вновь переправились на «Славск» — разузнать насчет погоды. Запросили по радио прогноз — ответ неутешительный.

3 ДЕКАБРЯ. Отшвартовались. С большим трудом подняли парус, опустили оба выдвижных кия и пошли — не к Вахрейну, а скорее

в сторону Кувейта. Под острыми углами к ветру, как сразу определилось, «Тигрис» ходить не может, для него предел — галфвинд, и то через силу, плюс еще снос течением, практически нас волочило строго на запад.

К ночи волнение разыгралось, у двоих членов экипажа симптомы морской болезни. Решили стоять на вахте попарно и по две смены.

Около одиннадцати ночи меня разбудил крик Тура: «Все наверх!» Прямо по курсу — огни: это остров Файлака, нас несет на его камни. Упал сброшенный парус, мы кое-как свернули его и закрепили. Детлеф спешно готовил носовой якорь. Надо бы сперва плавучий, чтобы погасить скорость, но наши навигаторы не желали никого слушать. Якорь пошел, взял дно, и трос лопнул, как нитка.

Детлеф не унывал, у нас в запасе имелся еще один якорь, маленький, на корме. Привязали к нему веревку, надежную, трехсантиметровой толщины, — подарок матросов «Славска». Бросили, якорь опять-таки взял дно, веревка натянулась и... развязалась.

Тогда выбросили плавучий парашют, с которого и надо было начинать, подняли повыше рули, чтобы меньше было риска их поломать, когда врежемся (как будто нам только что и грозило что потерять рули!), и на этом борьба за лодку и за себя кончилась. Средства к спасению не оставалось никаких. Огни острова приближались.

4 ДЕКАБРЯ. В четыре часа я принял вахту. Почти сразу же на мостик поднялся Хейердал.

— Дрейфуем?

— Дрейфуем. Парашют не держит.

— Может, попробуем поднять парус и обогнуть скалы?

— Понесет в щель между островом и материком, а там рифы, отмели... Знаешь, что говорит об этом берег лодия?

— Нет, не знаю.

— Что на него не рекомендуется высаживаться без вооруженной охраны.

Тур медлил, мялся и наконец предложил будничным тоном, словно речь шла о чем-то незначительном:

— Возьми прожектор, по сигналам, как положено: три точки — три тире...

Я ушам своим не поверил. Тур приказывал дать «SOS»!

Ни на «Кон-Тики», ни на «Ра» до этого дело не доходило, ни разу в жизни Хейердал не подавал сигналов бедствия. Неужели нам сейчас настолько плохо?! Не было ни великанских валов, ни рушащихся мачт, ни других признаков смертельной опасности — просто под хмурым небом, при патибальном

волнении «Тигрис» медленно и неотвратно затягивало на каменистое мелководье...

Зажег прожектор и стал мигать. С острова ответили миганием, но беспорядочным. Там, видно, не знали азбуки Морзе и не понимали, чего мы хотим.

— А радио?.. — начал я и осекся: сквозь свист и плеск слышалось тарактение генератора. Норман выходил в эфир.

Теперь мне известны подробности. В пять часов утра 4 декабря начальник радиостанции «Славска» Роман Липский принял наш призыв. Палубной команде был немедленно объявлен аврал. «Славск» снялся с якоря и пошел к Файлака.

Через несколько часов мы увидели их — сначала теплоход, затем идущую от него шлюпку, на этот раз моторную. Столько знакомых было на ней: капитан, главный механик, боцман... Усаковский и его помощник Гарас перебрались к нам на борт, мотобот со спасателями гарцевал на волнах рядом.

Договорились, что они выберут из воды наш тормозной парашют, ухватятся за его трос и оттянут нас вперед кормой к «Славску».

Начался изнурительный труд: брезентовый конус забит илом, вытаскивали его до поверхности, а даль-

ше никак. Тур показал жестом: рубите канат. Но боцман Сергей Подольян не спешил, под его руководством матросы разворачивали конус, повертывали так и сяк, а Сергей изловчился, полоснул ножом по брезенту, осталось вытрясти ил и сложить пустой мешок. Поздней Подольян объяснил мне, что жалко стало конус. Пока такую снасть сошьешь, семь потов сойдет. «Нет, — думаю, — рано рубить, попробуем иначе как-нибудь...»

Теперь якорь был на шлюпке, канат от него тянулся к нам на корму, и на мотоботе дали ход.

Подоспел обед, мы пригласили гостей за стол, устроились поуютней, благо хижина заслоняла нашу «столовую» от ветра.

Еда предлагалась скромная, штормовая: мамалыга, сваренная на примусе, мясные консервы, дыня, финики, — но Игоря Антоновича она растрогала.

— Ладно, хорошо, — удивлялся он, — на соломе плывете, палуба у вас каждую минуту торчком — пусть. Но как вы при этом еще умудряетесь обеды готовить?!

Теплоход приближался чуть заметно, почти неразличимо для глаза. Но не «Тигрис» полз к «Славску» — «Славск» подбирался к «Тигрису». Старпом, оставленный командовать, на свой страх и риск пытался подойти поближе.

На лице Игоря Антоновича отразились весьма противоречивые чувства. Осадка теплохода — шесть с половиной метров; в любой момент спасатели могли превратиться в терпящих бедствие.

— К рации? — встревоженно предложил Тур и поднялся.

— Обождем. Не враг себе, застопорит.

Вероятно, это были не самые безмятежные минуты в морской практике капитана «Славска».

Теплоход остановился, выбрав резервы глубины подчистую, когда не то что семи, а и трех футов под килем, наверное, не осталось. Что же касается нас, то мы, увы, продолжали плыть, но не к «Славску», а прежним дрейфующим курсом. Слабосильный мотобот не справлялся, нас волокно на рифы, и они согласно карте находились уже в трех-четыре мили, не дальше.

Вдруг из тумана выскочила дау. Стремительная двухмачтовая шхуна летела прямо на нас, мы обрадовались, закричали, замахали. Неподалеку она заглушила мотор, и ее матросы начали ставить сети.

Двое из нас сели в надувную лодку и подребрили к дау. Минуло с полчаса. Наконец дау тронулась с места и двинулась к нам. Ее шкипер произнес гортанно в мегафон:

— Пятьсот!

— Чего пятьсот?

— Пятьсот кувейтских динар за буксировку.

— Сколькo?!

Цена была баснословной. Тур отказывался наотрез. Усаковский качал головой:

— Ну сидбады, ну мореходы...

Шхуна, независимо свистнув, умчалась так же стремительно, как и появилась. Никакая рыбная ловля ее не интересовала. Специально наведались: пробовали сорвать куш. А мы продолжали дрейфовать в сторону рифов — об этом нам откровенно сообщили со «Славска», уточнив с помощью радара нашу скорость и курс.

Вновь собрался летучий совет. Решили развернуть «Тигрис» носом к мотоботу и поднять в помощь мотору парус.

Минут сорок разворачивали, отцепляли кормовой канат, заводили носовой, шлюпку швыряло на нас, нас — на шлюпку. Перетащили парус вместе с реем с правого борта на левый — операция тоже не из легких. Подняли. Грот заполоскал, надулся, и мы убедились, что нас по-прежнему тащит не туда. Нос нацелен на север, а движемся на запад: дрейфует боком.

Подскочила вторая шхуна, родная сестра предыдущей, — все они, похоже, вилась поблизости, как коршуны в ожидании добычи. Теперь уже Тур был согласен на все. Дау взяла нас на буксир.

Игорь Антонович связался по радию со «Славском», объяснил ситуацию и приказал идти наперерез. До вероятной точки randevу насчитывалось миль семь, а уже спускался вечер. Дау гнала во всю, нас болтало, встряхивало, оставалось надеяться, что соломенный корпус «Тигриса» как-нибудь выдержит рывки и качку.

Разговоры — если можно считать таковыми отрывочный обмен репликами — шли о дау. Мы находились близ единственных на земном шаре верфей, где эти суда строят. Дау — традиционная гордость Кувейта, символ государства, их изображения красуются на здешних монетах и бланках гербовых бумаг.

Карло сообщил, что владеть собственным дау вправе только коренной кувейтца. А заниматься мореходством тому же кувейтцу по местным обычаям не подобает: черный, зазорный труд. Поэтому на дау сплошь наемные экипажи — иракские, иранские, йеменские.

Дау развозят мелкие партии груза, не брезгают контрабандой — отчаянно борются за существование, хотя дни их, конечно, сочтены. В водах, кипящих многотонными танкерами и сухогрузами, для древних суденышек нет места. Скоро лишь на гербах да в воспоминаниях

останутся косые их паруса с наклоненной к носу мачтой...

Одновременно на мостике «Тигриса» происходил другой разговор — между Хейердалом и Усаковским, очень для нашей лодки важный. Реконструирую его по тому, что мне позднее сказал Тур.

— Ваше самостоятельное плавание по Персидскому заливу с точки зрения задач экспедиции было результативным?

— Разумеется. Мы испытываем образец шумерского судна и уже на основании дня пути пришли к кое-каким выводам.

— Что же выяснено?

— Что парус мал, что для лавирования наших выдвижных килей недостаточно.

— Будете совершенствовать то и другое?

— Да, как запланировано, на Бахрейне.

— Значит, до Бахрейна пауза?

— Допустим, что так.

— Извините за расспросы, я не из любопытства. Раз определенный этап эксперимента завершен и дальнейший путь до Бахрейна ничего не убавит и не прибавит, не рациональней ли, если «Славск» доставит вас туда на буксире? По времени экономней, для «Тигриса» безопасней, экспедиционным идеям ущерба нет...

— Я сам хотел просить вас об этом...

5 ДЕКАБРЯ. Ночь. Показался «Славск». Он сверкал всеми огнями и представлялся нам сияющим раем. Но как подойти, как привязаться, как страховаться?

Решили следующее: вначале на «Тигрисе» бросят с теплохода буксирный трос, потом мотобот ответит на «Славск» капитана с помощником, сменит экипаж и вернется, и мы вновь к нему прицепимся, чтобы он был между нашей лодкой и кораблем.

Пишу «мы», «нашей», а мне в этих эволюциях уже не надлежало участвовать. Тур распорядился, чтобы я переселился на «Славск» для координации действий и связи. Приказы не обсуждают, хотя уходить с «Тигриса» очень не хотелось. Подумал: если уж идти, то лучше с кем-нибудь вдвоем. С тем же Карло — пусть, коли представилась возможность, примет пресный душ и сменит на большой ноге повязку. Тур согласился, а мы вчетвером — Усаковский, Гарас, Карло и я — перелезли в мотобот, меж тем как дау, приняв мзду, исчезла в ночной мгле.

Последние метры до теплохода достались чуть ли не трудней, чем все предыдущие. Волны гуляли в два человеческих роста, еле-еле сумели мы прижаться к борту «Славска», который нависал высо-

ченной отвесной горой, и вскарабкались по штормтрапу. Мотобот поднимали около часа, до того трудно было взять его на тали и подтянуть.

Кстати, сразу обнаружилось, что с возвращением мотобота к «Тигрису» ничего не выйдет. Его опасно использовать в качестве промежуточного демпфера, на подобные нагрузки конструкция не рассчитана, и шлюпку может разорвать пополам. Во время гонки за дау матросы не раз ждали, что это вот-вот случится.

Вызвал по радио Тура, объяснил: придется обойтись без амортизатора. Договорились, что буксирный конец будет удлинен до двухсот пятидесяти метров. Тур просил держать минимальную скорость, а советовал ему держаться в кильватер «Славску», прятаться за теплоходом от ветра.

Следующая радиограмма, отправленная мной, предназначалась гораздо более дальнему адресату.

«Москва, Министерство морского флота, министру Т. Б. Гуженко.

Уважаемый Тимофей Борисович! Лодка «Тигрис» с международным экипажем на борту испытывает большие затруднения в проходе Персидского залива из-за неблагоприятных метеоусловий. Приняв сигнал бедствия, к нам на помощь подоспел экипаж черноморского теплохода «Славск», что помогло избежать посадки на рифы. В настоящее время «Славск» буксирует «Тигрис» в безопасный район. Для его достижения требуется около двух суток — плавание осложняют сильный встречный ветер и волнение. Убедительно просим разрешить капитану теплохода «Славск» продолжить буксировку».

Беда! В семь утра меня разбудил Игорь Антонович:

— Начинаем охоту за «Тигрисом». Оторвался буксир!..

Вылетел на палубу. Где «Тигрис»? Вот «Тигрис»! Какой же он жалкий, маленький и как его качает и колотит! Волны трехметровые, ветер штормовой в семь-восемь баллов, лодка неуправляема, ее может разнести по соломинке буквально на наших глазах!

Здесь Игорь Антонович Усаковский снова доказал, что он мужественный моряк и верный друг. Он решил передать буксирный трос прямо с борта «Славска» — операция не только рискованная, но и невероятно сложная. Представьте себе громоздкое судно, которому надо маневрировать вокруг крошечного суденышка, причем так маневрировать, чтобы держаться достаточно близко для метания выброски и достаточно далеко для ударов в борта.

Кто кого ударил бы — «Славск» «Тигриса» или наоборот, роли не играло. Переиначивая старинную поговорку: железом ли о солому, соломой ли об железо, одинаково плохо соломе.

С «Тигриса» спешно спускали надвунную лодчонку — в семибалльный-то шторм! Детлеф и Асбьерн, храбрые ребята, подгрести поближе к «Славску», чтобы прибавилось шансов поймать канат. И они его поймали! Но корабль отнесло, пришлось отцепиться, новый заход «Славска», у Детлефа ломается весло, гребуть оставшимся, — бросок! На этот раз успех. Закрепили конец на «Тигрисе» и снова в путь, против ветра, против течения, медленно-медленно — к Бахрейну.

Пришла телеграмма:

«Борт т/х «Славск», Усаковскому. В связи с просьбой экипажа «Тигриса» разрешаю продолжить буксировку до безопасного района. Желаю экспедиции во главе с выдающимся ученым Туром Хейердалом благополучного плавания, успешного выполнения задуманного эксперимента. Гуженко».

Сомнения в таком ответе не было, и все же спокойней, когда он получен. «Славск» возится с нами уже третьи сутки и еще столько же провозится, а ведь он в живой очереди судов, ожидающих входа в порт Басры, и наверняка уже эту очередь потерял, как теперь будет с разгрузкой?

Усаковский вежливо успокаивает:

— Наверстаем...

6—7 ДЕКАБРЯ. Наш «Тигрис» не приспособлен для современных скоростей, буксировать его — значит плестись еле-еле. Так на «Славске» и поступают. Однако судовые двигатели рассчитаны на совсем другой режим: при 25 оборотах в секунду они глохнут, при 32 вибрируют, вот и задача — держать не менее 27 и не более 32, интервал узок немислимо, не говоря уже о том, что полного сгорания топлива в таких условиях не происходит и потом придется машину если не ремонтировать, то всю насквозь чистить и промывать.

Это мне объяснил «дед», то бишь старший механик «Славска» Николай Николаевич Умрихин. Объяснил, вздохнул и пошел в машинное отделение — проверить, какой ценой достается интервал.

Держу постоянную связь с Хейердалом, сообщаю на «Тигрис» координаты, сводку погоды, обмениваюсь новостями. Поговорить, выйдешь на корму, а «Тигрис» вот он, переваливает с волны на волну, и фигурки видны на палубе, и можно различить, кто чем занимается.

8 ДЕКАБРЯ. Борт «Тигриса». Минувшее уже кажется сном.

Было условлено, что «Славск» подтянет нас к северной части острова Бахрейн, дальше надо будет вызывать портовый буксир и идти за ним к столице государства Манама.

В Манама нас ожидали киносъемщики Би-би-си. Я попросил радиста Романа Липского вызвать их в эфир и от имени Хейердала передал наши планы. Нас заверили, что все будет в порядке, и предупредили, что судам под флагом СССР вход в порт запрещен.

Мне было стыдно глядеть в глаза Роману, как будто это я сам столь чудовищно негостеприимен и неблагодарен, хотя и ему, и всем остальным было ясно, что экспедиция тут ни при чем. Опять нам напомнила жизнь, что мы не в скалочном блистающем мире, где единственными определяющими категориями являются дружба и доброта.

Подошел катер береговой охраны. «Славск» остановился, спустил мотор, и через десять минут мы с Карло были у себя дома, на «Тигрисе». Вернулись, как после долгой разлуки, даром что все эти дни терлись почти борт о борт. А «Славск» стоял по-прежнему рядом, но он был уже далек, недоступен и как бы чужоко нереален.

На его палубах толпились люди, и мне казалось, что я различаю знакомые лица: вон боцман Сергей Подольняк, спасший нам плавучий якорь, рядом — Липский, ловец наших «SOS», по соседству — «дед» Умрихин, которому долго еще расхлебывать последствия не предусмотренной инструкциями буксировки. С нами прощались те, кто надрылся, вращая шлюпочный винт, пытаясь подтянуть нас к бую, кто снова и снова заводил рвущиеся буксирные тросы...

Чем отблагодарить их за это?

Ушла по двум адресам — в Министерство морского флота и в Черноморское пароходство — радиogramма: «Разрешите от имени интернационального экипажа камышовой лодки «Тигрис» выразить вам искреннюю благодарность за содействие по оказанию нам помощи советским теплоходом «Славск». Мы хотим выразить нашу глубокую признательность капитану Игорю Усаковскому и его героическому экипажу за сердечную теплоту, смелые, решительные действия и морскую выучку, проявленные во время оказания помощи нам в труднейших условиях. Тур Хейердал».

В судовой библиотеке осталась книга Тура с автографами о плаваниях «Ра», а на 54-й странице вахтенного журнала мое десятистрочное «Спасибо».

«Славск» погудел и стал удаляться. Катер потянул нас в гавань острова Бахрейн...

Теперь, когда в моем присутствии завяжется беседа о том, что такое истинный морской характер, я знаю, что мне припомнить.

Внешний рейд Басры, ветренный, промозглый день, три судна, сведенные судьбой в общую точку встречи, и на каждом, естественно, капитан.

Первый, на дикий островке из соломы, — седой мальчишка, неисправимый мечтатель. Он полон рыцарской веры в то, что люди планеты — братья, что их объединяет гораздо большее, чем разъединяет. Своим дерзким плаванием он бросил вызов политиканству, костности и обывательской слепоте.

Рядом, на соседнем корабле, изящном, стремительном, — другой капитан. Приемник легендарных кормчих, прокладывавших здесь когда-то торговые пути. Профессинал, мастеровой моря, сейчас он покажет свое искусство, только прежде досчитает купюры: не обманул ли спасаемый? Море морем, а дело делом.

И третий. Командир огромного теплохода, которому вообще нельзя находиться здесь, в стороне от фарватера, близ камней, среди мелей. В любую минуту он может сам оказаться в бедственном положении, знает это и молча позволяет своему судну подползать ближе к камышовой лодке, пока есть хоть какая-то возможность, пока в запасе подкилем хотя бы метр...

Позже я узнал, что произошло на борту «Славска» вскоре после того, как мы с ним расстались.

Теплоход, лишенный права перевести дух в Манамакскому порту, спокойно осмотреть и проверить машины, собиравшись лечь обратным курсом на Басру. И тут капитану доложили: на судне тяжелое заболевание, желательна госпитализация.

«Славск» сообщил о несчастье на берег и получил ответ: госпиталь Бахрейна в крайнем случае согласен принять больного, но чтобы никаких сопровождающих. Даже о том, чтобы сам капитан лично отвез его, не может быть речи.

Отправлять члена своего экипажа в неизвестность Усаковский не рисковал. Течение болезни позволяло потерпеть, и «Славск» на полной скорости устремился к Кувейту, где местные законы менее дискриминационны к советским морякам. В кувейтской больнице была сделана операция, и матрос вернулся на «Славск».

Теперь его здоровье вне опасности...

КРАСНОЕ СОЛНЦЕ НА ЧЕРНОМ ПОЛЕ

В Орле, в краеведческом музее, довелось мне увидеть домотканый, из шерсти, ковер: по черному полю, словно по пахоте, рассыпалось несколько ромбов-солнц. Я залюбовался разноцветьем и ритмичкой узором. Голубые, фиолетовые, розовые, черные, серые полосы, нисколько не утомляя глаз, создавали единую гармонию чистоты и праздничности. Что-то далекое, почти забытое вставало в памяти. Где и когда я видел эти узоры? Подказала сотрудница музея: примерно до середины пятидесятых годов подобные ковры, дорожки, покрывала, попоны, карлики из овечьей крашеной шерсти продавались на Орловском колхозном рынке. Ну а сейчас их делают крестьяне из Новодеревеньковского района области.

...По ровному, пустынному шоссе мчит запыленный «газик». Он увез меня в деревню Верхняя Любовша, где, как объяснили знающие люди, еще должна ткать ковры Мария Григорьевна Сошина. От райцентра Хомутово до деревни добрых двенадцать километров, и все время дорога идет вдоль бескрайних полей пшеницы, ржи, ячменя. Кажется, мы несемся по волнам играющего под ветром серебристо-зеленого моря. Наконец, словно изумрудный остров из воды, показалась Верхняя Любовша.

За порогом нехитрого крестьянского дома, в чистой кухне, где царствовала свежывыбеленная русская печь, в углу стояло странное деревянное сооружение, чем-то напоминающее букву П. Вот он, старинный вертикальный стан для простого переплетения нитей, и не в музее, а в сельском доме, где

в уютной горенке голубеет экраном телевизор.

На перекладинах, по-народному «досточках», были натянуты нити основы, прикрытые уже наполовину сотканным ковром: по черному полю — крупные алые розы в венках из ярко-зеленых листьев.

— Лучше-ка я покажу, как ткут, — сказала Мария Григорьевна и села на низкий табурет. Ловкие ее руки, подхватывая то один, то другой клубок цветных нитей, словно птицы-стрижи, замелькали у частокола основы, вплетая в поле ковра то черную, то алую, то желтую, то зеленую нити.

— Сколько же потребуется времени на весь ковер? — поинтересовался я.

Мария Григорьевна на мгновение задумалась.

— Пожалуй, месяца два хватит, если, конечно, две мастерицы будут работать полный день. — Она немного помолчала и стала рассказывать: — Меня ведь с малых лет приучали к рукоделию. Посадят, бывало, на лавку, дадут в руки веретено и строгий наказ: столько-то напярсть. Ноги еще до пола не достают, а стараешься от взрослых не отстать, а то кто-нибудь подсмеется: вот неумеха растет, замуж, мол, никто не возьмет, — засмеялась Мария Григорьевна. — Зимой в долгие вечера придут, бывало, к нам соседские девочки, полный дом народу набьется. Прядут, разговоры разные зачнут, сказки рассказывают, песни поют, вот и вся радость. Летом, конечно, холсты стлать да белить. Ищешь место на лугу поровнее, ругаешься с подружками за место. Как же, на неровном месте холсту солнышка мало будет, плохо выбелится... За ткацкий станок, — продолжала хозяйка, — меня рано посадили. Вначале что попроще делала, например, рядно, потом уж и

льняное полотно и шерсть ткать научилась. Ткацкому делу в те времена каждая девушка была обучена. Без этого было не прожить. Фабричное носили только по праздникам, да и те, кто побогаче. А так в своем, домотканом, ходили — и в поле, и в церковь, и на праздник. Если же иная девушка ткала плохо, то, бывало, и в девках засидится. Но ежели невеста, кроме всего прочего, умела еще и ковер соткать, тогда, как говорится, от женихов отбоя не было... Наша семья, — вздохнула Мария Григорьевна, — бедная была, своего коврового стана не имела. Так я к соседке упросилась учиться. Спасибо ей великое, что все свое умение она мне передала.

Мария Григорьевна перехватила мой взгляд: я все пытался понять конструкцию ткацкого станка.

— Никудышный стан, — усмехнулась она, — после войны деланный. Первый-то сгорел. Ох и намучилась я, пока человека искала, чтобы ковровый стан сделать. Так и не нашла! Будь проклята война-лиходейка, почти всех наших мужиков унесла. Пришлось мне одному пареньку, который немного плотничьему делу разумел, растолковывать, как да что. Легковатый стан получился, но работать можно.

Ее руки опять потянулись к разноцветным клубочкам. Несколько минут Мария Григорьевна сосредоточенно работала, словно забыв обо мне. Я же подумал, какое великое терпение надо иметь, чтобы по ниточке сотворить ковровое полотно.

— Вы про ковер-солнце спрашивали, — вдруг встрепенулась мастерица. — Как же, ткала когда-то. Но «роза» мне больше по душе. Смотрите, какие «яблоки» получились, — показала она на крупные алые цветы. — А ковер-солнце у хомутовских мастериц поищите...

«Где же все-таки увидеть это «солнце»? — размышлял я, шагая по нагретым полуденным солнцем тихим улицам райцентра.

— Сходите к Наталье Никифоровне Гладких, может, у нее что осталось. Когда-то ее изделия брали даже на Всесоюзную выставку, — посочувствовали мне в отделе культуры.

Наталья Никифоровна Гладких, высокая, чуть сгорбленная, но еще крепкая на вид женщина, хлопотала во дворе по хозяйству. Мирно кудахтали куры, покракивали утки, изредка раздавался нервный, неприветливый клекот индейки, где-то в глубине сада слышался печальный голос голубя-ворокуши.

Хозяйка привела меня в дом, усадила за стол, села сама, сложив на коленях тяжелые, все в венах, разбитые на работе руки.

Помолчали, потом я робко спросил про ковер-солнце.

— Да вот он,— указала она на стену, где над кроватью висел большой ковер с бледно-зелеными ромбами по буроватому вылинявшему полю.

Видя мое недоумение, пояснила: — Выткала я его сразу после войны. Очень уж хотелось чем-нибудь хату украсить. А время тяжелое — хозяйство подымали, не до ковров было. Вот и ткала его из того, что под рукой было, краски и повыцвели.

Она поглядела на свои руки, затем перевела взгляд в окно, где в солнечных лучах купалась буйная зелень, поправила темный платок.

— Все умела ткать — и мешковину, и холст, и тонкое льняное полотно, и шерстяную ткань, и, конечно, ковры, да, видно, мое умение со мной уйдет. Девчата теперь не особенно интересуются старым промыслом...

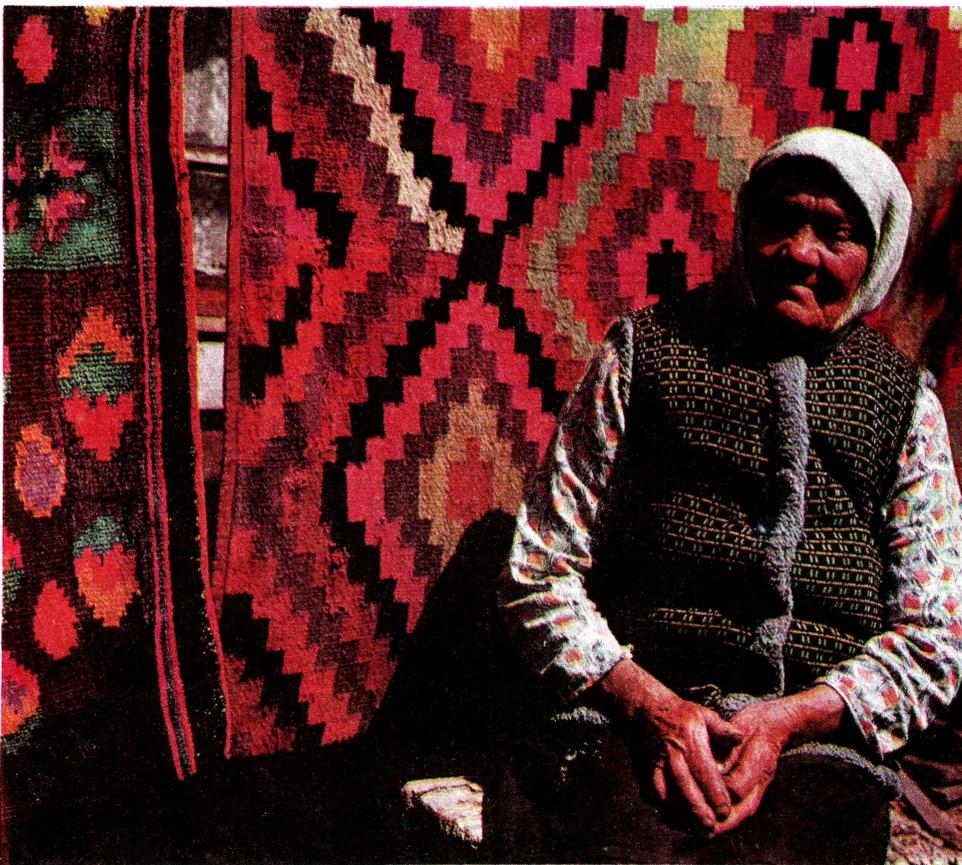
Наталья Никифорова вдруг поднялась и ушла в боковушку. Несколько минут не появлялась, затем вышла, держа в руках небольшой ковер, с черного поля которого радостно сияли четыре ромба-солнца.

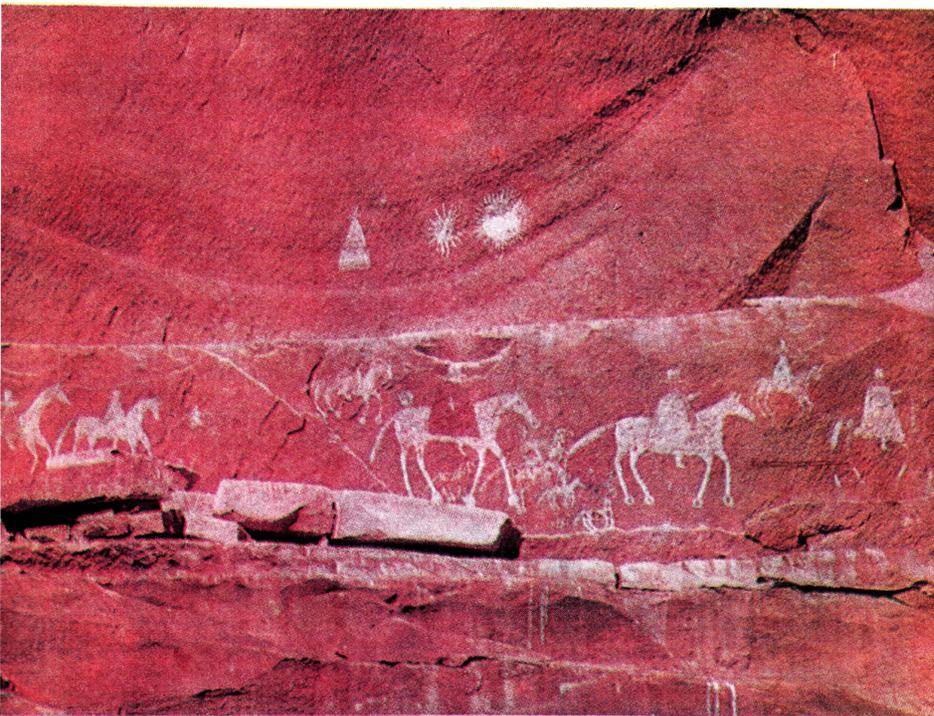
— Уж и посидела над ним, голову поломала,— сказала она, любовно разглаживая коврик.— Приглядись, в каждом круге¹ — кирпич, он не только цветом, но и размером отличается. Потому и черное поле играет. И все это для того, чтобы не скучно было, чтобы круги закрутились, засияли... Непростое это дело — ковры ткать, — продолжала Наталья Никифорова,— тут свои секреты имеются. Ведь старинный узор повторить — это еще полдела, главное — надо суметь свое новое внести, чтобы твой ковер-солнышко от других отличался. Когда-то ковры у меня хорошие получались — и на стену, и для свадебных санок. А все равно изведусь, бывало, пока мой новый ковер люди не увидят.

Уходя от Натальи Никифоровны, я думал о том, что хорошо бы издать своеобразную Красную книгу с подробным перечнем всех редких, понемногу исчезающих из нашего быта промыслов, поддержать народных мастеров морально и материально, чтобы тонкая ниточка, связывающая нас с древним ремеслом, не канула в беспощадную Лету. Вспомнились слова одного ученого: «Двигаться вперед помогает память, а не забвение...»

Орловская область

¹ Круг — так мастерица называла ромб, составленный из цветных прямоугольников — «кирпичей».

Рисунки, оставленные предками на скалах, исполнены для индейцев глубокого смысла: здесь, в заветных ущельях, издревле запечатлена вся история племени.

Л. МАРТЫНОВ

НЕБОЛЬШАЯ ВОЙНА БЕЗ ТОМАГАВКОВ

Граница между землями племени навахо и территорией племени хопи в штате Аризона проходит по нагорью Сан-Франсиско. Здесь же — по верованиям хопи — проживают их боги. Места эти удивительно красивы: поросшие соснами горы посреди красноватой аризонской пустыни.

Сорок лет назад, когда первые рекламы спортивного комплекса Сноу Боул только появились в газетах, а первые туристы и репортеры приехали к нагорью Сан-Франсиско, индейцы устроили демонстрацию. Старейшины племени в изукрашенных бисером и бахромой ритуальных костюмах, сопровождаемые всеми взрослыми мужчинами-хопи, расселись, молчаливые и неподвижные, вдоль лыжной трассы.

Тогда они еще боялись протестовать более активным образом и полагали, что молчаливая демонстрация хотя бы привлечет внимание к их требованиям.

Репортеры отметили в своих статьях остроумие и изобретательность администрации зимнего курорта, не сомневаясь, что это рекламный трюк. Выказывалось даже мнение, что у индейцев-хопи появился новый источник заработка — служить живописной декорацией модному курорту.

Главный администратор комплекса Олави Эклунд пригласил к себе вождя и предложил им за умеренную мзду танцевать и молиться на священных горах по утвержденному дирекцией графику. На себя он брал изготовление недорогих маско-сувениров и головных уборов из пластика для небогатых гостей. Более ценные сувениры с использованием натуральных орлиных и вороновых перьев индейцы могли производить сами. Старейшины отказались и потребовали освободить святое нагорье.

Мистер Эклунд в ответ на это попросил очистить помещение и по-рекомендовал им впредь не появ-

ляться в районе трассы. Иначе он вызовет полицию. Полиции штата индейцы не без основания побаивались, так как были уверены: побежденной стороной всегда будут они.

Хопи отступили. Администрация курорта торжествовала.

Это было сорок лет назад. С тех пор многое изменилось. Немногочисленная, но знающая свои цели индейская интеллигенция за это время усвоила многое из знаний и умения белых. Битва была перенесена из предгорий и гор на «Территорию Белого Человека». Этим феноменор-куперовским термином воспользовался впервые адвокат Дэйл Старый Рог, индеец из племени кроу. Адвокат имел в виду суд.

Вместе с другими индейцами-юристами он изучил со всей тщательностью несколько тысяч договоров и соглашений, заключенных правительством США с индейскими племенами. И обнаружил, что по крайней мере треть из них можно — и не без успеха — опротестовать в судебном порядке.

В вестернах — ковбойских фильмах и в тысячах книг на тему индейцев их изображали всегда как безжалостных и коварных врагов. Но такого изощренного коварства от них никто не ждал: пытаться бить бледнолицых братьев их же собственным оружием.

Выяснилось, в частности, что на основе американо-индейской резолюции о свободе вероисповедания федеральные власти и власти штатов обязаны обеспечить индейцам свободный доступ к их святым местам. Более того — выяснилось, что подобные места не могут состоять ни в чьем частном владении.

Так удалось добиться судебных решений, по которым:

никто не имеет права запретить знахарке племени вину построить свой лечебный шалаш на территории Национального парка Тринити в Калифорнии и принимать там страждущих;

таможенники не имеют права осматривать багаж индейцев племен мохавков и черноногих при пересечении ими границы с Канадой, потому что лечебные амулеты, которые шаманы этих племен изготавливают на канадской территории, не смеет видеть глаз постороннего;

военно-морской флот США должен позволять индейцам паюте и шошона совершать обряды у своего арсенала, даже если они разводят костры рядом со складом взрывчатых веществ (что делать — постро-

ли в свое время арсенал прямо на святом месте!).

Перед трудной задачей встала администрация тюрьмы в штате Небраска. Заключение индейцы потребовали разрешения совершать свои обряды — ведь ходят же арестанты-католики по воскресеньям в тюремную церковь! — но по их верованиям им нужно отлучаться для этого с территории места заключения. Администрация тюрьмы, правда, выстояла перед этими требованиями.

Индейцы-хопи пока добились только одного: курорт Сноу Боул запретили расширять. Решение, впрочем, пока не окончательное, ибо дело кочует из инстанции в инстанцию.

Юридическая битва только началась, и индейцы, в общем-то, на многое не рассчитывают и даже понимают, что, выиграв право молиться в своих святых местах, вряд ли победят на всей «Территории Белого Человека». Но, как говорит адвокат Синяя Собака из племени шошона, лучше наступать, чем отступать.

Он-то и посоветовал индейцам племени килиуи предъявить права на целый город...

ДЕЛО О ГОРОДЕ-ПРИЗРАКЕ

Город-призрак называется Боди. Он лежит на поднятой на три тысячи метров каменистой равнине в предгорьях Сьерра-Невады. Индейцы настаивают на том, что эти земли были в первой половине прошлого века собственностью племени килиуи. Документов об этом у килиуи нет. У властей штата есть дарственная бумага.

В городе царствуют пыль и ветер. Ветер прилетает с юго-запада, с гор Сьерра-Невада. Он приносит слабый пряный запах шалфея, вздымает тучи мельчайшего песка и швыряет их на улицы города. Песчинки влетают через разбитые окна в дома, хлещут деревянные стены, покрывают продырявленные крыши, и кучи песка сыплются вниз.

Ветер расшатал дома, гнет траву — ею густо поросли городские улицы. В гостинице «Стюардс грэнд-отель», что на главной улице, висят на доске у стойки портье ключи от номеров. Лежит трубка допотопного телефона, как будто говоривший на секунду выскочил позвать кого-то. На двери висит сумка почтальона с письмами, по-

крытыми густой многолетней пылью. В одном из номеров стоят рядом с заржавевшей кроватью сапоги сорок пятого размера со шпорами. В игорном зале гости-

ницы замер на одной из цифр рулетки шарик... Все выглядит так, словно жители города по приказу вдруг встали и ушли из Боди. В городе стоит тишина. Сто лет

Ритуалы можно начинать, только очистив священное место от всего чужого: ржавых бочек, автомобильных остовов, пластикового хлама.

назад, какие-то сто лет назад, газета «Боди стэндард» писала:

«...Грустно признать, но наш город стал самым диким на Диком Западе. Каждый день гремят выстрелы, будто горожане решили перестрелять друг друга. Вокруг пьянство, безразличность, драки. Как долго будет все это продолжаться?»

Недолгую и бурную историю города Боди можно прочесть в старых газетах. В дни наивысшего расцвета там выходило три газеты. Когда-то в городе жило пятнадцать тысяч человек, было тринадцать золотых рудников, шесть погребальных бюро, методистская церковь и превосходная тюрьма на сто персон.

История Боди неотделима от истории освоения Калифорнии. Когда в 1848 году войска Соединенных Штатов оттеснили мексиканцев, бывших владельцев этих земель, к югу, Калифорния была слабо заселена. Земли еще хватало на цивилизованном восточном побережье, а потому перспектива обосновываться на далеком Западе мало кого привлекала. Но 24 января Джеймс Маршалл, рабочий с лесопилки, обнаружил в грязи, застрявшей в решетке гидравлической пилы, камень величиной с голубиное яйцо. Камень был слишком тяжел, чтобы не обратить на него внимания. Отмыв его в реке, Маршалл выскочил на берег и закричал: «Золото! Я нашел золото!»

Речка, на которой стояла лесопилка, именовалась Сакраменто; в истории калифорнийской золотой лихорадки название это стало символическим. Недаром золотоискатели у Джека Лондона пели: «Сакраменто — край богатый, гребут золото лопатой!» С момента нахождения драгоценного металла проблема заселения Калифорнии была решена.

Кто греб лопатой золото, а кто и нет; об этом разговор особый. Главное, что миллионы людей покинули насиженные места и двинулись туда, где можно было стремительно разбогатеть.

Среди тех, кто устремился на Запад, был и некий Билл Боди. Он бросил семью, сел в Бостоне на корабль и вышел на берег в Сан-Франциско с десятью долларами в кармане. Сверх этой суммы он располагал стальными мускулами и тяжелыми кулаками. Среди калифорнийских старателей он скоро получил кличку Гризли Боди за скверный характер и стремление решить любой вопрос дракой. В потасовках он обычно побеждал, зато с золотом ему упорно не везло. В 1859 году он

покинул, не оглянувшись, изрытые искателями счастья берега Сакраменто и двинулся с тремя компаньонами в горы Сьерра-Невада. Но и там не везло по-прежнему. Рождество Боди с попутчиками встретил у костра в пещере и от скуки пошел вверх по ручью, время от времени царапая дно мотыгой. Через полчаса стало ясно, что золота в ручье едва ли не больше, чем воды. Так найдена была богатейшая жила Сьерры-Невады. И так началась «горячка Боди», подвид болезни, называемой «золотой лихорадкой».

Сам Боди, впрочем, не заработал на найденном им золоте ни единого доллара: в тот же вечер он свалился с воспалением легких и через неделю скончался в той же пещере. Но уже через десять дней вокруг пещеры вырос палаточный город, скоро превратившийся в город из хижин и без поддержки ставший крупным населенным пунктом с солидными деревянными домами. Город назвали Боди и тем увековечили память Билла Боди, пришедшего и ушедшего нищим.

Кочевавшие неподалеку индейцы племени килиуи в страхе ушли подальше от этих мест. У них уже был горький опыт общения с внезапно появившимися толпами вооруженных белых, и килиуи предпочитали держаться подальше.

Так возник город, предназначенный для одной лишь цели: обогащения, добычи золота, ибо больше ничем нельзя было заниматься на этой каменной земле, где уничтожили даже тонкий слой плодородной почвы, откуда бежали животные. Но золото земля давала. За один только 1862 год в городе добыли золота на 13 миллионов долларов. Крупнейшая фирма, занимавшаяся делами в Боди, — «Стэндард майнинг корпорейшн», имела годовой доход в пять миллионов. Счастливы и неудачники (даже неудачники!), гангстеры и методистские пасторы, парни без предрассудков и девицы им под стать — все могли заработать в Боди. И в шестидесяти питейных заведениях города всю ночь шла гульба. Газета «Боди стэндард», которую мы уже цитировали, писала: «Никому не подсчитать, сколько людей погибло в салуне Джона Вагнера. Чуть ли не треть тех, кто входит туда живыми и здоровыми, выносят из салуна ногами вперед».

Веселенькое времечко было тогда в Боди. И казалось, не будет ему конца...

...На грани двух веков вдруг резко упала цена золота на международных биржах. И добыча

драгоценного металла в Боди становилась все менее прибыльной. Копать надо было глубже, а истощенная земля Сьерры давала золота меньше и меньше. Крупные компании начали сворачивать работу. Тысячи людей остались без средств к существованию. Летом пожар уничтожил восточную часть города. Зимой внезапные снежные лавины отрезали Боди от мира. Безработные стали покидать город первыми — за отсутствием имущества они были легче всех на подъем. За ними свернули дела банки, магазины, салуны, заколотил заведение Джон Вагнер. В единственной школе не стало учеников. Даже гордость Боди — вместительная тюрьма — стояла без дела. Последнему заключенному — конокраду Уолтеру Ласло — начальник тюрьмы преподнес ключ от ворот и пообещал оказать гостеприимство в любое время. Они обнялись и пошли каждый в свою сторону: делать в Боди обоим было нечего.

И лишь местный банкир Стюарт Кэйн один слепо верил в то, что цена на золото повысится. Он скупал за бесценок брошенные дома, участки, целые улицы, казенные здания; почту и суд, церковь и тюрьму. И стал владельцем города. Брошенного города, города-призрака, города без людей. В старой Европе обладание городом, даже и без населения, приносило бы ему хотя бы титул, пустой, но звучный. В Америке это принесло ему славу помешанного...

Наследники одержимого банкира лет семьдесят не знали, что делать с собственным городом, и в 1968 году преподнесли его в подарок штату Калифорния.

...Когда особенно сильный ветер рвется в Боди с гор, песок бьется о деревянные стены покосившихся домов, и пустые улицы наполняются невнятным шорохом. И тогда случайно попавшему в Боди человеку кажется, что в городе идет какая-то невидимая жизнь. Слово бродят по улицам тени искателей золота и искателей приключений, разбогатевших и застреленных, нашедших и разочарованных. Призраки бродят по Городу-Призраку, пустому памятнику погони за призрачным счастьем...

...Верховный суд штата индейцам килиуи в иске отказал. Во-первых, документов у них действительно не было. Во-вторых, возвращение города Боди индейцам могло бы создать нежелательный прецедент.

Адвокаты племени передали дело в Верховный суд страны, где его и рассматривают по сей день.

— У меня сегодня день рождения! Ровно пять исполнилось.

— Фу, килька!

— Что это, килька? — Малыш непонимающе посмотрел на своего собеседника — рыжего Антошку, первого задиру из старшей группы.

— Рыбка такая маленькая.

— Значит, это хорошее слово, — облегченно вздохнул Малыш. — Рыбкой меня мама называет.

— А моя мама улетела.

— Как улетела?

— А так. В космос.

— Вернется, — сказал Малыш. — Тетя Поля говорит: все улетающие обязательно возвращаются.

— Конечно, вернется. Только я тогда буду старый.

— С бородой?

— Не-ет, — неуверенно протянул Антошка. — Когда мама вернется, мне будет целых восемь лет.

— А я бы маму не пустил, — сказал Малыш.

— Как это?

— А так. Покрепче обнял бы за шею и заплакал.

**ВЛАДИМИР
РЫБИН**

ОТКРОЙ ГЛАЗА, МАЛЫШ!

Фантастический рассказ

— Я не ты, я уже большой, чтобы плакать. Мне шесть лет.

— А ты понарошку. Когда я плачу, мама не уходит.

— Это она тебя обманывает, а потом все равно уходит. Когда засыпаешь. Вот так-то, хороший мальчик! — пропел Антошка, подражая голосу воспитательницы.

— Ты чего тетю Полю передразниваешь?!

Они сидели на бревнышке на берегу быстрого ручейка, болтали ногами в воде.

— Тетя Поля! — насмешливо сказал Антошка. — Знаешь, кто твоя тетя Поля? Врушка она.

— Сам ты врушка! — крикнул Малыш. Еще никогда, никогда не слышал он, чтобы так говорили о взрослых. А тетю Полю в их малышовой группе все особенно любили. «Тетя Поля велела», «Тетя Поля сказала» — этих слов было достаточно, чтобы уговорить самых непослушных.

— А я говорю — врушка. Все взрослые обманщики...

— Сам ты обманщик! — взвился Малыш. — Самый, самый, пресамый!..

Они оба вскочили на ноги и стояли друг перед другом, раскрасневшиеся, возбужденные.

— Я обманщик? — угрожающе спросил Антошка. Темные конопушки на его носу еще больше потемнели. — А хочешь, докажу? Я знаю такое!..

— Ничего ты не знаешь.

— Знаю. Вот это что, по-твоему?

— Где?

— Вот это. Все вокруг?

Малыш рассмеялся:

— Такой большой, а не знает!

— Все это — не настоящее.

— И лес?

— Разве это лес? Одна видимость.

— И птички?

— Птички вроде настоящие...

— Ага, — обрадовался Малыш. —

Не знаешь!

Антошка растерялся.

— А ты в лес ходил?

Рисунки Н. ГРИШИНА

— Ходил.
— С тетей Полей? По тропиночке?
— Ага.
— Цыплята желтоносые! Ни на шаг от курицы. Самое интересное там и начинается, куда вас не пускают.

— Тетя Поля говорит: придет время, и мы все узнаем.

— А сейчас тебе неинтересно узнать?

— Интересно.

— Тогда пошли.

Они перепрыгнули через ручей и побежали по полю к лесу. Трава мягко стегала по щиколоткам. Жуки и бабочки торопливо разлетались из-под ног. Полуденное солнце жгло голову, и Малыш на бегу плотнее натянул панаму.

Возле леса Антошка остановился.

— Ты дождя боишься?

— Дождя? — удивился Малыш. — Так же солнце.

— Ты на небо не смотри. Когда мы войдем в лес, все равно польет-ся дождь. Я знаю.

— Встанем под дерево.

— Ага, они только того и хотят, чтобы мы куда-то не ходили. А надо под дождем идти не останавливаясь. Если хочешь что-то узнать, надо ничего не бояться. Там за лесом еще будет пустыня и ветер знаешь какой? Но если не бояться, можно быстро донти до горизонта.

— До горизонта разве можно донти? Тетя Поля говорила...

— Опять тетя Поля! Может, где и нельзя, а за лесом можно. Ты меня слушай.

Замирая сердцем, Малыш следом за Антошкой вошел в лес. Здесь трава была по пояс, и в этой траве что-то шуршало, шевелилось, бегало.

— Звери... там, — зашептал Малыш.

— Наслушался сказок, — насмешливо фыркнул Антошка. — Самые большие звери в этом лесу — кролики.

— Зайчики?

— Кролики. Слушай, что говорят. Только что светлый, залитый солнцем лес вдруг потемнел, короткой судорогой пробежал по верхушкам берез порыв ветра, и ослепительно белые стволы их словно погасли.

— Идем, идем, я же говорил — дождь будет.

И едва Антошка это сказал, как зашуршало в листве и первые большие капли упали на панаму.

Теперь Малыш боялся Антошки. Рыжий и конопатый, знающий все наперед, он казался ему маленьким колдуном из сказки. Еще вчера Малыш был уверен, что не боится ничего на свете. Сколько они играли в смелых индейцев и космонавтов, сколько фильмов смотрели о бесстрашных исследователях чужих миров! Бывало, что и сами участвовали в фильмах, ползали по затаившимся джунглям. И никогда, ни

единого разу Малыш не пугался. А тут было ему не по себе. Потому что одно дело, когда ты влезаеть в фильм, и совсем другое, когда все не понарошку.

Они пересекли тропу, по которой не раз ходили с тетей Полей, черную тропу, скользкую от дождя, незнакомую, и скоро оказались на опушке. Это удивило Малыша: ведь от их дачных домиков лес казался таким огромным!

Дождь кончился, и туча, только что закрывавшая солнце, куда-то исчезла с голубого неба. Впереди полого уходила вверх песчаная пустыня, поросшая редкой клочковатой травой.

— Ага, что я говорил?! — торжественно сказал Антошка. — Сейчас и ветер подует.

И в самом деле, они не сделали по песку десяти шагов, как навстречу ударил порыв ветра, засвистел в стеблях сухой травы.

— Давай руку! — крикнул Антошка. — А то еще унесет. Ты, главное, шагай и ничего не бойся. Там горящие камни будут, так ты и их не бойся...

— Горящие камни? — изумился Малыш, судорожно сжимая руку своего проводника. — Таких не бывает.

— Я тебе такое покажу, что слово «не бывает» совсем забудешь. Камни чего? Дураки они, спрашивают одно и то же: сколько будет дважды два? Только ты не вздумай сказать — четыре, враз поймут, что из младших, не пропустят. Отвечай, как взрослый.

— А по-взрослому дважды два сколько будет?

— Они же этим вопросом мальцов ловят. Отвечай что-нибудь позаковыристей. Я, когда первый раз шел, сказал им формулу подсчета энергоматерии в метagalктике.

— Ты знаешь? — изумился Малыш.

— Сказал первое, что придумалось. Мозги-то у камней каменные. Пока соображали, я и прошел.

Все в этой дороге казалось бесконечно далеким, а на самом деле было очень близким. Они и прошли-то всего ничего, а уж увидели впереди гряду острых камней. Между ними был узкий проход. Когда подошли к нему, из-под камней послышалось кряхтение, и медлительный сонный голос:

— А сколько будет дважды два? Малыш замер на месте. Он морщил лоб. Все формулы, как назло, вылетели из головы, и вспоминалась только глупая детская скороговорка.

— Давай же! — торопил Антошка.

— Две да две, да две на две, сколько будет в голове? — выпалил Малыш.

Камни кряхтели и не шевелились. Ребятишки нырнули в узкий проход и кинулись наперегонки по плотному

песку. Малышу показалось, что у него закружилась голова: горизонт странно приблизился, и все в глазах вдруг заструилось, заколебалось.

— Теперь пошли потихоньку, а то налетим на небо, носы расквасим, — сказал Антошка.

— На что? — Малыша поташнивало от круговерти в глазах, но он сразу забыл об этом, услышав такое.

— На стену, которая небом называется.

Малышу захотелось смеяться: небо — это же пустота! Но не смеялось: все ведь получалось по-Антошкиному.

— Я боюсь, — сказал он и зажмурился.

— Разнюнися! — презрительно протянул Антошка. — Лучше бы я пошел с Кешкой Беззубым. Уж он-то ничего не боится.

Кешка, тоже воспитанник тети Поли, выдернул свой качающийся зуб на спор. Очень ему захотелось иметь розовый кристаллик, который Малышу подарил мама. Мама сказала, что он привезен с удивительной планеты кристаллов, на которую она летала в командировку, и Малыш доложил подарком больше всего на свете. Но Кешка пристал, и Малыш согласился, совершенно уверенный, что выпорит. Пропорил. И со зла наградил Кешку кличкой — Беззубый.

— А я уже не боюсь, — сказал Малыш, не открывая глаз. — Что я, неба не видел?

Ему вдруг подумалось, что хорошо бы залезть на небо, раз оно такое твердое, и крикнуть сверху тете Поле, всем мальчишкам и девочкам. Вот бы удивились! А Кешка пускай бы себе все зубы повывергивал от зависти...

— Я ничего не боюсь! — твердо сказал Малыш и открыл глаза. Перед ним по-прежнему все плыло и качалось, откуда-то возникали белые облака и неожиданно исчезали в пульсирующем сине-бело-розовом пространстве. То совсем близко появлялся лес, то поле и знакомая речка, а то их детский сад с бегающей по двору ребятней. Появлялись и терялись, как в калейдоскопной игре цветов и форм.

— Уже пришли, — сказал Антошка. — Тут где-то дверь.

— Дверь в небе? И мы увидим, что за небом?

— Все увидим. Вот гляди — ступени.

Ступени были точно такие же, как в детском саду, — из желтого шершавого пластика, — только совсем новые, неисхоженные. Их было восемь. Над ступенями в зыбком маре виднелось что-то похожее на дверь трудноразличимой формы — то ли квадратная, то ли овальная.

Дверь открылась сама собой, едва они ступили на верхнюю площадку.

С порога Малыш оглянулся и ничего не разобрал — было сплошное переливчатое сине-бело-розовое сияние.

За дверью начинался короткий коридор, упирившийся в другую дверь. Справа и слева тянулись то ли плафоны, то ли иллюминаторы, из которых лился ровный свет. Из-за стен слышалось тихое монотонное гудение. Малыш разглядел, что один иллюминатор не светится, подошел, привстав на цыпочки, заглянул в него. За твердой прозрачной пленкой в ярком свете виднелись какие-то огромные цилиндры, трубы, таинственные агрегаты.

— Небесная механика! — насмешливо объяснил Антошка. — С помощью этих агрегатов малышне головы морочат.

— Кто морочит? — удивился Малыш.

— Кто-кто, не я же.

— А что это за коридор?

— Почему я знаю!

Это было непохоже на Антошку: то все знал, а то вдруг сам признается, что не знает.

— Коридор и коридор. Главное, что дальше.

— А что дальше?

— Иди — увидишь. Такое увидишь — умрешь от удивления.

— Умру?

— Не по-настоящему, конечно.

— А как это не по-настоящему?

— Надоел ты мне: что да как. Иди знай.

Они разговоривали полусшепотом, словно боялись, что их подслушают, удивляясь необычной тишине, в которой даже шепот странно позванивал.

— Иди, чего встал?

— Иди ты вперед.

— Опять испугался?

— Ничуть.

— Тогда иди.

— А почему не ты?

— Она передо мной не откроется. Там дверь, которая открывается только перед теми, кто первый раз идет.

— Откуда она знает?

Антошка пожал плечами.

— Проверено.

С опаской Малыш подошел к двери, и она бесшумно скользнула куда-то вбок, открыв черный провал.

— Иди! — зачарованно шепнул за спиной Антошка.

Малыш не боялся темноты, но впереди, как ему вначале показалось, была не просто темнота, а пустота, ничто. Слово там, за дверью, сразу начинался черный-пречерный, беззвездный космос, о котором так много рассказывала тетя Поля.

— Ты хотел быть космонавтом?

— Хотел.

— Ну так иди.

Только присмотревшись, Малыш разглядел, что за дверью есть небольшая, слабо освещенная площадка. Он шагнул на нее, потом еще

шагнул и уперся лбом в холодную, совершенно невидимую стену. Дверь сзади закрылась, и они с Антошкой остались вдвоем на темной площадке, зачарованные безбрежностью пустоты, раскинувшейся перед ними. Глаза уже привыкли к темноте, и теперь ребяташки видели бесчисленные разноцветные звезды, усыпавшие беспросветную черноту.

— Ух ты! — воскликнул Малыш.

— А ты думал! — тоже восхищенно сказал Антошка. — Еще и не то увидишь.

Звездное небо было совсем не таким, какое привык видеть Малыш над своим детским садом. Там он знал многие созвездия, мог отыскать и Большую Медведицу, и Льва, и Кита, и Рыбы. А тут все было незнакомое — бессмысленный хаос звезд.

Они долго смотрели на звезды и не могли оторваться от величавой картины этого чужого неба, пугающего и манящего.

— Послушай, Антошечка, — ласково сказал Малыш. — Ты ведь все знаешь. Расскажи, что это такое, а? Знаешь ведь?

— Давно бы спросил. А то идет и не спрашивает. А я что — не спрашиваешь, и не надо...

— Расскажи, пожалуйста. Может, это нам снится?

— Что, нам один сон снится?

— Это мне снится. А ты в моем сне. А?

— Как бы это я привел тебя в твой собственный сон? — заинтересовался Антошка.

— Как, как, очень просто.

— Я вот тебе сейчас дам в бок, а ты соображай — во сне это или не во сне.

— Ты лучше так расскажи.

Антошка отступил на шаг и в звездном полумраке показался Малышу большим, совсем взрослым.

— Тебе тетя Поля рассказывала о космосе? — спросил он.

— Сколько раз.

— И все хвалила да хвалила?

— Конечно.

— Знаешь, зачем она это делала? Чтобы вы, кильки малолетние, забыв про свою манную кашу, с утра до вечера глядели в небо.

— А зачем?

— Чтобы мечтали о космосе.

— А зачем?

— Ну, чтобы хотели полететь.

— А зачем?

— Заладил. Да затем, чтобы радовался, узнав, что уже летите.

— Кто летит?

— Все мы. И наш детский сад вместе с лесом, полем, ручьем.

— А, знаю, — обрадовался Малыш. — Тетя Поля говорила: вся Земля все равно что космический корабль, только большой.

— Тетя Поля, тетя Поля, — перердизнил Антошка. — Я говорю о настоящем космическом корабле, на

котором мы с тобой находимся. А на Земле мы никогда и не жили. Вот.

— Врешь ты все.

— Вру? А это что? — Антошка широко показал на черный звездный простор, подался вперед, хлопнул ладошкой по невидимой холодной сфере. — А это? Тебе мало? Пошли дальше, еще покажу.

— Куда дальше? — Малыш огляделся. Ему казалось, что отсюда одна дорога — обратно. И вдруг в темном углу он увидел такой же темный провал туннеля, а возле него — поблескивающие глаза робота-десятинога.

— Там Киса! — испуганно воскликнул Малыш.

Точно такой же робот был у них в детском саду, бегал днем и ночью по коридорам, всегда чем-то занятый, все знающий, все замечающий. И если шаловливая ребятня изобретала сотни способов разжалобить, а то и просто обмануть тетю Полю, то десятинога провести еще никому не удавалось. Он терпеливо сносил проделки ребят, их шуточки, даже издевательства, и упрямо делал то, что велела тетя Поля. У десятинога было много прозвищ и кличек. Малышня звала его Кисой за упругие усики-антенны на сером носу.

— Подумаешь, Киса! — сказал Антошка. Он смело подошел к десятиногу и пальцем принялся щекотать ему усы. Робот вытянулся на всех своих ногах и стал похож на высокую тумбочку с выпуклой крышкой. Три пары его розовых глаз замутились, словно он жмурился от удовольствия.

— Киса? — сказал Малыш, погладив гладкую мягкую кожу робота. — Ты почему ребят оставил? Как они без тебя?

Робот молчал. И тут Малыш увидел, что это совсем другой робот. У их, детсадовского, не хватало слева четырех усиков-антенн — повывергалась ребятня, — а у этого все были целы.

— Пошли, — сказал Антошка.

— А Киса?

— Кису только пощекотать. Полчаса будет жмуриться. Пошли.

Робот и в самом деле не двинулся с места, когда они шагнули мимо него в темный провал туннеля. Но потом покатился следом за ребятами. Туннель был длинный, где-то далеко, в конце его, светлел выход.

Мальчишки запыхались, пока добежали до этого выхода. Выскочили в ослепительный, сияющий простор и заморгали, привыкая к яркому свету. Свет лился, казалось, отовсюду. Когда пригляделись, поняли: и в самом деле отовсюду. Матово подсвечивал пол площадки, на которой они оказались. И высокие перила ограждения, и стены, и близкий потолок над головой — все это словно было вытканое из света. Потому и казалось, что впереди воздушный, зали-

тый солнцем простор. И только пере-
ливающиеся тенями полосы на полу
и перилах напоминали о границах
этого светового мира.

Зачарованно оглядываясь, Малыш
подошел к ограждению и задохнул-
ся от красоты увиденного, от ликую-
щей радости, охватившей его. Внизу
огромным полем простиралось калей-
доскопное разноцветье. Красные,
желтые, зеленые, голубые квадраты,
полосы, овалы, переходившие один в
другой, лежали перед Малышом, ше-
велились, жили. Жили! Малыш раз-
глядел и людей, двигавшихся посре-
ди этой пестрой красоты, мужчин и
женщин. Не видел он только детей,
таких, как он сам, маленькой.

Одна женщина подняла голову,
внимательно посмотрела вверх, пома-
хала рукой.

— Мама! — ликующе закричал
Малыш. И, забыв обо всем, полез
на прозрачную решетку огражде-
ния...

Воспитательница детского сада По-
лина Аркадьевна, молодая красивая
женщина с добрыми глазами, ахну-
ла, увидев Малыша на ограждении,
и подалась к экрану, по которому
вот уже около часа наблюдала за
ребятами.

— Не волнуйтесь, робот успеет, —
сказал присутствовавший в кабинете
главный психолог детсадовской зоны
Валентин Оразов, невысокий черно-
волосый мужчина. Он приблизил
изображение, и стало видно, что ро-
бот уже начеку, уже охватил тонки-
ми гибкими щупальцами талию маль-
чика.

Малыш замахал руками, пытаясь
освободиться, но, сообразив, что это
невозможно, обернулся и принялся
щекотать Кисе усы. Десятиног по-
блескивал глазами-кристаллами, но
щупальца не разжимал и отходил,
отходил от решетки.

— Жалко Малыша, — сказал си-
девший возле экрана молодой ста-
жер-воспитатель Костя Рудин. —
Пусть бы прыгнул. Представляете?..

— А вы представляете? — прервал
его Оразов. — Узнает, расскажет
всем детишкам. Ведь они, не задумы-
ваясь, начнут десантировать с этого
балкона. И не только с этого. Нет
уж, давайте без молодых эмоций.
Тем более что вам по роду будущей
работы надо учиться предусматри-
тельности.

— Я понимаю, — вздохнул ста-
жер. — Только какой был бы след
на всю жизнь! Я свою первую экс-
курсию так помню! А если бы еще и
это?!

— Всему свое время.

— Все равно рано или поздно...

— Лучше поздно, — прервал его
Оразов. — Вы этого не понимаете?

Он посмотрел на стажера сердито
и внимательно, и Рудин понял: еще
немного — и главный психолог

усомнится в его способности рабо-
тать в детсадовской зоне. И тогда!
Сколько тогда понадобится усилий,
чтобы доказать обратное?

— Все я понимаю, Валентин Ора-
зович, очень даже хорошо пони-
маю, — заторопился стажер. —
Но пять, а то и шесть лет — не мно-
говато ли для детства? Они к шести
годам столько знают и умеют, что
хоть давай им самостоятельную ра-
боту. По себе знаю...

— Вы полагаете? — заинтересо-
ванно спросил Оразов.

— Конечно! — обрадовался ста-
жер. — На корабле столько дел,
столько дел!..

— А сколько людей на корабле?
Рудину показалось, что его дово-
ды дошли до бесстрастного главного
психолога, заинтересовали его. И он
заговорил торопливо, как на экзаме-
не, словно боясь, что его не дослу-
шают.

— Я все знаю и про корабль, и
про нас с вами. Это не корабль, а
целая планета: восемьдесят километ-
ров в длину, сто тысяч — экипаж.
Это не экипаж, а подлинная части-
ца человечества. Мы посланцы вели-
кой цивилизации. Да что посланцы,
мы сами — цивилизация, живущая
самостоятельно, ищущая, развиваю-
щаяся... Семь поколений сменилось
на корабле, после того как мы по-
кинули пределы Солнечной системы.
А сколько еще сменится, пока за-
вершится наша переселенческая эпо-
пея?! Важно начало, и важен ко-
нец. Все поколения, что посередине,
— лишь передаточные звенья.
Их задача — уцелеть, сохранить ге-
нетические и социальные начала и
как можно больше узнать о космо-
се. Чтобы к цели, к другой солнеч-
ной системе, которую предстоит
обживать нашим потомкам, прилетел
не просто корабль, а ступок знаний
не менее, а может быть, и более вы-
соких, чем земные...

— Вы так полагаете? — снова
спросил Оразов.

— ...Детство — это время, когда
человек, как губка, впитывает все —
и впечатления и знания. А мы его
консервируем, детство. Представля-
ете, что будет, если сократить его хо-
тя бы на год-два?! Сколько свежих
сил, новых открытий?!

— Вы очень хорошо сказали...

Оразов медленно начал поворачи-
ваться к стажеру, как всегда, спо-
койный, уравновешенный. Но и он
вздрагнул от тихого вскрика Полины
Аркадьевны, неотрывно смотревшей
на экран. На экране происходило
что-то непонятное. Десятиног суе-
тился на площадке, размахивая щу-
пальцами. Он держал за руку упи-
равшегося Антошку, а Малыша воз-
ле него не было.

Оразов резко увеличил обзор, и
все сразу же увидели Малыша. Как-
им-то чудом ему удалось вырваться
из цепких объятий робота, и теперь

Малыш стремительно бежал к не-
высокому ограждению. Он взлетел на
перила одним махом, будто перед
этим специально тренировался, на
мгновение застыл наверху, малень-
кий, худенький, торопливо оглядывая
под собой пестрый калейдоскоп
крыш.

— Мама! — отчаянно крикнул он и,
зажмурившись, прыгнул.

На мгновение повисла тишина.

— Почему он не испугался? — за-
думчиво спросил сам себя Оразов.

Полина Аркадьевна подалась по-
ти к самому экрану, сказала ласково,
доверительно:

— Малыш, мальчик мой, помнишь,
я рассказывала о гравитации? Что в
космосе человек свободен от ее оков?
Что мячик, подброшенный вверх, не
падает? Помнишь? Почему же ты за-
жмурился? Ведь ты уже знаешь, что
находишься в космосе. В детсадов-
ской зоне гравитация создана ис-
кусственно. Там все как на Земле.
И на площадке, где ты только что
был, гравитация держала тебя. Она
действовала, пока твои ноги каса-
лись площадки. Но когда ты прыг-
нул... Ты слышишь меня, Малыш?
Открой же глаза и не бойся. Ничего
не бойся...

Теперь лицо Малыша было во весь
экран. Он удивленно смотрел по сто-
ронам, ничего не понимая. Пестрый
ковер крыш медленно плыл под ним.

— ...В космосе — невесомость, в
космосе все летают, — тихо говорила
ему Полина Аркадьевна. — Не бойся,
я с тобой...

Оразов снова повернулся к Рудину,
повторил сдержанно:

— Вы очень хорошо сказали на-
счет детства. Верно — консервируем.
Консервируем, чтобы защитить. Ес-
ли продолжить вашу нетерпеливую
мысль, то почему бы не сделать и
следующий шаг — ускорить время со-
зревания плода в чреве матери?
Пусть бы рожали не через девять, а,
скажем, через два-три месяца. Какая
была бы экономия сил и времени!..

— Я такого не говорю! — взвился
стажер, уловив иронию.

— Могли сказать или, по крайней
мере, подумать. Но такое нецелесо-
образно. Вы думаете, за миллионы
лет эволюции природа упустила бы
такую возможность? Но большего не
могла даже природа, — ведь за де-
вять месяцев зародыш как бы дол-
жен прожить всю предысторию чело-
веческого рода. А детство? Что такое
детство? Это такая же стремитель-
ная пробежка по истории человече-
ства. Вам должен быть известен факт:
за три первых года жизни человек
проходит половину своего развития.
Половину! Это вам о чем-нибудь го-
ворит?..

— Но я не о том!..

— И я не о том. Я о детстве переселенцев. Вы задавали себе вопрос:
почему на нашем корабле, где так
тесно, выделено такое огромное про-

странство для детсадовской зоны? Почему для детей воссозданы земные условия? Думаете, только потому, что детям больше, чем кому-либо другому, нужны солнце, воздух и вода, цветочки-бабочки? Да, это древнее убеждение не устарело. Но, кроме того, нашим детям, детям переселенцев, нужно именно земное детство. То, что входит в человека в пору детства, остается святым на всю жизнь. Понимаете? Поколения людей, никогда не видевших Земли, должны сохранить любовь к ней. Просто знаний о Земле тут недостаточно, необходима именно душевная привязанность...

— Но ведь, вырастая, все узнают, что никогда не были на Земле, что прожили детство в иллюзорном мире, — торопливо вставил стажер.

— Вырастая, переселенцы много узнают и о подлинной Земле, землематушке, как говорили в старину...

— Но жить-то всем нам приходится не на Земле, а в особых условиях. — Стажер говорил возбужденно, чувствуя, что от этого разговора зависит многое. — Чтобы выжить, нам нужно изучать и осваивать эти условия...

— Несомненно, нужно изучать, нужно осваивать. Но прежде всего нам нужно не потерять цель. А это возможно только, если мы не потеряем отправную точку. Зачем мы летим, что будем делать там, куда стремимся?.. Детство — это сказки, вера в чудеса, это и забытое взрослыми индивидуальное соперничество. Детство, я уже говорил, как бы пробежка по истории, по социальной истории. Все боли, которыми переболело человечество, в миниатюре проходят через таинственную пору детства. Без нормального детства будут вырастать уроды, как рождались бы уроды, нежизнеспособные существа при сокращении сроков беременности. Лишив детей детства, я не взялся бы предсказать, что мы, переселенцы, освоив далекие планеты, не вынуждены были бы в новых общественных условиях переболеть всеми страшными социальными болезнями... Потому-то и не спешим выгонять детей из детства. Наступает время, и они сами уходят в мир взрослых, но уходят естественно, как дети, в игре, ожидая чуда от каждого следующего шага. Только при нормальном детстве будущее может казаться сказочным...

А воспитательница все шепталась с Малышом, прикинув к самому экрану, рассказывала о корабле, о людях, его населяющих, о домах, раскинувшихся внизу. Она не знала, внимательно ли слушает он ее, и потому говорила и говорила, как говорят и не могут наговориться сходящими навсегда.

А малыш все смотрел на чудеса, открывающиеся ему, и не видел этих чудес. Он искал маму.

В. СУПРУНЕНКО

Фото АНАТОЛИЯ ПЛЯСОВИЦЫ

МЕЧ В ТАЙНИКЕ

Володя Журавель выпрямился и устало растер комок земли. Вздохнул, присел на корточки и стал разгребать влажный чернозем в дальнем углу камеры. Сегодня нужно было «добить» курган. Раскопками руководила Людмила Николаевна Жигулина, специалист по археологии бронзового века. Она поторапливала Володю: похоже, от этого невзрачного курганчика метровой высоты возле села Большая Белозерка, который значился на археологических картах под номером тридцатым, ожидать было нечего.

За двенадцать лет работы Запорожской археологической экспедиции Института археологии АН УССР было исследовано около 400 курганов. Найденными в них золотыми ажурными изделиями с затейливым чеканным орнаментом восхищаются ныне посетители крупнейших музеев страны. Но вряд ли подобными находками мог порадовать археологов белозерский курган-карлик. Даже неспециалисту при беглом осмотре катакомбы было ясно: курган ограблен. Осколки костей человека, животных, обломки железа в центре насыпи серьезного интереса для археологов не представляли. В других малых курганах в этом сезоне попадались хотя бы серебряные бляхи от конских уздечек. А в этом...

Людмила Михайловна уже собиралась прекратить раскопки, как вдруг Володя воскликнул:

— Смотрите!

Что-то блеснуло в черной влажной почве... Осторожно расчистив грунт, археологи обнаружили обтянутое золотом навершие скифского меча. Меч был воткнут вертикально в землю в дальнем углу скифской катакомбы — в тайнике. Поэтому грабители и не заметили его. Впервые на похожий тайник археологи наткнулись в 1969 году при раскопках Гаймановой могилы. Тогда в нем была найдена уникальная серебряная чаша. Теперь наградой за упорные поиски явился скифский меч-акинак в золотых ножнах.

...Железный клинок, изъеденный коррозией, почти рассыпался. Рукоять меча обтянута золотой пластиной с изображением косуль, оленя и пантеры. Деревянные ножны с внешней стороны украшает золотая пластина с традиционной для греко-скифского стиля сценой схватки зверей. Обрамляя фигуры оленя, грифона, льва и пантер, струятся золотые нити искусной чеканки. Длина ножен — 53 сантиметра, ширина — 16. В нижней части — выступило, украшенное головой клыкастого вепря. На лбу дикого зверя можно разглядеть буквы греческого алфавита.

— Скорее всего, — высказал предположение начальник экспедиции Виталий Васильевич Отрошенко, — эти буквы являются инициалами владельца меча. Подобный акинак был найден в 1972 году в Толстой могиле на Днепропетровщине. Предполагаю, что меч датирован IV—III веками до нашей эры и относится ко времени расцвета скифского царства в Северном Причерноморье. Но почему он был помещен в тайник? До сих пор акинaki находили главным образом в больших «царских» курганах. За что рядовой скиф удостоился такой чести? Да и с надписью еще далеко не все ясно. На многие вопросы, связанные с уникальной находкой, еще предстоит дать ответ.

г. Запорожье

ЧИТАТЕЛЬ СООБЩАЕТ

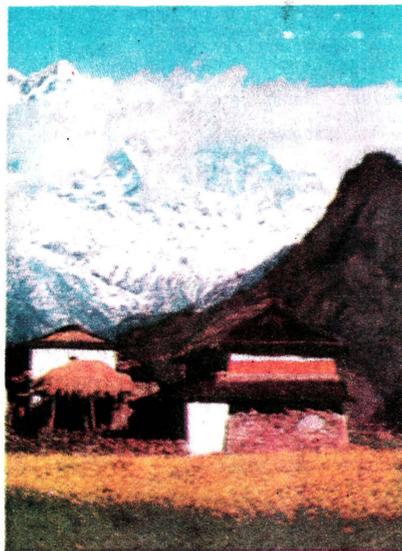

Р. Е. РОУДС,
английский этнограф

СХОДСТВО ГОР

Людям, которые побывали в Непале и Швейцарии, долины Гималаев напоминают Альпы — и не только природой и растительностью, но даже и архитектурой. Домики пастухов на высокогорных лугах; извилистые тропы ведут к деревням, расположенным на пологих склонах — чуть выше дна долины. Ухоженные сады примыкают к большим двухэтажным домам с двускатными дощатыми крышами. Люди живут на втором этаже, а на первом размещен скот и хозяйственные помещения. На подоконниках — горшки с яркими цветами; оконные рамы покрыты сложным резным узором. На деревянных полках рядом с дымными открытыми очагами сверкают медные горшки и кастрюли; массивные столы посередине, вдоль стен тянутся широкие скамейки. Большая часть жизни семьи протекает в кухне — как у европейских, так и у азиатских крестьян-горцев.

На первый взгляд тем и кончается сходство Швейцарии и Непала. Ведь Швейцария — одна из наиболее промышленных, а Непал — одна из самых слаборазвитых стран мира. Но общим — вечным и неизменным — остаются для далеких друг от друга стран горы. Горный рельеф не только сжал обе страны, но и помог им выстоять между могущественными соседями. Может быть, именно благодаря горам расположенные на неспокойных перекрестках Европы и Азии Швейцария и Непал сохранили свободу и независимость. Конечно, помогли им и стратегическая неприступность важнейших горных перевалов и путей.

Сходные черты в культуре наиболее заметны в изолированных горных долинах. В северном Непале и на швейцарском высокогорье — одинаковые деревья и тот же строительный камень. А это придает здешней ар-

хитектуре ее характерный облик. С крутых обрывистых склонов нередко низвергаются лавины. Поэтому горцы-крестьяне очень тщательно выбирают место для деревень и полей. Короткие сельскохозяйственные сезоны и каменистая неплодородная почва ограничивают возможности земледелия. В обеих странах горные склоны покрыты несколькими поясами растительности. Внизу — теплые долины, затем пастбища и хвойные леса и, наконец, зоны вечных снегов. И люди научились эффективно использовать эти узкие экологические зоны.

Деревни лежат на склонах над долиной, где плодородные земли распаханы под поля или засажены са-

дами. Луга полого поднимаются выше деревень. Здесь ранней весной и поздней осенью пасется скот и несколько раз за лето косят сено. Далее начинается зона хвойных лесов, где крестьяне добывают топливо и строительный материал. Еще выше, между лесами и зоной вечных снегов, расположены напоенные ледниковыми водами пастбища.

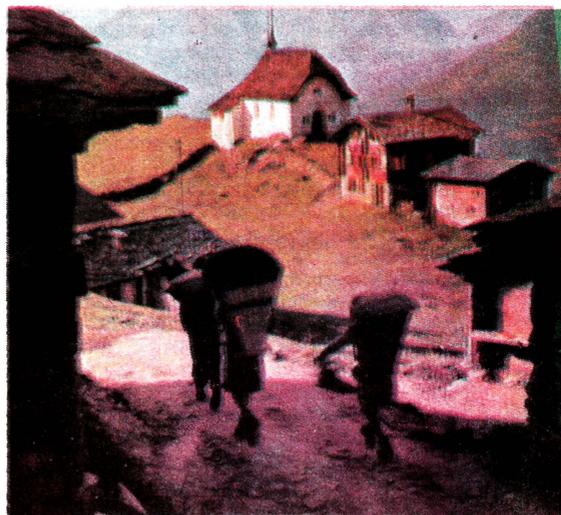
И у швейцарцев и у шерпов непальской долины Кумбу сезон полевых работ начинается поздней весной. Сначала оттаивают поля, находящиеся ниже деревни. С продвижением тепла вверх по склонам земледельцы постепенно поднимаются к самым высоким полям, сеют сначала пшеницу и ячмень, потом сажают

картофель. Когда крестьяне спускаются на нижние поля, пастухи со стадами яков, коров, коз или овец начинают свой медленный подъем к летним пастбищам. Вначале они пасут стада на нижних лугах, а потом по мере таяния снега продвигаются к высокогорным пастбищам. Там они остаются до начала осенних холодов.

Пастухи идут вниз в конце августа, зато земледельцы по мере созревания пшеницы снова взбираются все выше по склонам. Разница в высоте полей может быть метра в полтора, но пшеница поспевает с разрывом в два-три дня. Так, шаг за шагом вверх убирают крестьяне урожай.

К концу сентября пшеница убрана, а на сеновалы затаскивают последние копны сена. Тогда к деревне подгоняют скот, и до начала зимы он пасется на жнивье, удобряя поля. С первым сильным снегопадом полевой сезон заканчивается. Скот загоняют в стойла.

Чтобы облегчить эти сложные ежегодные перемещения, шерпы и швей-

царцы выработали одинаковые формы пользования землей. У каждой семьи есть свои небольшие поля и сенокосы неподалеку от деревни. Зато высокогорные леса и альпийские луга — общая собственность деревни. Ведь уход за скотом на высокогорных пастбищах и рубка леса требуют координированных усилий всех односельчан.

У каждого хозяйства могут быть еще по шесть-восемь участков — на разных высотных уровнях. И если на одном из них будет плохой урожай, может быть, уродится на другом. Если лавина накроет одно поле, спасено будет другое.

Без тесного сотрудничества в горах не проживешь. И власть в деревне принадлежит всем членам общины. Весной горцы сообща принимают решение по насущным проблемам. Так возникло швейцарское общинное собрание — «ландсгемайне», предок парламента; у шерпов — «юл-тим» — «деревенский закон». Деревня как единое целое решает: куда, когда и сколько скота отправить на пастбища; когда и что сеять; как лучше очистить ирригационные сооружения; где заготовлять лес. Житель альпийской деревни по своему многовековому опыту хорошо знает, что одно-единственное безответственное решение может привести к непоправимым бедам. Поэтому дисциплина среди горцев не менее сурова, чем сама жизнь в здешних местах.

Считается, что горцы суеверны (по крайней мере, так рассказывают жители равнин). Действительно, на тропах Гималаев и Альп часто попадаются кресты, пирамиды из камней и молитвенные флаги. Но разве не подстерегает человека в горах реальная опасность? Что может заставить его не выходить после наступления сумерек из дома лучше, чем образ снежного человека? Наслушавшись рассказов о разных чудесах, таящихся в темных расщелинах скал, человек дважды подумает, прежде чем отправится на поиски тельца по крутым, опасным склонам.

Перенаселенность горных долин издавна заставляла людей искать заработка на стороне. Горцы успешно торговали, занимались ремесленным производством, нанимались на работу в далеких низинах и служили наемниками в чужих войсках. Непальских гуркхов называют швейцарцами Азии. Ведь, несмотря на репутацию миролюбивых людей, швейцарцы в течение нескольких столетий сражались во всех европейских армиях. Последнее напоминание о той, давно ушедшей эпохе — швейцарские гвардейцы Ватикана. Гуркхские полки в Непале были сформированы в прошлом веке и служили английской короне. И совсем недавно плата за службу в иностранной армии и пенсии за выслугу составляли основ-

ную статью внешних поступлений Непала. (Так же было в XV веке и в Швейцарии.)

Сто лет тому назад в Швейцарию ринулись туристы; Непал с этим столкнулся относительно недавно. Туристы проникли даже в труднодоступную долину Кумбу; японцы построили там отель с видом на Эверест. В некоторых горных районах местность после туристского сезона выглядит, как поле стадиона после концерта поп-музыки: консервные банки, обрывки бумаги, пленочные обертки... Вдоль тропинок, ведущих на пастбища, день ото дня разрастаются кучи мусора. С каждым годом все меньше скотоводов поднимается на альпийские луга. Швейцарцы и другие европейские горцы осознали, что бурное развитие туризма приносит не только прибыли, но и большой вред. Непальцы только сейчас начинают понимать, что за приток туристов приходится расплачиваться дорогой ценой.

Туризм — отнюдь не единственный враг экологии Альп и Гималаев. Необходимо расплачиваться и за модернизацию — сооружение дорог, мостов, плотин, электростанций. Шерпы давным-давно убедились в том, что беспорядочная вырубка леса и вытаптывание пастбищ наносит горам непоправимый вред — куда больший, чем на равнине. Самые безобидные с виду изменения на крутом склоне могут вызвать необратимую эрозию, которая вначале поражает высокогорье, а затем может распространиться и на орошаемые поля в долине. И хотя строительство дорог и плотин поможет соединить изолированные долины с внешним миром и использовать энергию воды, оно ускоряет исчезновение растительности и тем самым разрушение склонов. Достаточно вспомнить оголенные горы вокруг Средиземного моря и в американских Аппалачах: десятилетиями их подвергали бездумной эксплуатации. Экологическая система гор ведь так хрупка!

Будущее не только Альп и Гималаев, но и всех горных областей, которым угрожает экологическое разрушение, быть может, зависит от того, насколько хорошо мы сумеем понять роль и место человеческого фактора в горных системах экологии.

К несчастью, и в Швейцарии и в Непале накопленные с древних пор умения людей адаптироваться к горной среде быстро улетучиваются. Главная тому причина — массовый исход горцев на равнины.

А ведь жители гор никогда не были антропологическим курьезом, это люди, которые выжили в чрезвычайных трудных и суровых природных условиях и подчинили себе горы...

Перевел с английского
К. МЕЛИК-СИМОНЯН

НИКОЛАЙ ЯНЬКОВ
Фото автора

ПОЛЮС ДОЛГОЛЕТΙΑ

На картах метеорологов всего мира Оймякон обозначен как Полюс холода Северного полушария, и одно это уже окружает якутский поселок на Индигирке ореолом величия, недоступности. Как-то не верится, что можно сесть в обыкновенный самолет и отправиться в одно из самых холодных мест планеты. Оймякон всегда казался мне таким же далеким, как Лхаса или Гавайские острова, хотя это не бог весть какое расстояние: от Читы, где мой дом, до Оймякона один день пути самолетом.

Два года назад в Новосибирске я вочию увидел оймяконца. С группой писателей мы шли по улицам города, сильный весенний ветер с Оби сгребал в палисадниках старые листья, свистел в тополевых ветках, рвал полы пальто. Было холодно, сыро и неуютно.

— У нас нет ветров, — сказал старый писатель Чисхан, якут. — Никогда не бывает!

Этому никто не поверил: так уж и не бывает?! Там, где светит солнце, где есть воздух, облака и смена погоды, ветер неизбежен, а разница только в том — часто или редко он дует, слабо или сильно.

— У нас в Оймяконе нет ветра, всегда тихо, — упрямо повторил Чисхан.

Вечером в гостиничном кафе я пригласился к Чисхану: обыкновенный старик лет под семьдесят, невысокого роста, сухощавый, с бороздками добродушных морщин на темном лице. Николай Максимович (так звали якутского писателя) посмотрел на меня с лукавой усмешкой и еще раз подтвердил, что он живет в Оймяконе. До этого работал в Якутске, а с тех пор, как вышел на пенсию, поселился на Полюсе холода.

— Старики, думая о продлении жизни, обычно тянутся в более теплые края, — сказал я, вызывая его на разговор.

— Как раз думая о долголетию, я и переселился в Оймякон, — усмех-

Из архива писателя.

нулся Чисхан. — Этот район, не считая северо-восточной части Якутии, занимает у нас первое место по числу долгожителей.

Сообщение было настолько неожиданным, что я растерялся. Но Николай Максимович продолжал, как ни в чем не бывало:

— Приезжайте, сами увидите. Очень здоровый край! К тому же Оймьякон — моя родина, я там родился и вырос.

Далее последовали рассказы о слепящем весеннем солнце, о беззастенчивых бурых медведях, бегающих со скоростью лошадей, и о лошадях, косматых и толстых, как медведи. Их держат исключительно с целью получить жирное, питательное мясо, которое помогает человеку побороть самый лютый мороз.

Чисхан дважды повторил приглашение приехать и сказал, что будет меня ждать.

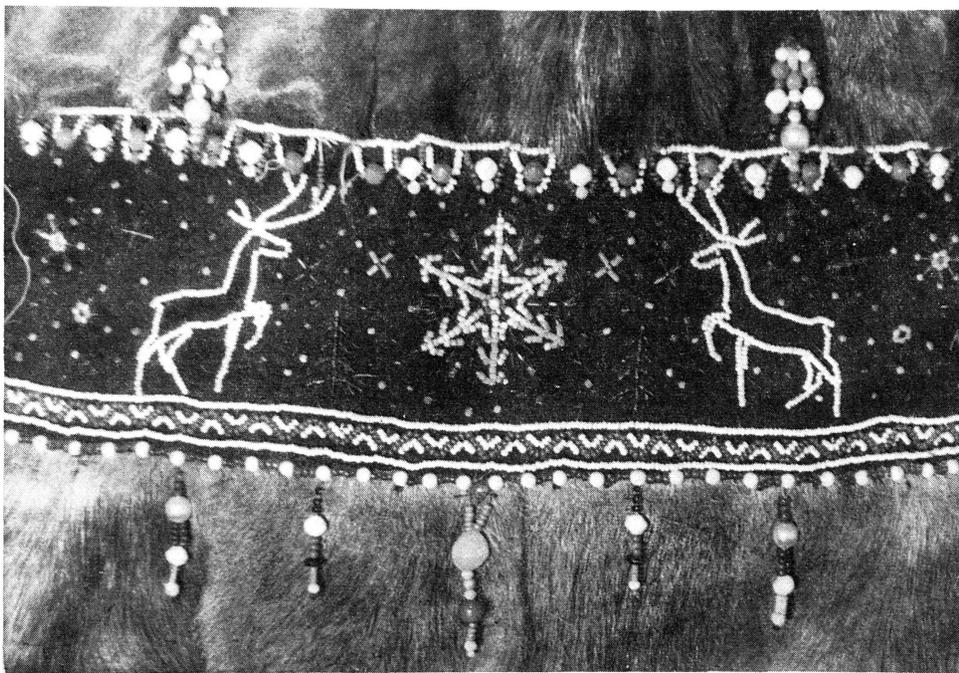

жизнь проработал оленеводом (еще в прошлом году пас оленей) и последние годы жил в брезентовой палатке с чехлом (это при морозе-то в 60—70 градусов!), так как жилищ из оленьих шкур звены теперь не делают.

«Стоит конец февраля, — писал Чисхан, — но морозы еще крепкие. Жизнь течет своим чередом. Когда я опускал вам письмо, термометр показывал 61° ниже нуля. Я своими глазами видел, как два табунщика спокойно оседлали коней и отправились к табуну, который пасется в полусотне километров от поселка. Сена лошадям не дают, они на подножном корму; год выдался особенно трудный — сена с осени заготовить не удалось».

Что помогает людям Оймьякона одолевать такой свирепый мороз да еще жить до ста лет? Много загадок

Со дня нашего разговора на Оби минул год, потом второй, а я все не мог решиться: Оймьякон по-прежнему казался недостижимым. Наконец ближе к весне я написал Чисхану и довольно скоро получил подробный ответ. Да, отвечал писатель, долгожители Оймьякона живут и здравствуют, умер за это время только один якут — Тимофей Винокуров, прожив на земле 106 лет. Но есть якуты Анна Березкина, Арьян и Афросинья Винокуровы, Тимофей Сивцев, эвен Андрей Данилов. Всем им около 100 и более лет. Отец Анны Березкиной умер 117 лет от роду. Эвен Андрей Данилов по сей день отличается бодростью и энергией, хотя не так давно отметил свое столетие. Долголетие Данилова тем более поразительно, что он всю

на земле Оймьякона. Даже Индигирка ведет себя загадочно: другие реки промерзают до дна при морозе в сорок градусов, а Индигирка прерасно чувствует себя и при семидесяти! Лед на Индигирке не толще оконного стекла, а местами вода вообще стоит открытая всю зиму. С берега видно, как в родниково-чистом омуте резвится рыба.

Чисхан советовал приезжать мне в начале апреля: в это время ярый бык (в образе быка древние якуты представляли лютую зиму) окончательно рухнет. «Перед этим у него отвалится сначала один рог, потом второй. Упадет голова. А потом и сам бык грянет оземь».

Якутский аэропорт, как всегда, был забит до отказа: негде было присесть. Я провел ночь без сна, едва дождавись рейса на Оймьякон.

Под крылом самолета тянулась равнинная оснеженная тайга с сереньким редколесьем. За Хандыгой вздыбились горы — мощные, частые, островерхие. Такие частые, что казалось, будто внизу лежит гигантская борона, накрытая белым. Угадывалось: летом снега срываются с отвесных круч водопадами. Но куда идут стоки, долины ключей? От этой горной головоломки ломило в темени... Это был Верхоянский хребет.

За ним открылось Оймьяконье, замыкаемое с юго-запада хребтом Сунтар-Хаята, а с северо-востока хребтом Черского, спокойные вершины которого блестели на горизонте.

Оймьякон, узнал я позже, не только название поселка, но и название территории, плотно замкнутой со всех сторон горами. Эти стены и создали необычные природно-климатические условия: наиболее пониженная часть Оймьяконского плоскогорья имеет форму котловины; здесь и скапливается зимой холодный воздух, понижающий температуру до крайне низких пределов.

Слово «Оймьякон» произошло якобы от «ейуму», что на языке эвенов значит «таялая вода», а в переводе со староякутского — «свирепый мороз».

На территории Полюса холода расположено четыре поселка: Сордонгох, Томтор (центр совхоза), Оймьякон, Учюгей.

Первое, что меня поразило, когда самолет пошел на посадку, стадо диких животных. По брюхо в снегу, косматые, толстые, они стояли перед посадочной полосой и равнодушно глядели на самолет, грохочущий над их головами. Конечно, это были местные лошади, о которых я слышал еще в Новосибирске и которых заочно полюбил.

У самолета меня ждали Чисхан и Местников, секретарь партийной организации совхоза «Оймьяконский». На автобусе мы выехали в Томтор.

Признаться, в первые часы я испытал разочарование: стандартные ав-

тобусы и грузовики, стандартные дома, стандартная одежда — пожилые ходили в обычных драповых пальто и ботинках фабрики «Скороход», молодежь щеголяла в цветных нейлоновых куртках. Даже солнце мне показалось стандартным: оно блистало напористо, ярко, как полагается весной; от сверкания чистейшего снега ломило глаза. Почти все, как на палящем юге, ходили в темных очках.

Томторцы выглядели веселыми, энергичными — не верилось, что они перенесли трудную зиму. А минувшая зима, рассказывают, была особенно лютой: весь декабрь и январь стойко держались холода в 68—70 градусов.

При морозе свыше шестидесяти воздух делается тулким; ломким, он как бы твердеет. Не узнается, кажется чужим собственный голос: электрический, колючий и резкий, он звучит словно со стороны. Обморозить ничем не защищенное лицо можно в считанные секунды: мгновенный наплыв воздуха — и ваша щека белая! Новички пытаются прятать лицо в толстый шерстяной шарф, но мороз в этом случае оказывается хитрее: рубец обмороженной кожи протягивается через все лицо, по краю шарфа. Автомобильная камера, брошенная оземь, разбивается вдребезги — при стуже более шестидесяти резина становится хрупкой, как стекло.

Таких морозов я, конечно, не застал. Но утром было все же под сорок. Я поднялся рано, чтобы увидеть восход солнца. Снег металлически взвизгивал под ногами. Было странное чувство: некая машина времени отбросила меня назад, в зиму, — сорок градусов у нас в Чите бывает только в декабре — январе, а ведь сейчас конец марта! Мороз вызывал приятное чувство. Томторцы просыпались и выбегали во двор, на минутку, — в одних рубашках, без шапок. Я прислушивался к дыханию: мои легкие работали легко и весело, упиваясь воздухом Оймьяконья. Восход я прозевал — упругое чистое солнце успело выстрелить над щербинами гор, пока я выбирался за поселок. От редких кустиков на сахаристый снег легли синие тени. Воздух настолько прозрачен, что кажется, будто его нет совсем. Воздух, еще не отравленный парами бензина, копотью заводских труб, окислами горючего газа. Чистейший воздух таежных якутских пространств...

Но возле столовой я увидел скопление грузовиков — рядом проходила трасса на Магадан. Все автомашины стояли с включенными двигателями — в воздух ввинчивались разбухающие спиральи выхлопных газов. Техника пришла и сюда, в Оймьякон. До самого праздника оленеводов я не видел ни одного ездового оленя, ни одной запряжен-

ной лошади: тракторы, грузовики, мотоциклы. Позже узнал: ни за какие коврижки, если он не табунщик и не пастух, уважающий себя оймьяконец не сядет верхом на лошады!

В столовой Томтора также господствовал стандарт: привозная баранина, вездесущий морской хек, сметана и молоко. Пользуясь правами гостя, я три раза в день заказывал блюда из местных натуральных продуктов: оленина, жеребятина, речная или озерная рыба. Не будучи гурманом, все же беру на себя смелость заявить: никогда ничего не ел вкуснее оймьяконской жеребятины! Жаркое буквально тает во рту, превосходя по калорийности любое другое мясо.

В этот день мы побывали с Чисханом в домах долгожителей. Тимофея Номеровича Сивцева встретили в переулке — он шел к своему дому с двумя ведрами в руках. По согбенной спине (ведра почти волочились по снегу) и по высохшему лицу было видно, какой это древний старец. По слухам, ему давно перевалило за сотню лет, было что-то около ста десяти, но старик еще сам ухаживал за личным скотом, сам носил воду и ходил в магазин за хлебом. Свою мать Тимофеем Номеровичем плохо помнит, а отца и вовсе не знал: «Отца не было, был только номер». В старину ребенку, чей отец желал оставаться неизвестным, местная власть присваивала номер, человек становился Номеровичем. Жизнь для Сивцева оборачивалась не самой лучшей стороной: с детства пришлось багачить, стоически выносить холод и голод. Тимофей жил вроде одинокого скрюченного дерева на краю скалы.

Я отметил, что Тимофей Номерович не носит меховой одежды, ходит, как все якуты, во всем купленном: стандартные ватные брюки, ватная телогрейка, простая хлопчатобумажная рубашка.

Но его деревянный дом построен в старинном якутском стиле. По словам долгожителя, дерево, и только дерево сохраняет человеку здоровье. Ничем не прикрашенное, голое дерево глядело отовсюду: стены, затертые до глянца ветошью, балки с разводами узоров и глазками сучков, опорные колонны. Снаружи для тепла стены были покрыты штукатуркой.

Столетняя Анна Михайловна Березкина также проживала в самодельном доме. Но жилище ее было ярко отмечено благами цивилизации: полы комнат покрывал мягкий, цвета сирени и роз, пластик. Сама Анна Михайловна немного прихворнула, хотя до 95 лет никогда и ничем не болела. Но ее дочь (она почти вдвое моложе матери) страдает ревматизмом: ухаживала за скотом на ферме, всегда (кроме зимы, конеч-

но) ходила в резиновых сапогах по холодной, стылой земле — даже самым жарким летом земля Оймьякона отдает ярим дыханием января. «Все это от резины», — сказала дочь долгожительницы. А еще, наверное, от линолеума, подумалось мне; говорят, модное покрытие отнюдь не способствует излечению ревматизма.

Старшему сыну Березкиной исполнилось 75 лет, выглядел он вполне здоровым.

— Куда-а-а! — махнула рукой долгожительница. — Современная молодежь не проживет столько. Даже дрова не готовят руками, надеются на машину. Мы-то много работали — ой, много!

Ослепительное, безгранично щедрое солнце ударило по глазам, едва мы вышли на улицу, — с непривычки я все забывал вовремя набросить на переносицу темные очки. Во дворе Анны Михайловны копошилось многочисленное малолетнее потомство Березкиных — внуки и правнуки. Сама Анна Михайловна не знает им счета: давно перевалило за семьдесят. У самой долгожительницы было одиннадцать детей.

— Скоро соберутся на свой праздник оленеводы, — сказал Чисхан, — придет столетний звен Андрей Данилов из Учюгея. Прекрасный старик! Шутник! В прошлом году говорит совхозному директору: «Какая молодежь изнеженная пошла! Я вот пасу стадо оленей, а мой парнишка Егорка бросил пасти, — бока, говорит, болят». А этому «парнишке» семьдесят лет стукнуло; осенью он женился на молодой, отбыл в Охотск, в свадебное путешествие. Ехал по-старинному, на оленях.

Мы зашли к Чисхану домой. Старый писатель жил одиноко: ветер судьбы разнес его детей по разным углам Якутии. Квартира его располагалась в нелепом двухэтажном доме — потому нелепом, что проект здания, очевидно, предназначался для Подмосковья или Поволжья, а прибудил на Полюс холода... Когда морозы доходили до семидесяти, приходилось набрасывать на себя два одеяла, а сверху — пальто. Убранство квартиры составляли кровать, мягкое красное кресло, письменный стол и полка с книгами. Я взял с полки сборник рассказов Чисхана, изданный в Москве, — «Индирикка». Почти вся книга посвящена Оймьякону, его людям, его озерам и рекам, его солнцу и блеску вершин... Он очень любит свой край: не напрасно писатель избрал в качестве псевдонима давнее якутское название Оймьякона. Кажется, я понимал Николая Максимовича: он вернулся в родные края в надежде на новый взрыв творческих сил, в надежде на вторую молодость. Одна из старых якутских легенд утверждает: кто доживет до ста лет, у того отрастет новый зуб мудрости, придет вторая молодость,

а с ней — познание сокровенных загадок жизни.

— Четыре года я живу здесь, — негромко, на полупешоте, сказал Чисхан, — и только в эту зиму начал писать. До этого — ни одной строчки! Будто не жил, не родился и не рос здесь, а впервые увидел этот край. Поражает все: люди, природа, животный мир. Вдумайтесь: природные условия самые жесточайшие, а совхоз (олeneводство, коневодство, молочный скот) один из передовых в Якутии! Зимние морозы сильнейшие в мире — плевком замерзает на лету, ударяясь оземь со стуком пули, — а вода в реках стоит открытой! Железная стойкость, взявшаяся невесть откуда, вселяется и в зверя и в человека...

Минувшей зимой был такой случай: семнадцать парней и девушек возвращались на автобусе из Учюгея (ездили туда с концертом), на половине пути неожиданно кончился бензин, а через час от мороза разорвало аккумулятор. Почти все девчата и парни были в легких ботиночках, а на градусниках в ту ночь спиртовой столбик опустился до минус шестидесяти — костер почти бесполезен в такой мороз. Молодежь в ожидании помощи продержалась возле автобуса одиннадцать часов — и никто даже не простудился! Такое возможно только в Оймьяконе...

Среди тех семнадцати был один русский парень — и он не заболел. Люди, приехавшие в Оймьякон из самых дальних и теплых краев, с трудом переносившие минус десять, в Оймьяконе вдруг обретают морозостойкость...

— Ешьте хаяк! — угощал меня Чисхан. — Кто ест хаяк, чохон и кюёрчах, тот никогда не болеет! На Полюсе холода самое жирное молоко — природа знает, что делает, она стандарта не признает!

Своей коровы у Чисхана, конечно, не было — чохон и кюёрчах мьели в Оймьяконе. Старый поселок Оймьякон находился в сорока километрах от Томтора. Мы туда выехали на следующий день. Шофер старенького «газика» больше всего боялся встречных машин: дорога настолько узкая, что не разминуться, по обочинам высились сверкающие сугробы.

По дороге мы заехали к коневодам. Лошадки в косматых шурах, дающие хаяк, вкусом и цветом напоминающий хорошее вологодское масло, содержались в длинных кораллах, сделанных из лиственничных жердей (лиственница — единственное поделочное дерево в Оймьяконе). Я сделал несколько снимков. Трудно было определить выдержку: с чистого синего неба и снизу, от снега, били потоки сильнейшего света — никогда раньше я не видел такого яркого солнца! Лошадки поднимали наивные мохнатые

морды, дико шарахались от щелчка фотокамеры.

Среди моря снегов замаячили домики старого Оймьякона.

— Собственно, это и есть Полюс холода, — сказал Чисхан, — эпицентр. Когда в Томторе шестьдесят градусов мороза, в старом Оймьяконе шестьдесят четыре.

В Томторе — центральное отопление, прекрасный клуб, современные жилые здания, просторные магазины. Старый Оймьякон выглядит более скромно: обычные бревенчатые домики, обмазанные глиной или цементом. Есть и в нем свои долгожители: чета якутов Арьян и Афросинья Винокуровы. Живут в местечке Ют-Урбут, живут по-старинному непритязательно.

Неуемное солнце накаляет снега, сугробы колыхаются сплошным белым огнем. И среди этой белизны — черные кучи земли. Несколько таких куч, а чуть поодаль — бревенчатый, явно заброшенный дом. Это ли Ют-Урбут? Начинаю сомневаться, как вдруг в «кучах земли» различаю очертания окон. Юрты!

Старинная якутская юрта вначале растрескавшейся земли в форме стога. Черно, мрачно... И тем неожиданной и глубже чувство уюта, когда открываешь дверь. Полусферический дощатый потолок, крепкие опорные колонны из стволов лиственниц, бревенчатые стены. Везде дерево. Оно лоснится от времени и кажется лакированным. В старину, говорят, дерево для якутских юрт пропитывали конским жиром. Не столько для красоты, сколько для прочности.

Арьян и Афросинья всю жизнь прожили в такой юрте. Обоим около ста лет. Но оба работают по хозяйству, выращивают скот. Недавно удочерили девочку-сироту: одним скучновато, своих детей нет.

Фотографируем долгожителей возле юрты. Арьян сожалеет: гостили мало. Но мы торопимся засветло вернуться в Новый Оймьякон. А еще надо посетить на хуторе двоюродного брата Чисхана.

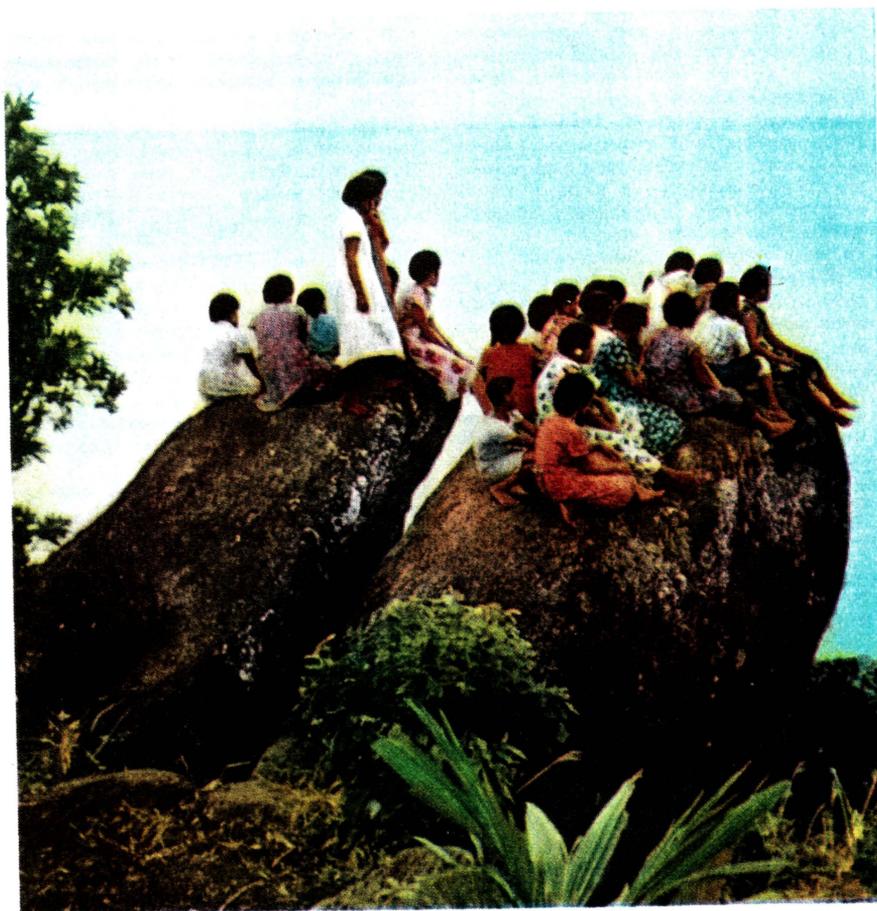
«Газик» наш, с насадой одолевая сугробы, вырывается к дороге. Чисхан вдруг велит остановиться. Среди снегов стоит одинокая коновязь. Черный покривившийся столб.

— Все, что осталось от нашего двора, — говорит Чисхан. — Здесь я родился.

Чисхан трогает рукой коновязь. В этом столбе-коновязи и Чисхане угадывается что-то родственное: два старика! Но столб никогда не заповет, не заржут возле него кони, гремя удилами... А Чисхан ждет новой песни, ждет вдохновения, чтобы еще раз воспеть в своих произведениях суровую родину — Оймьякон, Полюс холода.

Томтор — Оймьякон, 1978 г.

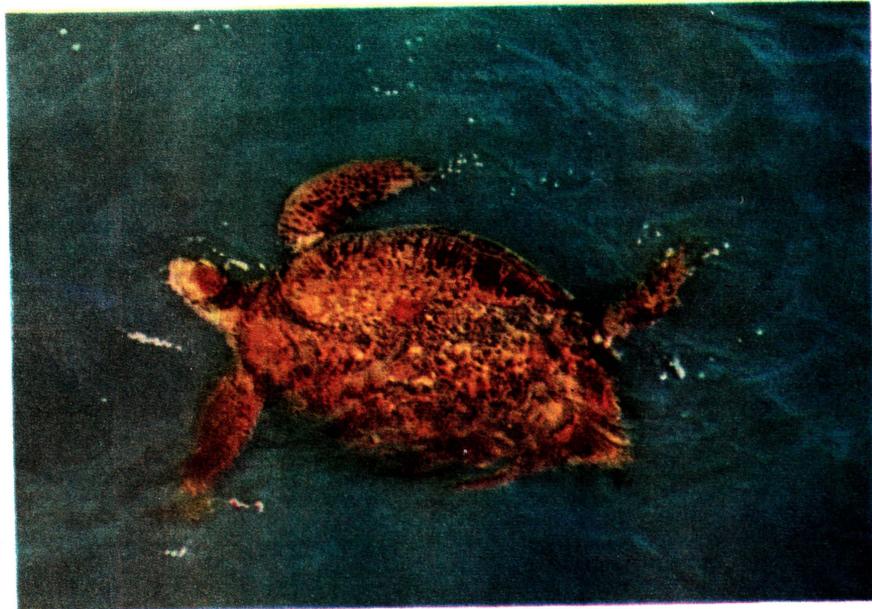
«Черепашья серенада»

После того как биолог Луи Марден вычитал в путевом дневнике итальянского писателя и путешественника Фолько Куиличи, что на Фиджи гигантских морских черепах подманивают с помощью пения, он потерял покой. Всю жизнь Марден собирал записи голосов птиц и животных и сам умел настолько искусно подражать многим из них, что ему ничего не стоило, например, вызвать трелями на «певческую дуэль» соловья или подманить тьякнэем осторожную лисицу. Но чтобы обычным человеческим языком, пусть даже словами песни, можно привлечь пресмыкающееся... Нет, такое просто не укладывалось в голове. Но и Куиличи не верить тоже не было основания. Причем сама фантастическая охота, по его описанию, выглядела до смешного просто:

«Трое островитян, спрятавшись за черными скалами возле белого кораллового берега, печально и заунывно тянули «нению» — протяжную песню. Прошло несколько часов, солнце уже стояло высоко в небе и пронзало лагуну ослепительными ударами лучей-клинков. Внезапно из воды высунулась треугольная голова черепахи. Несколько минут черепаха неподвижно лежала на поверхности. Пение усилилось, стало еще более тягучим. И черепаха поплыла к берегу. Тяжело вылезла из воды и поползла к скале. У нас осталось впечатление, что ее и в самом деле манила к себе песня. Едва пение прерывалось, черепаха останавливалась. Возобновлялось — и черепаха по горячему песку снова ползла к скале, за которой прятались певцы. Так продолжалось до тех пор, пока из засады не выскочили двое мальчишек. Они молниеносно воткнули позади черепахи палку и ею, словно рычагом, опрокинули черепаху на спину. Та беспомощно взмахивала лапами, отчаянно пытаясь перевернуться. Любовь к пению стоила ей жизни».

В конце концов Луи Марден решил отправиться на Фиджи, чтобы самому увидеть этот феномен и записать слова «черепашьей песни». Однако в Суве, столице архипелага, его ждало разочарование. В туристском бюро, куда Марден обратился за справкой: где лучше всего познакомиться с ловлей черепах пением, — сотрудники вос-

приняли его вопрос как шутку. Все это лишь древние легенды, со смехом утверждали они. Может быть, в старину нечто подобное где-то на островах и происходило, но уж, во всяком случае, не теперь, когда в аэропорту Нанди каждый день садятся реактивные лайнеры.

На поднявшийся веселый шум из своего кабинета вышел сам директор бюро мистер Техуира Апой. Он внимательно выслушал Мардена и вполне серьезно сказал, что на некоторых островах архипелага жители раньше действительно умели песнями-заклинаниями вызывать из морских глубин не только черепах, но и креветок, угрей, даже акул.

— Увы, теперь это искусство утрачено, — закончил «туранга» — глава местного туризма. — Впрочем, если хотите, можете попытаться счастья на Кандаву. После полудня туда пойдет шхуна «Аи Сокула» за бананами. Вернется послезавтра. Передайте ее капитану Мозе Саломону, что вы от меня. Он все устроит.

...Уже стемнело, когда крошечная и донельзя замызганная «Аи Сокула» бросила якорь в бухте Тавуки у северного побережья Кандаву. Тишина стояла такая, что был отчетливо слышен шелест крыльев бесчисленных летучих мышей, начавших ночную охоту.

— Вам повезло: завтра будет прекрасная погода. А черепахи приплывают в Тавуку только тогда, когда море спокойное, — обнадежил Мардена капитан Саломон. — Верный признак — Красная Утка (так фиджийцы называют Южный Крест) расправила крылья, — показал он на пять ярких звезд, сиявших в черном небе.

Еще по пути к Кандаву капитан «Аи Сокулы» заверил Луи, что роко Иноке Такамбау, староста деревни Намуана, не откажется показать приезжему священный обряд заклинания черепах, если выдастся подходящий день. А погода обещала быть отличной: ни ветерка, ни гула прибоя, накатывающегося на коралловые рифы у входа в бухту.

Едва рассвело, как Мозе Саломон заторопился в Намуану. Деревня состояла из трех десятков тростниковых хижин с высокими коническими крышами из пальмовых листьев, выстроившихся правильным полукругом вокруг зеленой лужайки. Несмотря на ранний час, деревня была уже на ногах. Мужчины подносили на лужайку гроздь бананов, а женщины сортировали их и укладывали в боль-

шие мешки, сплетенные из листьев пандануса.

При виде этого оживления Луи Марден было приуныл: станет ли роко отрывать людей от дела, чтобы развлечь какого-то иностранца? Однако опасения оказались напрасными. Когда капитан Саломон сказал Иноке Такамбау, что Марден специально прилетел из далекой Европы посмотреть, как жители Намуаны пением вызывают черепах из морских глубин, староста тут же велел состоявшему при нем в роли секретаря юноше собрать всех женщин деревни. Оказалось, исполнение «черепаших серенад» было на Кандаву исключительно женской прерогативой.

Через полчаса Марден и капитан Саломон в сопровождении самого роко поднялись вслед за цепочкой женщин по узенькой тропинке на высокий утес, нависший над южной частью бухты Тавуки.

...Мы, женщины Намбукелеву, Одели лучшие сулу
Из священной маси.
Украсили свои лица узорами,
Которым научил нас
Творец мира, великий Таароа,
И почтительно просим тебя,
О Рауиндалите,
Явись перед нами!..

Сначала тихо, а потом все громче и громче зазвучал над расплавленной сталью бухты Тавуки протяжный речитатив.

Увы, старая черепаха Рауиндалите, видимо, еще не успела проснуться: поверхность вод оставалась неподвижной. Певицы тем не менее не умолкали. Марден уже потерял счет времени, как вдруг громкий возглас одной из женщин возвестил, что чудо свершилось. Он осторожно свесился с края утеса и увидел далеко внизу, в толще воды, красно-коричневую точку. Она медленно росла, словно из глубины всплывала гигантская медуза. И вот из воды выступил огромный панцирь.

...О Рауиндалите,
Мы рады приветствовать тебя!..

Приподняв маленькую змеиную головку, черепаха, казалось, с удовольствием слушала пение. Но стоило ему оборваться торжествующим крещендо, как Рауиндалите в ту же секунду ушла в глубину. Лишь лениво расходившиеся по глади бухты круги свидетельствовали о том, что все происшедшее не почудилось Марде-

ну. Да и наскоро нацарапанные слова перевода песни капитаном Саломоном говорили о том же.

Наступившую тишину нарушили перешептывание певиц. Они не смело поглядывали на Иноке Такамбау, который расположился в тени пальм и, казалось, погрузился в дрему, слегка покачивая головой в такт «черепаший серенаде». Наконец, все так же не поднимая век, роко трижды хлопнул в ладоши, и песня зазвучала опять. На сей раз она была обращена к Тинанди Тамбонга — Матери Черепах.

Появление прародительницы оказалось еще более эффектным: даже с высоты утеса ее панцирь напоминал гигантский перевернутый котел. Правда, Мать Черепах не дослушала песню до конца, а просто милостиво кивнула головой — Мардену показалось, что это было сделано с поистине царской величавостью, — и неторопливо удалилась в свои подводные владения.

— ...Приходи к нам еще, о Тинанди Тамбонга!

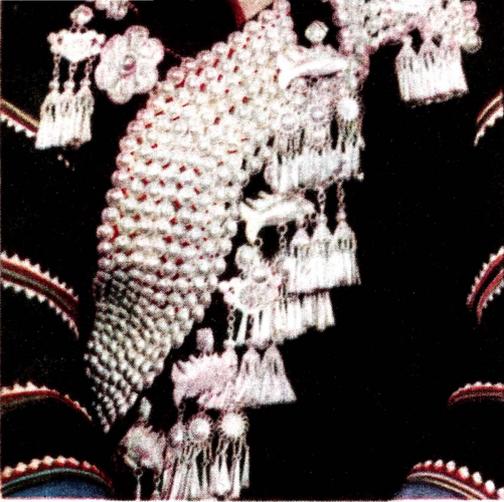
Хрипловатый голос роко деревни Намуана перекрыл женский хор. Марден и не заметил, когда староста успел очутиться рядом с ним на краю утеса. Подошедший капитан Саломон торжественно объяснил Луи Мардену, что он удостоился великой милости всемогущего бога Таароа: лицемер и Рауиндалите, и Тинанди Тамбонга. Сами намуанцы не видели их сразу в один и тот же день уже много месяцев. Хотя, как добавил Иноке Такамбау, его деревня свято чтит завет предков.

— У нас никто никогда не бросит камень в черепаху, — переводил Мозе Саломон. — Ведь когда-то они отдали свои панцири, чтобы люди могли найти себе на них приют посреди океана. А что делают неблагодарные на других островах?! Едва увидят в лагуне черепаху, лежащую на дне, сразу же начинают собирать камни. Стоит ей подняться подышать, как ее тут же забрасывают ими. Когда бедняга обессилеет, подплыть и вытащить ее на берег смогут и мальчишки. Потому-то черепахи и боятся незнакомых людей.

Капитан Саломон с улыбкой взглянул на Мардена: гость был явно изумлен.

«У меня нет рационального объяснения увиденному, — писал он позднее, — но беспристрастный объектив камеры может подтвердить, что фиджийцы с острова Кандаву действительно умеют общаться с черепахами».

С. БАРСОВ

НОСИ НА СЧАСТЬЕ!

Среди горных племен на севере Таиланда испокон веков славятся ювелиры-чеканщики из племени лау-на. Традиционные серебряные украшения, которые выходят из их рук, не только изящны и красивы, но и полны глубокого смысла. Например, эта перевязь из миниатюрных куполов символизирует желание долгой жизни и большой семьи. Подвески в форме рыб приносят удачу в делах, а цветы — процветание в доме. Колокольчики нужны для того, чтобы боги не забыли о человеке и не лишили его своей милости. В целом же значение, которое вкладывает мастер в этот праздничный убор, можно выразить словами: «Носи на счастье!»

ОЖИВШАЯ АРХЕОЛОГИЯ

На месте раскопок бывшего военного лагеря близ Тетбери (Великобритания) Кингскутским археологическим обществом был проведен археологический фестиваль. Присутствовавшие на нем зрители словно бы перенеслись на 2 тысячи лет назад, когда Цезарь начал покорение Англии. «Легионеры» метали каменные ядра с помощью «онагров», осыпали мишени тучами стрел из «скорпионов» — разновидностей древних катапульти, найденных при раскопках. Тут же можно было отведать приготовленные на древней плите блюда римской кухни: кабачки и дыни под абрикосовым джемом, цыпленка в молоке, рыбу в собственном соку с жареной морковью. Но кульминацией фестиваля был, конечно, парад маршировавших под зычные латинские команды «легионеров». Для них был приготовлен приятный сюрприз — обед римского воина, состоявший из овсяной каши без масла.

СТО ВЕКОВ СПУСТЯ

Справа — обыкновенная современная иглолка, выполненная по канонам нынешней технологии. Слева — тоже иглолка, и, хотя она мало чем отличается от своей сестры, возраст ее — ни много, ни мало — десять тысяч лет! Сделана она из кости, а нашли ее при раскопках древнего поселения в юго-восточной части штата Вашингтон (США). Имя мастера, естественно, неизвестно, как неизвестны и те орудия, которыми он пользовался. Однако опыт и мастерство налицо. Престарелой иглолкой можно шить и сегодня.

ЧЕТ — НЕЧЕТ

В Греции летом жарко. Температура поднимается до 30 и более градусов в тени, а многие жители Афин по субботам и воскресеньям никуда не выезжают и вынуждены сидеть дома: в связи с топливным кризисом в стране принято постановление, согласно которому поездки на автомобилях во время уик-энда ограничены. По этому указу в конце каждой конкретной недели по дорогам страны имеют право ездить владельцы машин либо только с четными номерами, либо только с нечетными.

Исключение составляют лишь машины «скорой помощи», пожарной охраны, катафалки, такси и автомобили дипкорпуса — по одному на каждое посольство. Правда, в интересах поддержания туризма машинам и автобусам с иностранными туристами разрешен свободный проезд по стране, однако с тем условием, чтобы при выезде из Греции они имели в своих баках столько же горючего, сколько его было при въезде, — за излишки оплата в тройном размере в твердой иностранной валюте.

Нарушение указа карается отсидкой в тюрьме до понедельника, пока не откроется суд, и штрафом в 2700 долларов. Что получилось в итоге? Во-первых, увеличилась продажа мотоциклов, на которые указ не распространяется. А во-вторых, уменьшились дорожные пробки в понедельник утром, когда люди возвращаются из загородных поездок на работу.

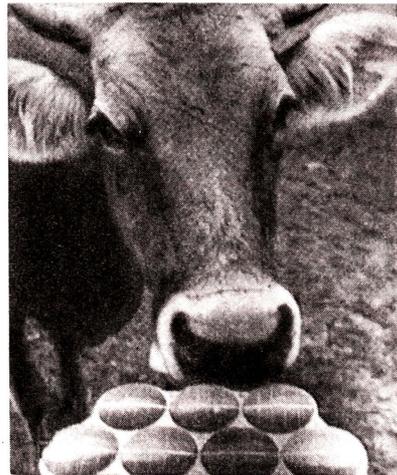
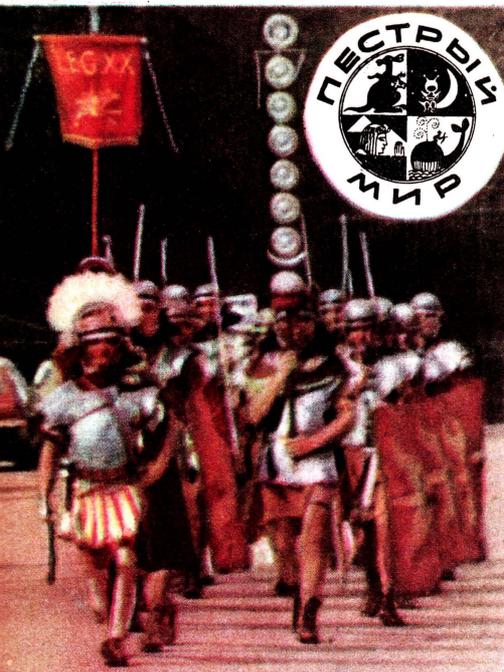

ЭКЗАМЕН НА КОРОЛЯ

Вообще-то говоря, короля зовут таким только полицейские в индийском городе Канпур: они частенько обращаются к нему, когда на базаре случаются недоразумения. Для всех остальных людей он просто нищий, а для коллег — уважаемый и тонкий специалист.

Каждый день король нищих — его зовут Маджид — выглядит иначе: то он святой-садху, то цыган, то юродивый. Сегодня молодой, завтра изможденный старик. Благодаря этому он всю жизнь работает в одном и том же квартале, не мозоля населению глаза.

Своему искусству Маджид научился в школе, которую содержит вышедший в отставку глава нищих. Преподают там наиболее заслуженные мастера своего дела. Из лучших выпускников старейшины выбирают короля. Учиться в школе нелегко, а сдать выпускной экзамен и того труднее: нужно ухитриться выключить милостыню у своих наставников...

СОЛНЦЕ И КОРОВЫ

Эта корова, пасущаяся в окрестностях швейцарского города Санкт-Галлен, знаменита с интересной технической новинкой. Она обнухивает солнечные элементы, которые вырабатывают электрический ток. Местные владельцы пастбищ обычно огораживают свои участки проволокой, по которой течет электрический ток под небольшим напряжением — достаточно, впрочем, сильный, чтобы отпугивать коров и мешать им одолеть легкую проволочную ограду. До сих пор такие заграждения получали питание от аккумуляторов, которые подзаряжались с помощью переносных движков. Теперь же швейцарские фермеры решили воспользоваться энергией Солнца. Намного дешевле и к тому же в ногу с веком!

КУЛЬМАН В ПРОШЛОЙ ЭРЕ

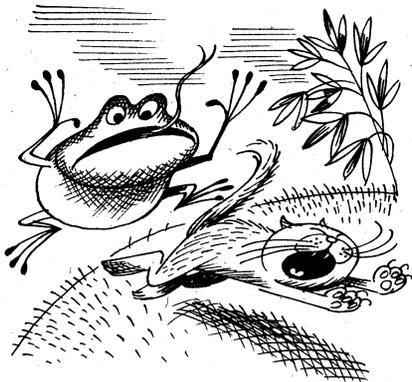
Чтобы сделать подобное открытие, надо обладать не только острым глазом, но и «профессиональным зрением»... В Судане сейчас реставрируют многие памятники старины, а помогают местным специалистам в этой работе сотрудники Академии наук ГДР. Один из них, архитектор Фридрих Хиккель, обратил как-то внимание на линии, выцарапанные на камне вблизи большой пирамиды в районе древнего культурного центра Мероэ. После тщательного изучения обнаружилось, что рисунок этот не что иное, как... «рабочий план» пирамиды. Естественно, ученые и раньше знали, что пирамиды в Египте и Судане не могли быть построенными «на пустом месте», без предварительных наметок и эскизов. Но вот детальный «чертеж» был найден впервые. Очевидно, в древнем мире существовала более дифференцированная специализация, чем это предполагалось раньше. Конечно, были рабы-строители и надсмотрщики, интенданты и десятники, архитекторы и проектировщики, но еще и чертежники, и — кто знает! — может быть, даже дизайнеры.

ЗЕРКАЛО ДОРОЖЕ РАФАЭЛЯ

История зеркал теряется в глубь веков. Понятно, что самым первым зеркалом была обыкновенная лужа. Но вот беда — с собой ее не унесешь и дома на стенку не повесишь. Поэтому появились отполированные куски обсидиана, которые в древние времена были в ходу в Китае и Центральной Америке, и отполированные бронзовые диски — они нашли распространение в Средиземноморье.

Совершенно новый тип зеркал — вогнутых — появился лишь в 1240 году, когда научились выдувать сосуды из стекла. Мастер выдувал большой шар, затем вливал в трубку расплавленное олово (ного способа соединения металла со стеклом еще не изобрели), а когда олово растекалось ровным слоем по внутренней поверхности и остывало, шар разбивали на куски. И пожалуйста: можно смотреться сколько угодно, только отражение было, мягко говоря, немного искаженным.

Наконец, примерно в 1500 году во Фландрии придумали «смачивать» плоское стекло ртутью и приклеивать таким образом на его поверхность тонкую оловянную фольгу. Однако плоские стекла в те времена были невероятно дороги, и хорошо их умели делать лишь в Венеции. Венецианские купцы, недолго думая, выторговали у фламандцев патент и целых полтора века держали монополию на производство отличных «венецианских» зеркал (которые, конечно, следовало бы именовать фламандскими). Цену их можно представить на таком примере: зеркало размером 1,2 метра на 60 сантиметров стоило... в два с половиной раза дороже, чем полотно Рафаэля!

«БУФО» ПЕРЕХОДЯТ В АТАКУ

Нельзя нарушать экологический баланс! Далеко не всегда можно заполнять призывными животными «пустующие экологические ниши! Сейчас эти правила стали аксиомами для биологов, но люди — во многих местах и во многих случаях — до сих пор распыляются за ошибки, сделанные ранее. Порой цена оказывается непомерно высокой.

...В 1935 году завезли в Австралию заморскую лягушку «буфо маринус», чтобы та помогла фермерам расправиться с жуками, поедаящими сахарный тростник. Лягушка не простая, а гигантская: до-

Рисунки В. ЧИЖИКОВА

„ВОКРУГ СВЕТА“ 50 лет НАЗАД

ОКЕАНСКИЙ КАБЕЛЬ ВЕЗДЕИСТВУЕТ

Раньше возлагались большие надежды на телефонный кабель между Европой и Америкой, проложенный несколько лет назад. Этот кабель, по расчету предпринимателей, должен был работать круглые сутки без перерыва и служить лучшим средством связи для двух континентов. Прокладка кабеля и обслуживание его потребовали огромных затрат. Но надежды предпринимателей не оправдались; телефонная компания, проложившая кабель, терпит большие убытки.

Дело в том, что у кабеля появился опасный конкурент. Год назад начал действовать радиотелефон «Лондон — Америка». С этих пор число разговоров по телефонному кабелю постепенно падает. В настоящее время по кабелю ведется не более 45 разговоров в день, в среднем разговор длится 6 минут. Клиентов отпугивает слишком высокая плата.

ИЗ ПАРИЖА В ВУЭНОС-АЙРЕС В ТРИ С ПОЛОВИНОЙ ДНЯ

Французский авиатор Мормоц только что совершил блестящий перелет через Атлантический океан — из Сен-Люи в Сенегалии до Натали в Бразилии, другими словами — покрыл 3180 километров в 20 час. 15 мин. На борту самолета было два пассажира и радиоаппарат, давший возможность поддерживать связь со всем миром, затем 130 кгр. почты — свыше 20 000 писем. Аппарат был снабжен 600-сильным мотором. Мормоц побил мировой спортивный рекорд расстояния для авиопланов, установленный американцами Роджерсом и Коннелом, покрывшими 2963 километра.

стигает 30 сантиметров в длину, а весит до двух килограммов. Прошло некоторое время, и выяснилось, что «буфо» надежд не оправдали: жуки-вредители им быстро наскучили, и они принялись за полезных насекомых. Борьба с лягушкой-гигантом, превратившейся из друга во врага, трудна: она способна «выстреливать» из заднего конца туловища струйку яда, который и человеку то может причинить крупные неприятности, а для кошек и собак просто смертелен. К тому же «буфо маринусы» неуютны прожорливы и неразборчивы в пище — не брезгают букашками, пакетами, картоном и даже... непотушенными окурками. Естественных врагов у них в Австралии нет, жизненный цикл длится 40 лет (!), поэтому плодятся земноводные чудовища с невероятной быстротой. Что с ними делать, ученые еще не придумали.

ЧЕСНОЧНАЯ СТОЛИЦА

Селение Лас-Педроньерас, расположенное в горах Ла-Манча, пользуется в Испании известностью: его именуют «столицей чеснока». Здешние жители любят похвастаться, что они занимают первое место в мире по выращиванию этой культуры: собирают до 40 тысяч тонн луковиц в год. Половина урожая экспортируется в страны Латинской Америки — там этот чеснок ценят очень высоко: уж больно он крепок и ароматен. Можно подумать, что жители селения обожают свой замечательный овощ, поедая его в неслыханных количествах и их можно отличить от всех прочих ламанцев по специфическому запаху. Ничего подобного! В Лас-Педроньерасе чеснок не едят...

Но здесь дело не только в спорте, а в чисто практических достижениях. Письма, отправленные в субботу вечером из Парижа, во вторник вечером были уже в Рио-де-Жанейро, а на следующий день в 19 ч. 25 м. почта на самолете была доставлена в Буэнос-Айрес. Таким образом, вся пересылка продолжалась три с половиной дня. Пересылка обычным путем, морем, потребовала бы 19 дней.

ЛАСТОЧКИ

Во всех европейских странах в последнее время отмечено непрерывное уменьшение числа ласточек. Деревни, в которых когда-то свивали себе гнезда бесчисленные ласточки, теперь совсем не посещаются ласточками. Зато в этих деревнях расплодилось небывалое количество мошкар. До сих пор ласточки играли немаловажную роль в деле борьбы с мелкими насекомыми.

Причины уменьшения числа ласточек самые разнообразные. Большое количество ласточек уничтожается в южных странах, где их ловят и употребляют в пищу. Очень большое количество птиц становится жертвой электрических станций на озере Комо. Именно в окрестностях озера ласточки во время перелета через Альпы обычно отдыхают. Как известно, ласточки охотно садятся на телеграфные провода и тысячами гибнут, убитые электрическим током.

Замечено также, что ласточки покидают те места, где когда-то из года в год выводили своих птенцов. Оказывается, воробы заняли гнезда ласточек и вовсе не собираются уступить свое новое жилье. Ласточки никогда не вступают в борьбу и предпочитают улететь.

Население не всегда отдает достаточно ясный отчет в том значении, какое имеют ласточки и какую пользу они приносят хотя бы уже одним тем, что уничтожают мошкору, причиняющую столько вреда скоту.

Странный падающий камень

Падающие камни отважный охотник Ва-Хунга видел не раз. В местах, где обитало его племя, они падали с неба так часто, что Ва-Хунга привык к ним и, к возмущению старейшин, начал даже сомневаться в их божественном происхождении. Этим он вскоре восстановил против себя весь род.

Охотник пошел в своей дерзости еще дальше: из одного падающего камня он сделал себе мощную палицу. Но и тогда никто не посмел открыто выступить против него, ибо Ва-Хунга по праву считался лучшим следопытом и добытчиком.

Ва-Хунга чувствовал неприязнь своих сородичей и как-то незаметно для самого себя стал охотником-одиночкой. Все молча смирились с этим, и он теперь лишь изредка появлялся в становище у Великой Реки. А так как Ва-Хунга не боялся ни падающих камней, ни старейшин, племя стало относиться к нему со смешанным чувством страха и почтения.

Охотиться Ва-Хунга предпочитал близ Красной Скалы, у водопада, где речка образовала излучину и была мелководна. Охотник умел ловко карабкаться по отвесным склонам и в случае угрозы со стороны расклевывшего хищника мог мгновенно подняться на вершину, где чувствовал себя в полной безопасности. Он даже оборудовал там убежище, где спрятал запас пищи, камней, копий. И если какой-нибудь упорный и злобный хищник подолгу осаждал его, бешено рыча и царапая скалу когтями, Ва-Хунга метким броском камня или копья вынуждал его обратиться в бегство.

Ва-Хунга был доволен своей судьбой. Одиночество, на которое осудил себя добровольно, он не принимал трагически. Оно не наскучивало ему, больше того — позволяло размышлять. Охотник начинал постигать мир не только чувствами, но и разумом: не только спрашивать «почему», но и искать ответы, это его восхищало; вскоре он понял, что знает гораздо больше, чем его собратья, и очень радовался тому...

И на этот раз Ва-Хунга притаился в засаде у тропы к водопаду. Кругом царил тишина. Наконец на опушке далекого леса появилось стадо животных и осторожно, словно в нерешительности, направилось к реке. Сердце у Ва-Хунга забилось: он узнал антилоп наинх, мясу которых — сочному, нежному, необычайно сытному — не было равных. Но в тот миг, когда антилопы подошли уже совсем близко, с неба, громко свистя и гремя, упал камень. Все стадо в паническом страхе кинулось обратно к лесу.

Разочарованный Ва-Хунга издал протяжный крик гнева и, выскочив из укрытия, подбежал к месту падения камня.

Камень был необычный. Он был... странный. Лежал на земле, дышал паром и издавал необычные звуки: не то шипел, не то стонал. И трепетал белыми... крыльями. Ничего подобного отважный охотник Ва-Хунга еще не видел. И если бы он не был голоден, если бы самое вкусное мясо не умчалось безвозвратно, то врожденная любознательность наверняка взяла бы верх над гневом и разочарованием. Он начал бы спрашивать «почему» и раздумывать. Но теперь...

Он покрепче сжал в руках палицу и, широко размахнувшись, нанес яростный удар по ненавистному камню, так не вовремя упавшему с неба. Над саванной разнесся возглас торжества. Охотник, опьяненный мщением, крушил и крушил странный камень...

А на далекой планете, о существовании которой Ва-Хунга даже не подозревал, ученые истолковали удары его палицы как доказательство того, что в этом мире жизнь невозможна, так как там царят чудовищные давления, достигающие сотни атмосфер.

Перевела с польского З. ВОБИРЬ

В номере использованы фотографии из журналов: «Атлас» (Франция), «Нэшнл джиджогрфик» (США), «Нэчрл хистори» (Англия), «Орентейшнз» (Гонконг).

Наш адрес: 125015, Москва, Новодмитровская ул., 5а. Телефоны для справок: 285-88-83; отделы: «Наша Родина» — 285-89-83; иностранный — 285-89-56; науки — 285-89-38; литературы — 285-80-58; писем — 285-88-68; иллюстраций — 285-89-36; приложение «Искатель» — 285-80-10.

© «Вокруг света», 1980 г.

Сдано в набор 01.11.79. Подп. в печ. 18.12.79. А03661. Формат 84×108^{1/16}. Печать офсетная. Условн. печ. л. 6,72. Учетно-изд. л. 11,5. Тираж 2 800 000 экз. Заказ 1906. Цена 70 коп. Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

ЧЕМПИОН НА ЧАС

Индюк — птица непростая, прихотливая, с характером, не всякая хозяйка с ней справится. Чуть что не понравилось — распахнет крылья, забормочет, налетит и ущипнет. И даже будучи оципаным, индюк не перестает проявлять норы: чтобы его приготовить, требуются умение и опыт, а то сухим и невкусным будет мясо.

Виделся индюк в американских лесах с незапамятных времен. За ворчливое «гоббель-оббель» его и прозвали «гобблером». В XV веке птиц завезли в Европу, и, когда домашние индюки снова попали на родину, стали называть их «турецкими птицами». То ли по имени торговцев, которых почему-то считали турками, то ли потому, что хозяйки, созывая птиц, кричали «тук-тук-тук»... Так или иначе, индюки были очень распространены и украшали любой стол. До сих пор рождественский ужин без традиционной индюшки не в обычае американцев.

Теперь в лесах почти не осталось диких индюков. Зато редкое фермерское хозяйство обходится без этих птиц. Несмотря на всю сложность индюшачьего характера, разведение их себя оправдывает: и мясо вкусное, и перьев хватит на подушки для всей семьи. Кстати, и в работе индюки помощники, хоть, конечно, пахать на них не станешь. Но если выгнать индюшачью стаю на хорошо огороженное поле, птицы удобрят его лучше всяких химических новшеств — выгода для хозяина немалая.

В американском городке Уортлингтон, штат Миннесота, вот уже сорок лет празднуют... день индюка. С утра улицы, обычно заполненные машинами, отдыхают, готовясь принять праздничную процессию. Наконец показываются степенно вышагивающие индюки и сопровождающие их хозяева. На тротуарах, возбужденно переговариваясь, толпятся зрители. Здесь все знатоки, поэтому товар надо показать лицом. Хозяева всегда готовы объяснить и дать совет. А решать, чья птица лучше, — зрителям.

У городских мальчишек свои традиции, связанные с этим праздником. Они бегут рядом с индюками, пытаются раздражить их. И тогда, грозные и воинственные, грудь колесом, голова закинута назад, синее мясистый «рог» на лбу, — индюки смотрят друг на друга, не растащи их — начнется драка. Хозяева зорко наблюдают за порядком, но и мальчишки не успокаиваются, пока не добьются своего.

Созная собственную важность, индюки неторопливо продвигаются по улицам, высокомерно поглядывая на окружающих. Не знают они, чем этот день закончится для лучших из них...

Вечером хозяева птиц во главе с владельцем, победителем прошлого года, будут обходить дома фермеров. Именно за столами с традиционной индюшкой окончательно решится вопрос, чья птица лучше, — нельзя оценить индюка по достоинству, не попробовав его на вкус.

Хозяину-победителю будет дано звание «лучшего индюшатника» и право судить в будущем году...

А от индюка-победителя останется только слава «самой вкусной» птицы года да пучок разноцветных перьев на двери дома. До следующего года, пока не изберут нового, «самого вкусного»...

Л. ЖУРОВА

ВСЕСОЮЗНАЯ ТУРИСТСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ
СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ
«МОЯ РОДИНА — СССР»

ГОРОД-ГЕРОЙ ЛЕНИНГРАД

БЮРО МЕЖДУНАРОДНОГО

МОЛОДЕЖНОГО ТУРИЗМА

Цена 70 коп.

Индекс 70142

10
17
18
19
20

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13